

А. Абрашкин

**РУССКОЕ
МЕЖДУРЕЧЬЕ**

Выпуск 2

**Нижний Новгород
2021**

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

М 74

М 74 Абрашкин А.А.

Русское междуличие / *выпуск 2* / Анатолий Абрашкин. –
Н. Новгород: Дятловы горы, 2021. – 338 с., ил.

© Анатолий Абрашкин, 2021

© Издательство «Дятловы горы», 2021

ОТ РЕДАКТОРА

Судьба благоволит авторскому коллективу, и грант АО ИК «АСЭ» (Инжиниринговый дивизион Госкорпорации «Росатом») позволяет издать второй выпуск альманаха весьма значительным тиражом. Это замечательно и в то же время ответственно.

В данном выпуске мы верны себе и предлагаем познакомиться с оригинальными идеями в области русской истории, семейными хрониками, «изнутри» освещающими былую жизнь нашего Отечества, избранными художественными произведениями нижегородцев, а также материалами, посвященными научной деятельности наших земляков. Широта тематики, надеюсь, раззадорит читателя, а содержательность текстов вызовет симпатию, интерес и уважение к авторам и их героям.

Благодарю всех друзей альманаха, которые помогли в его создании. О своих впечатлениях можно написать по адресу: aabrashkin@hse.ru.

Анатолий Абрашкин

НАША ИСТОРИЯ

А.А. Абрашкин

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЕЛ РУССКИЙ ДУХ?

«Есть две России: одна – Россия видимостей, громада внешних форм с правильными очертаниями, ласкающими глаз; с событиями, определенно начавшимися, определительно оканчивающимися, – «Империя», историю которой «изображал» Карамзин, разрабатывал Соловьёв, законы которой кодифицировал Сперанский. И есть другая – «Святая Русь», «Матушка-Русь», которой законов никто не знает, с неясными формами, неопределёнными течениями, конец которых непредвидим, начало безвестно: Россия существенностей, живой крови, непочатой веры, где каждый факт держится не искусственным сцеплением с другим, но силой собственного бытия, в него вложенного».

В.В. Розанов

Вторая половина марта 2014 года. Крым вновь стал частью России. Событие глобального масштаба, крупнейшая геополитическая победа России после развала Советского Союза. Душа ликует! Через какие только унижения не прошли русские, когда всё в родной стране перевернулось с ног на голову, когда бывшие союзные республики обрели независимый голос и в большинстве своём ударились в оголтелую русофобию. Казалось бы, народ наш на исходе XX века вконец истратил свою энергетику, истощил силы в революциях и войнах, «сгорел» заживо, и верить в возрождение русского национального начала, русского духа может только неисправимый романтик. Но «невозможное» свершилось.

Главной причиной, всколыхнувшей русское национальное море, стал шовинистический смерч, налетевший из Киева. Одно дело – продажная политика властей, материальные трудности, но когда миллионам людей объявили, что их родной язык отныне перестаёт быть го-

сударственным, они восстали. Самое удивительное, что этот всплеск гражданской активности не готовился российской стороной, а был спровоцирован киевскими политиками и их бандеровской гвардией. Неожиданно в русских высветилось что-то глубинное, таившееся до поры до времени в тайниках сознания и вспыхнувшее спонтанно сразу в миллионах душ.

В ситуации с Крымом и на юго-востоке Украины мир воочию увидел пробуждение русского духа. Это грандиозное явление не смог просчитать американские и западные спецслужбы. Это сродни чуду или, по крайней мере, череде чудесных «случайностей», хранящих Россию. Люди верующие увидят в этом Божье покровительство и спасительный покров Богородицы, распростёртый над нашей Родиной, а мистики обязательно вспомнят знаменитое тютчевское четверостишие: «Умом Россию не объять». Но мы всё-таки попробуем абстрагироваться от лирических формулировок и попытаемся вьявь разгадать тайну русского мирозерцания и дать рациональное объяснение феномену русскости.

РУССКИЕ ДРЕВНЕЕ СЛАВЯН

Для начала сдуюем пену скепсиса с высказываний разного рода ёрников, отрицающих саму возможность такого исследования. Словосочетания «русский дух», «русская душа» – устойчивые обороты нашей речи. Они возникли и прочно укоренились в нашем национальном сознании. Ни у одного другого народа подобных выражений нет. В философии используются термины «душа нации» и «национальный дух», но они равно применимы к любому народу и сами по себе не несут никакой этнической окраски. С русскими это правило даёт сбой. Особо подчеркнём, что нет также и отдельных понятий – «славянская душа», «славянский дух». Любопытно, не правда ли? Выходит, что русские выделяются особенными духовными свойствами, в том числе и внутри славянского братства.

Все (или почти все) известные нам «схемы» развития мировой истории рассматривают русских как часть общеславянской общности. При этом совершенно игнорируется, что русские и славяне в геополити-

тическом аспекте по-разному смотрят на мир. Различие славянского и русского мировоззрений принципиально. Про это прекрасно написал Константин Леонтьев в работе «Панславизм и греки»:

«Россия знает, что, кроме чехов, болгар и т.д., есть еще *румыны, мадьяры и греки*: она знает, что две первые не соплеменные ей нации самую природой вещей *вставлены*, так сказать, в славянскую оправу, принуждены быть инородными островами в этом славянском море... У России будут всегда какие-нибудь частные несогласия с западно-или юго-западным славянским миром... Особенности их (славянской. – А. А.) истории сделали для них магическим слово «свобода»... При образовании того оборонительного *союза государств* (т.е. всеславянского. – А.А.)... непременно выработается у юго-западных славян такая мысль, что крайнее государственное всеславянство может быть куплено только ослаблением *русского единого государства*, причем племена, более нас молодые, должны занять первенствующее место не только благодаря своей молодой нетерпимости, своей подавленной жажде жить и властвовать, но и необычайно могучему положению своему между Адриатикой, устьями Дуная и Босфором. Образование *одного сплошного и всеславянского государства* было бы началом падения Царства Русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России. «Русское море» иссякло бы от слияния в нем «славянских ручьев» (А.С. Пушкин)... Повторяю вам. Россия не была и не будет чисто славянской державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для её всемирного духа... Россия, при сношениях с этой восточной федерацией независимых государств, неизбежно будет во многом больше сходиться с инородными племенами этого союза, с румынами, греками, даже и мадьярами, чем с юго-западными славянами. Россия будет естественным защитником этих слабейших и отчасти старейших наций против весьма возможных посягательств со стороны славян юго-западных, жадных, упорных и властолюбивых, как все долго, но неискусно подавленные молодые и грубые народности».

Русские никогда не объединяются по «принципу крови». Единое славянское государство во главе с Россией, за которое некогда ратовали панслависты, было чистейшей утопией. Но Леонтьев также прекрасно понимал, что оно невозможно ещё и потому, что внутренняя

природа славянства лишена ощущения наднационального (всемирного) духа. Это признак молодых народов, и его со всей очевидностью демонстрирует нам современная Украина, где «жадные, властолюбивые, упорные» славяне объявили своего старшего брата врагом номер один.

Русские стремятся к сплочению с самыми разными народами, созданию «империи», славяне, наоборот, всегда толкуют о своем обособлении, собственном национальном интересе, они «республиканцы». Достаточно напомнить, что новгородцы-словене не смогли ужиться с чудью, мерей и весью и призвали русов во главе с Рюриком, чтобы те «управляли ими по праву». Новгородцы не оставляли попыток отделиться от Руси, пока Иван Грозный не расселил их на просторах Московского царства. Ещё более яркий пример славянского сепаратизма дают Украина и Польша. Из всех южнославянских народов только сербы готовы строить общеславянское государство. Но, удивительное дело, оказывается, что «римляне называли сербов россияне, некоторые называют их руссы, сами они зовут себя рассане и рашане; у них есть город Раса; жупан сербский носил титул Расский. Иллирийские сербы даже и вышли из Галицкой, или Чарвонной, Руси. Одноплеменность сербов с руссами свидетельствуется и тем, что сербский язык ближе всех к древнему русскому» (Е. Классен). Но отсюда вытекает, что именно русские хранят память о былом единстве славян.

Русские – древнейшая «ветвь» славянского древа. Формулируя эту мысль, мы ни в коей степени не хотим умалить роль и значение других славянских племён, мы попросту, вслед за Константином Леонтьевым, отмечаем важнейшую особенность русских – сплавивать вокруг себя другие народы. Это реликтовая черта нашего национального характера, а не вновь приобретённое качество. Нет в мире народа, в большей степени интернационального, чем русские, и это опять-таки доказывает очень древние корни нашего национального духа.

Академические историки ведут историю русского народа от князя Рюрика (X век) и отказываются признавать его более глубокую древность. Согласно их постулатам, русский народ сформировался из тех славянских племён, которые в V–VI веках переселились в Вол-

го-Окское междуречье с берегов Дуная. Другими словами, учёные утверждают, что русские не являются коренными обитателями Русской равнины. Нас записали в пришельцев, «юных» переселенцев, перебравшихся на земли, освоенные к тому времени угро-финскими племенами (теми же мордвой и чувашами). В связи с такого рода взглядами Андрей Битов в «Уроках Армении» приводит слова живописца Сарьяна: «Я понимаю, откуда армяне, понимаю, откуда евреи. Но откуда русские?»

Придётся объясниться. Славянские племена пришли на Русскую равнину после развала Римской империи. В то время здесь уже были русские. Причерноморские русы в IV–VII вв. были прекрасно известны византийцам, а на берегах Дона и Северного Донца в VIII–IX вв. существовало целое государство русов – Русский каганат. Славяне расселились на землях, уже обжитых и обустроенных к тому времени русскими. Русские приняли их в свой дом, правда, не на первых ролях. В «Русской Правде» (своде законов Ярослава Мудрого) в первой статье сказано:

«Аще не будет кто мстят, то 80 гривен за голову, аще будет русин, любо гридень, любо купчина, любо ябетник, любо мечник; аще изгой будет, любо словенин, то 40 гривен положить за нь».

Как видно, русин и славянин в XI веке ещё не были уравнены в правах, статус первого был выше, и понятно почему: русин был здесь коренной житель, а славянин – пришлый. Статус славянина приравнивался к статусу изгоя! Покидая берега Дуная, славяне возвращались на свою прародину, к тем своим русским братьям, которые никогда её не покидали. Неожиданно? Не спорим, но зато теперь всё становится на свои места: прародина русского народа находится на территории России, точно так же, как родина армян – Армянское нагорье, а родина евреев – Месопотамия.

Ещё в VI–V тыс. до н.э. предки русских и славян входили в единую общность европейских народов. Местом её сосредоточения выступали южные и центральные области Русской равнины. В Западную Европу предки славян (праславяне) пришли позднее. Правильнее было бы называть славян западными русами, поскольку именно славяне «отпочковывались» от единой общности, местом проживания которой была Восточная Европа. Племена, остававшиеся на землях

прародине, продолжали беречь традиции этнической общности (интернационализма). Они и составили в будущем ядро русского народа.

Для армянина Сарьяна не было секретом то, что, к примеру, в Урарту – «предтече» современного Армянского государства – правила цари Руса I, Руса II и Руса III, а в Библии упоминается грозный северный «народ Рош», хозяйничавший в Малой Азии. И поскольку было всё это за полторы с лишним тысячи лет до образования Киевской Руси, когда славяне ещё не вышли на историческую сцену, то у Сарьяна естественно возникал вопрос: «Откуда же тогда русские?» Ведь, записывая русских в славяне, учёные «отрезают» у них огромный пласт древнейшей истории, происходивший на территории Восточной Европы и Азии.

При этом учёные не в состоянии объяснить, отчего в русском народе так неистребимо интернациональное начало. Почему оно распространяется не только на славянские, но и на все другие народы? Наверняка многие подумают здесь о великом значении Православия и сошествии Святого Духа на Русскую землю. Так, к примеру, объясняли русский дух славянофилы. Но суть ответа не в этом. Православных народов много, но по способности спланировать вокруг себя самых разных людей ни один из них не сравнится с русскими. Да и веру христианскую наш народ обрёл достаточно поздно, чуть больше тысячи лет назад. Интернациональное видение, наш народный дух, – явление более древнее, глубинное. С незапамятных пор он витает над пушкинским Лукоморьем, «где чудеса, где леший бродит», и это, безусловно, наследие языческих тысячелетий.

УРОК АРИСТАРХА САМОССКОГО

Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт. Люди издревле знали, что имя непостижимым образом может влиять на сознание человека, его характер и привычки. Есть все основания предполагать, что это наблюдение останется справедливым и применительно к названиям народов. Во всяком случае исследователи, объясняющие имена народов, неизменно соотносят их с отличительными свойствами этих племён.

Каково же тогда значение слова «русский»? Начнём с версии, предлагаемой нашими академическими филологами. Они обращают внимание, что само это слово является прилагательным, и потому в своём первоначальном значении имело смысл «те, кто относится к Руси». Следуя этой логике, вопрос о нашем национальном имени сводится к прояснению термина «Русь» (роль суффикса «ск» игнорируется), который объявляется производным от финского слова «guot-sy» – «гребцы». Именно этим именем финские племена обозначали выходцев из Скандинавии, из той её области, которая впоследствии стала Швецией. Вот такая гипотеза была высказана в 1876 году А. Куником и в настоящее время признана академической общественностью самой аргументированной точкой зрения.

Подчеркнём сразу же, что эта теория выставляет русских полными идиотами, воспринявшими в качестве своего родового имени прозвище, данное им другим народом. Причём сделали они это так неуклюже, что потеряли сразу две буквы: «о» и «т». Добавим к этому, что русские – единственный народ, чьё имя служит прилагательным, и этот факт также ставится нам в укор – мол, нашли причину выделиться, да ещё придумали для этого свой суффикс, которого нет в других языках. В общем, академическая версия насквозь пропитана русофобией, только такой прилизанной, залакированной, что вроде бы всё по науке и ни к чему не придерёшься. Но это, разумеется, не так.

Начнём с того, что в качестве «матрицы» нашего родового имени выбран финский язык. На этот счёт уместно вспомнить урок Аристарха Самосского (II в. до н.э.), преподанный им научному сообществу. Осознав, что по своим масштабам Солнце гораздо больше Земли, он заявил, что именно наша планета должна вращаться вокруг него, а не наоборот. Современники учёного отвергли его рассуждения, но сегодня самое время вспомнить об их заблуждении. Зачем объяснять слово, исходя из финского языка, если русские принадлежат к другой, причём более широко распространённой языковой семье народов? Это не только непонятно с методической точки зрения и бездарно в профессиональном отношении, но ещё и унижительно в чисто человеческом аспекте. Ну, на кой ляд, скажите, пожалуйста, надо было русским приватизировать косноязычное, совершенно неблагозвучное для русского уха финское словцо?

Гораздо верней считать, что, когда древние русы-корабелы приплыли в страну финнов, те стали сопоставлять их родовое имя с понятием «гребцы». Тогда становится понятным, почему исказился изначальный корень «рус» при заимствовании. Более простая форма слова является и более древней. На факт иностранного происхождения слова «руотси» указывает также и то, что финский язык никак не объясняет значение его корня. Налицо надуманная гипотеза, явная подтасовка, и это ясно каждому здравомыслящему человеку, способному высказывать и отстаивать независимое мнение. Что же говорить о профессионалах-филологах? Естественно, они всё прекрасно понимают, но молчат. Причины у всех разные и большей частью прозаические, но можно совершенно определённо говорить об академическом заговоре молчания...

Суть его – поддерживать идею об относительной молодости русского народа и русского языка. Это одна из основополагающих парадигм в современных гуманитарных исследованиях. Самое удивительное (и страшное), что эту идею иногда поддерживают и отстаивают даже те, кого общественная традиция причисляет к числу избранных русских патриотов, чей голос слушает нация. К их числу относятся, например, академик Д.С. Лихачёв, Л.Н. Гумилёв и В.В. Кожинов. Все они с тем или иным перепевом поддерживали норманскую теорию, но пример последнего учёного наиболее показателен, поскольку он не только считается одним из наиболее выдающихся представителей русской духовной элиты конца XX века, но и неоднократно публично причислял себя к числу русофилов. Комментируя куниковскую гипотезу, В.В. Кожинов в книге «История Руси и русского слова» пишет:

«Эта история названия «Русь» – ещё один повод для резких возражений заострённо патриотически настроенных публицистов и историков, усматривающих в таком объяснении истоков имени «Русь» некое беспрецедентное «принижение» своего славянского народа. Между тем перед нами довольно «типичная» история названия народа и страны. Так, тот *романский* народ, который ныне все знают под именем французов, получил сие название от *германского* племени *франков*, завоевавшего этот народ в конце V–VI веке и взявшего в свои руки всю власть в стране, а в конце концов ассимилированного преобладающим романским населением. Не исключено, что те или

инные французы сокрушались по поводу того, что они и их страна называются по имени чуждых и поработивших коренное население завоевателей. Но совершенно ясно, что у нас, русских, гораздо меньше оснований сокрушаться, нежели у французов. Ибо если имя «Франция» действительно произошло от названия чужого племени, то история названия «Русь» имеет совсем иной характер.

<...> Имя «Русь» происходит вовсе не от имени чужого – шведского – племени, а от названия двигающейся по воде дружины. В финский язык «guotsu» вошло в древнейшие времена как название шведов, но нет сведений о том, что оно имело подобное значение в языке *славянских племён*.

В представлениях тех историков, которые склонны полагать, что словом «русь» вначале назывались шведы (свеи, свеоны, – А. А.), считаются очень важными сведения так называемых «Бертинских анналов», где сообщено, что в 839 году к германскому императору прибыли люди, «которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос... Тщательно расследовав... император узнал, что они принадлежат к народности шведской».

<...> Находившиеся среди восточных славян шведы уже в 830-х годах считали себя принадлежащими к «народу Рос», а не шведами. И в последнее время достаточно прочно утвердилось представление, согласно которому «русью» в восточнославянских землях первоначально называлась определённая часть их населения, а именно та часть, которая сыграла основную роль в создании и развитии государственности. В эту часть входили люди, принадлежавшие к различным племенам (в том числе, без сомнения, и шведским), но осознававшие себя единой силой, даже как бы единым «народом».

Средневековые русы (росы) не являются славянами. Этот вердикт современных учёных мы, безусловно, разделяем, и подробно обосновали это в предыдущем разделе. Но считать русов частью шведов, как это делает Кожинов, никак не можем. В самом деле, как свидетельствуют источники, «народ Рос» проживал в то время не только на Балтике, но и в Причерноморье и на Дону. Неужели это тоже были шведы? Для объяснения сведений, приводящихся в «Бертинских анналах», уместно ещё раз вспомнить урок Аристарха Самосского. Всё ж таки русский народ и многочисленнее, да и

распространённое шведского. Группа русов в своё время пришла в Скандинавию, обжила там свой «кусочек» территории, которую называла Русью. Впоследствии, смешавшись с другими племенами, они стали называть себя свеями, свеонами или, по-современному, шведами. Ведь послы, прибывшие к германскому императору, ясно сказали ему, что принадлежат к народу Рос. Подозрительность императора, затеявшего расследование, опять-таки понятна и легко объяснима. Он прекрасно знал, что росы проживали не только на Балтике, но и на Русской равнине. После изучения вопроса он твёрдо установил, что это балтийские росы, или, по-другому, свеи-шведы. Вот и вся «головоломка»! Чуть позже, когда мы предложим своё объяснение названиям русов и свеев, станет очевидно, почему они у какой-то части русов-шведов стали синонимами, а потом второе из них вытеснило первое. Русы древнее шведов.

В.В. Кожин, вслед за коллегами-филологами, отказывается видеть в именах «рос», «русский» родные по происхождению слова, не признаёт в них самоназвания народа. Это прискорбнейший момент, свойственный нашей академической элите, начиная с ломоносовских времён. Профессиональные учёные отказываются признавать за словом «Русь» сакральную по силе своего воздействия силу, которая может произрасти только на собственной языковой почве. Учёные, пропагандирующие норманнскую теорию А. Куника, неявно утверждают, что средневековые русы находились под влиянием более культурных финнов. Но всё было как раз наоборот, и карело-финский эпос «Калевала» – ярчайшее тому свидетельство.

Главный герой «Калевалы» – Вяйнмейнен, или, по-нашему, Ваня-муж. Страна Вяйнмейнена называется Вяйнела, почти так же, как финны именуют Россию, – «Венайя». Вяйнмейнен – прародитель людей Лапландии (северного края, включающего часть Кольского полуострова и север Финляндии, Швеции и Норвегии). Согласно текстам рун Лапландия ещё называлась Рутья, то есть Русь (в финском произношении «т» замещает «с»), как и в случае с «руотси»). Но еще более впечатляет то, что в западно-финских («балтийско-финских») языках та страна, которую русские называют Швецией, зовётся Руссией. Это указывает, что значительная колония русских Иванов издревле уже проживала там.

Когда один из более юных богатырей Еукахайнен – «тощий молодой лапландец», «юноша дрянной лапландский» – попробовал оспорить право старшинства у Вайнемейнена, тот ему резко возразил:

Лжёшь ты выше всякой меры!
Никогда при том ты не был,
Как пахали волны моря,
Как выкапывали глуби
И как рыбам ямы рыли,
Дно у моря опускали,
Простирали вширь озера,
Выдвигали горы кверху
И накидывали скалы.

Вайнемейнен – создатель мира, он «построил свод небесный», «вширь Медведицу раздвинул и рассыпал звёзды в небе», и никаких еукахайненов во времена творения в Лапландии он не видел. Вайнемейнен, тем самым, олицетворяет русских первопоселенцев в этих краях. Еукахайнен же представляет племя финнов, пришедшее на эти земли позже. Это обстоятельство также естественным образом проясняет, почему древнейшим названием Лапландии было Русь.

Мы готовы признать этимологическую связь русского слова «русы» и финского «руотси», но с одной существенной поправкой: имя нашего народа первично. В связи с этим обратим внимание, что одного из персонажей «Калевалы» зовут Руотус. В эпическом произведении случайных совпадений не бывает, поэтому можно смело утверждать, что Руотус – это Рус. Чем же он знаменит? Да тем, что у него, единственного в деревне, есть баня. Уже одно это обстоятельство говорит о том, что мы не ошиблись: русские и баня неразделимы. Руотус живет в достатке:

За столом сидит в рубашке
Из льняной отличной ткани.

По законам эпоса мы должны заключить, что такой же безбедной была жизнь его соплеменников. Более того, судя по тому, что Руотуса просили предоставить баню, где лапландская девушка должна

была родить будущего короля Карелии, русские были в числе верховных правителей страны. Отказ жены Руотуса пустить рожаницу не следует воспринимать как проявление жестокосердия, тут замешана политика. Ребёнок должен сменить на троне Вяйнемейнена, поэтому «русская партия» не хочет способствовать его рождению и, следовательно, перевороту в стране. Но она и не прибегает к насилию. Точно так же никто не поддерживает Вяйнемейнена, требующего умертвить младенца сразу после рождения. Отстранённый от власти, он с обидой уплывает из страны, где к власти пришла финская династия. Очевидно, вместе с ним страну покинули и многие русы. Финны называли их «руотси». Но только это слово вторично по отношению к имени «русь».

«Калевала» изображает Руотуса богатым, мирным селянином. Эпос даже не намекает на то, что он входит в число воинов-гребцов, составлявших в те времена военную дружину. Нет также никакого указания на то, что он является шведом: временем создания эпоса считается II–I тыс. до н.э., когда никаких свеев в Лапландии не было. Но это как раз и означает, что его имя – «калька» с родового имени народа русов (не шведов). Все события в калевальской Руси вращаются вокруг Вяйнемейнена точно так же, как Земля движется вокруг более крупного Солнца. И было бы очень странным, если бы хозяева страны – русы – взяли бы в качестве своего родового имени прозвище, данное им их подданными – финнами. Эпос ясно указывает, что в какой-то момент «эра Вяйнемейнена» приходит к закату. Воин-рус покидает Лапландию, и на первый план выходят уже финские богатыри. Они запомнят русов как опытных и смелых гребцов (мореплавателей) и запечатлеют это воспоминание в своём слове «руотси».

Конечно, можно, следуя В.В. Кожинovu, думать совсем по-другому, равно как можно изучать движение Солнца вокруг неподвижной Земли. Но история астрономии учит нас, что при таком подходе невозможно открыть законы движения планет в Солнечной системе. Человечеству понадобилось почти две тысячи лет, чтобы осознать это. Может, нашим историкам и филологам пора усвоить урок Аристарха Самосского?

СКАЗКА-ПОДСКАЗКА, ИЛИ ТАЙНА БЕЛОЙ КОСТИ И ГОЛУБОЙ КРОВИ

Русы являются более древней этнической общностью, чем славянские и угро-финские племена. Это вынуждает нас погружаться в те давние времена, которые не отражены в древнерусских исторических источниках. Собственно, на этом основании академическая наука и отказывает нам в праве на древность. Но, к счастью, у нас сохранились сказки, которые не только указывают на существование многотысячелетней истории русских, но и помогают абсолютно убедительно прояснить значение нашего родового имени.

Русские сказки принято относить к категории детского чтения. В зрелом возрасте мы их открываем, как правило, лишь для того, чтобы почитать своим детишкам. Но в сказочных эпизодах закодирована наша древнейшая история, точнее, в сказках зафиксированы отдельные этапы развития русской мифологии, которые могут быть привязаны к определённому историческому времени. Так, знаменитые Баба-яга и Кощей Бессмертный олицетворяют богов каменного века, это древнейший слой отечественных «небожителей». В свою очередь, Иван – бог нового поколения, пришедший сменить их на верховном Олимпе (буквально, преломить иглу жизни Кощея). Да-да, бог, не удивляйся, дорогой читатель! Это азбука мифологии, другое дело, что про неё большинству из нас ничего не известно.

Мотив борьбы сказочного героя со Змеем известен в мифологиях самых разных народов. У европейских племён этот сюжет называют основным мифом индоевропейцев. Время его возникновения датируют серединой III тыс. до н.э. Это и есть приблизительная дата возникновения образа Ивана. Не надо пугаться погружения в столь отдалённые времена, тем более что это ещё не предел. Приводя данную датировку, мы воспроизводим общеизвестные выводы сравнительной мифологии. Сказки содержат в качестве отдельных фрагментов, в том числе, древние мифы или, чаще, их обрывки, время создания которых учёные определяют достаточно уверенно. Время рождения бога Ивана – третье тысячелетие до Рождества Христова, место рождения – Русская равнина. Иван – прародитель русов, и именно в такой роли «Калевала» изображает богатыря Вяйнемейнена, которого мы отождествили с нашим

главным сказочным героем. Скажете, случайность? Конечно же, нет! Просто, разгадывая тайну имени «русь», мы движемся в правильном направлении.

В качестве фрагментов древнейших мифов, присутствующих в наших сказках, служат диалоги Ивана с разного рода нечистью. В них присутствует не только хрестоматийный оборот «русским духом пахнет», но также и такие выражения, как «Фу, Русь-кость пахнет!», «Фу, русска коска воня!». Они-то и наводят на мысль, что речь здесь идёт, может быть, не только об этнической принадлежности героя. Читатель, не пропустивший название данного раздела, наверняка уже понял, куда мы клоним, но будем последовательны в изложении.

У сказки свои жёсткие каноны, и следует сознавать, что всякое путешествие Ивана в «тридевятое царство, тридесятое государство» – это переход героя в потусторонний мир, царство мёртвых, обитель мёртвых душ. Поэтому встреча Ивана с той же Бабой-ягой или Коще-ем Бессмертным – это «соприкосновение» живого и мёртвого начал. Живой человек обладает запахом, он, извините, воняет. Персонажи же иного мира – суть фантомы, призраки, они бесплотны, в них нет ни жизни, ни связанных с ней запахов, и присутствие Ивана определяется ими по запаху.

Все упомянутые сказочные обороты традиционно объясняются как реакция на запах руса, русского человека. Но у них есть также и более глубокий, изначальный смысл. Живые кости вовсе не сухие, белые и хрупкие, как у музейных скелетов. Они имеют сероватый цвет и покрыты упругой плёнкой надкостницы, ткань которой пронизана нервами и кровеносными сосудами. Из-за последних цвет кости имеет розоватый оттенок, и его вполне можно передать словом «русый», так что «Русь-кость», «русска кость» – это кость живого человека, попавшего в загробный мир. Слова «Русь», «русска» в такой интерпретации используются для обозначения цвета живой кости, а русский дух – это дух жизни. Таков первоначальный смысл сказочных выражений. Отражать, в том числе и национальность Ивана, они стали позже, когда сложился народ русов.

Но в таком случае сказки «дают ключ» к объяснению тайны нашего родового имени. И происходит оно вовсе не от чуждого финского термина, а от абсолютно ясного для каждого русского человека слова.

Название народа «русы» возникло как обобщённая характеристика русских (то есть русоволосых) людей.

Словари определяют русый цвет как светло-коричневый. Но в действительности охватываемый им спектр оттенков гораздо шире. Со словом «русый» люди связывают самые разные цвета волос, кроме, пожалуй, чисто черного, светло-серого и ярко-рыжего. Все промежуточные цвета в их понимании считаются русыми. Русые люди – это не брюнеты, не блондины и не огненно-рыжие. Это, как правило, нечто смешанное по цветовой гамме между брюнетом и блондином, между ярко-рыжим и блондином и, одновременно, брюнетом, но всё-таки ближе к светлому тону.

Эта характеристика в наибольшей степени присуща русскому и ряду европейских народов. Образовавшаяся некогда локальная общность русоволосых людей (русов) распространилась и стала проживать в достаточно широких пределах Европы. Прародина этой общности, очевидно, находилась там, где процент русоволосых людей в настоящее время наиболее высок. Не пытаясь умалить отдельные племена и народности, осмелимся утверждать, что находится она всё-таки на Русской равнине. Историкам известно и название древнего народа, в котором, согласно свидетельствам древних авторов, доминировали светло-волосые и голубоглазые люди. Это арии, и проживали они изначально на берегах Волги.

Имя «арии» переводят с санскрита как «благородные». Племена ариев, покинув Русскую равнину, разошлись в самых разных направлениях: Греция, Ближний Восток, Иран, Индия, Скандинавия. И повсюду местные племена принимали их как представителей высшей культуры, посланцев богов. С их приходом на Восток белый цвет стал считаться там признаком высшего посвящения и благородных кровей. Арии выступали носителями, так сказать, белой кости и голубой крови. Не случайно слово «аристократия» по-гречески значит «власть лучших» (то есть «власть истинных ариев»). Белая кость, как мы установили, означает «русская кость» – плоть русов. Что же до понятия «голубая кровь», то напрашиваются два объяснения. На теле белого человека явственно проступают голубые вены, из чего можно сделать вывод, что кровь в них не красная, а цвета вен. Но возможно и другое объяснение. Голубой цвет глаз ариев вполне мог породить миф о том, что внутри них

течёт голубая кровь. В таком случае запечатлённый традицией образ светловолосого и голубоглазого ария обретал также и аллегорическую характеристику – «белая кость и голубая кровь».

Арии – предки русских. Отдельные их «ветви», мигрируя с территории Русской равнины, несли в другие концы Земли имя «Русь». Выходцев из арийских племён, пришедших в Малую Азию и на Ближний Восток, в Библии именуют «народом Рош»; из ариев происходили и урартские цари Русы; наконец, представители «народа Рос», которые прибыли к германскому императору, были из числа ариев, обустроившихся в Скандинавии. Будучи излишне светловолосыми, они, изменив слову «русый», предпочли называться «сивыми» или свеями (свеонами). Это прозвище впоследствии превратилось в имя «шведы» (на санскрите «швета» значит «белый», «седой»). Кстати, на скандинавском полуострове и в Северной Европе наблюдается максимальный процент блондинов, и это прекрасно подкрепляет наше предположение.

Слова «рус», «русый» были распространены в арийской среде. В переводе с санскрита «рус» означает «свет, блеск», «руса» – «светлый, ясный», а «русиа» – «роскошный, прекрасный». Понятие «рус» в языке ариев имеет более широкий смысл. Рус – это подобный свету, излучающий свет, блестящий. Русами (ришами) арии называли своих жрецов. Русалка в переводе с санскрита означает «светловолосая», так в глубокой древности наши предки называли жриц Великой богини – создательницы и хранительницы материального мира. Образ этой богини возник в глубинах каменного века, и персонажи светловолосых дев-берегинь тоже очень древнего происхождения. Русские писатели XIX века активно разрабатывали сюжет о русалках как о юных девушках-утопленницах, красавицах, по ночам выходящих на речной берег и водящих там хороводы. Но совершенно очевидно, что это лишь очень слабое и поверхностное отражение той огромной роли, которую реальные жрицы-русалки играли в языческих обрядах наших предков. Представление о них как об утопленницах могло возникнуть после того, как часть Русской равнины в результате глобального катаклизма была затоплена, и культура древнейшей цивилизации, существовавшей здесь, в буквальном смысле оказалась погружённой на дно. Не будем утомлять читателя вычислением возможных сроков этой катастрофы, но она

исчисляется не одним и не двумя тысячелетиями до нашей эры, это была эпоха матриархата, предшествовавшая периоду главенства верховных богов-мужчин. И то, что в русской культурной среде сохранился образ русалки, – ещё одно важное указание на древность наших исторических корней.

Странно и удивительно, но современные учёные-мифологи не понимают истинного масштаба девы-русалки. Они даже включили её в число персонажей низшей мифологии, вроде героев массовки. И это настолько нелепо, что невольно приходит мысль, будто делается это намеренно. А ведь ещё в XIX веке А.С. Фаминцын в книге «Божества древних славян» назвал русалку «светлой, златовласой, русовласой Богиней». Одно из народных названий русалки – «краса – русая коса». В заговорах забайкальских казаков русалка – это русая девица. И.П. Сахаров в сборнике «Сказания русского народа» приводит предания о «русалках-девицах с русыми косами».

У Константина Бальмонта есть стихотворение:

Я русский, я русый, я рыжий.
Под солнцем рожден и возрос.
Не ночью. Не веришь? Гляди же
В волну золотистых волос.

Я русский, я рыжий, я русый.
От моря до моря ходил.
Низал я янтарные бусы,
Я звенья ковал для кадил.

Я рыжий, я русый, я русский.
Я знаю и мудрость, и бред.
Иду я – тропинкою узкой,
Приду – как широкий рассвет.

Поэт соединяет слова «русый» и «русский». Нам их соединение видится правомерным только при одном важнейшем дополнении. Русы – имя арийских жрецов, а русские – это те, кто воспринял арийские верования. Широко разойдясь по планете, арии смешивались с другими народами. Со временем среди них появились и брюнеты, и блондины, и

ярко-рыжие. Но русые волосы были обязательным условием для арийского жреца, точно так же, как и для русалки-берегини.

Возвращаясь ещё раз к значению имени «русский», мы берёмся также утверждать, что суффикс «ск» появился в нём совсем не случайно. Для начала вспомним, что именно эти буквы лежат в основе названия «скифы». Их имя происходит от индоевропейского корня *skai – «светлый». Звёздочка здесь означает, что данный корень относится к гипотетическому языку, на котором разговаривали все индоевропейцы в эпоху своего единства. Изначальное значение корня восстанавливается путём анализа слов, содержащих его, или производных от его основы. К примеру, в английском языке такими служат «sky» – небо, «ski» – кататься на лыжах, «skate» – кататься на коньках. Все они так или иначе связаны с понятием «светлый»: небо днем светит солнечным светом, а ночью лунным, зимние катания на лыжах и коньках возможны только при наличии снега. Конечно, смысловые значения этих слов связаны со светом опосредованно, но это лишь означает, английский язык достаточно юный.

А какова ситуация с русским языком? Можно сказать, что это момент истины для нашей концепции. В этой части статьи мы постоянно подчёркивали, что наше родовое имя имеет самое непосредственное отношение к прилагательному «светлый». Есть ли в русском языке созвучные слова, подчёркивающие русый цвет обозначаемого им термина. Да, есть! Но прежде, чем открыть наши «kozyри», мы попросим у читателя извинения, поскольку нам придётся прикоснуться к самому низшему слою нашей бытовой лексики. Эти важнейшие для нас слова – «сики» и «саки». Их до сих пор употребляют в основном дети, но родились они в глубинах тысячелетий. Обозначаемые ими сущности бывают и белесого, и золотистого, и рыжего цвета, но всё это светлые тона. В древности эти слова имели священный смысл и соотносились с именами богов.

«Скифское племя – рыжее», – писал Гиппократ, причем имел в виду не только цвет волос, но и обычный для европейцев цвет кожи. Когда европейцы появились в Азии, то наиболее естественным названием для них должно было стать обозначение «светлые». Это самый характерный признак, отличающий людей, пришедших с севера, от более южных народов. И если название «скифы» означает «светлые», то «русский» – это

«светло-светлый». В нашем прочтении понятия «русский» и «белорус» выступают абсолютными синонимами. Да и могло ли быть по-иному? Вся известная история с очевидностью свидетельствует, что это воистину два братских народа. И ещё, изначально наше родовое имя звучало как «русски» и означало «русы-скифы». Прилагательным же оно стало считаться уже во времена «новой» лексики. Вот так, господа-руссофобы, и не надо обвинять русских в неуёмном желании выделиться.

Этнонимы «рус» («русый») и «скиф» имеют одно и то же смысловое значение, и потому могли взаимозаменять друг друга. Первые упоминания о русах на юге Русской равнины появляются именно тогда, когда пропадают упоминания скифов. Средневековые авторы называли русов скифами. И это, разумеется, не случайно. Скифы нигде не исчезли, а попросту стали именоваться русами. Таким образом, русы – прямые потомки скифов и наследники их славы, а скифская история – часть древнерусской.

Если же говорить о преемственной линии истории русского народа, то её можно обозначить следующей формулой:

Арии → Скифы → Русы.

Арийская среда породила скифов, а внутри их общности выросло ядро русского народа. Таким образом, русской истории уж никак не меньше пяти-шести тысяч лет.

В послескифскую эпоху наши предки выбрали для себя имя, совпавшее с названием арийских жрецов. Это с очевидностью свидетельствует о наличии не только этнической, но и религиозной преемственности. Русский дух – это дух арийских традиций, унаследованный нами с древнейших времён. Украинцы до сих пор называют нас кацапами по имени самого великого арийского жреца-руса Кашьяпы – божественного мудреца, который, воплотившись в черепаху, создал всё живое. Его внук Ману стал прародителем людей. Имена Ка(шый)ап и Кацап практически совпадают, а появление срединной «ц» в украинском воспроизведении слова выглядит совершенно естественно. Называя русских кацапами, украинцы подчёркивают их более тесную связь с ариями и, сами того не сознавая, демонстрируют свою этническую молодость и оторванность от арийских религиозных традиций.

К настоящему времени исследователи достаточно подробно восстановили историю ариев и установили географические пределы их миграций. Они воистину огромны и охватывают практически всю Европу и Северную Африку. Во все эти земли жрецы-русы несли дух своей религии, дух созидания общего дома. Но то ли всё это происходило слишком давно, то ли местные народы проявили с тех пор широкую самостоятельность, но следы этой религиозной экспансии остались видны разве что в современной России. Что это – случайность или следствие какой-то важной закономерности?..

ДУХ БЕЛОЙ РАСЫ

В 1991 году во время раскопок на берегу Дона, в окрестностях деревни Костёнки Воронежской области, археологи обнаружили самую древнюю в Европе стоянку Человека Разумного. Долгое время считалось, что человек современного типа (*Homo sapiens sapiens*) начал заселять Центральную и Западную Европу с благоприятных по климату Балкан, с территории нынешней Турции, Греции, Болгарии, а потом уже, много позже, стал расселяться и на равнинах Восточной Европы. Однако в Костёнках были найдены скелеты людей современного типа, то есть, по устаревшему теперь определению, кроманьонцев. И самое главное – они обитали здесь не двадцать тысяч лет назад, а почти сорок пять тысяч. Выходит, современный человек появился в среднем течении Дона намного раньше, чем в Европе.

Останки гигантских млекопитающих находили в Костёнках издавна. Отсюда и название деревни. В петровскую эпоху думали, что это кости слонов заблудившейся армии персидского царя Дария. Однако впоследствии стало ясно, что на берегу Дона покоятся останки мамонтов. Здесь же находят орудия труда кроманьонцев. При раскопках ниже 7-метровой глубины археологи наткнулись на толстый слой вулканического пепла. Выяснилось, что это следы средиземноморского извержения, которое 40 тысяч лет назад накрыло даже Русскую равнину. Под слоем пепла археологи обнаружили несколько стоянок кроманьонцев. Правда, единственные человеческие останки, обнаруженные здесь, – это человеческие зубы, которые сложно иденти-

фицировать. Однако найдено множество орудий труда, украшений и, более того, произведений искусства, характерных для кроманьонцев. Российские учёные с помощью анализа найденных в раскопах спор и пыльцы, палеомагнитного и радиоуглеродного исследования костей и вулканического пепла установили возраст находок в сорок – сорок две тысячи лет. Американские лаборатории термолюминесцентным методом, ещё более точным, «прибавили» им три тысячи лет. Столь древних стоянок первобытного человека в Западной и Средней Европе не обнаружено. Там вообще не прослеживается эволюция от среднего палеолита (периода неандертальцев) к верхнему (периоду кроманьонцев). Этот разрыв в развитии подтверждает, что верхний палеолит пришел в Европу извне.

Но стоянки в Костёнках интересны не только своей уникальной древностью. Именно здесь обнаруживаются те новые способности сознания древнего человека и удивительные практические достижения, которые сформировали зачатки человеческой цивилизации. Жившие в основном охотой и собирательством, здешние люди уже знали многие ремёсла и элементы художественного творчества. В нижнем слое раскопа были обнаружены кремниевые орудия труда, костяные и каменные статуэтки женщин и животных, которые можно отнести к самым древним произведениям первобытного искусства. Найдены морские ракушки, которые могли быть принесены только с берегов Чёрного моря, за пятьсот-шестьсот километров, украшения из уральской яшмы, топоры из чешского кремния и горного хрусталя. Но ещё более удивило учёных то, что техника пиления, сверления и шлифования найденных предметов оказалась абсолютно такой же, как в артефактах, найденных в южнороссийских и украинских степных стоянках эпохи неолита, которые на тридцать – тридцать пять тысяч лет моложе.

Открытие в Костёнках порождает очень серьёзные сомнения в общепринятой схеме возникновения вида *Homo sapiens sapiens* на африканском континенте. Михаил Аникович, руководитель одной из археологических экспедиций, работающих в Костёнках, сказал по этому поводу: «Наши раскопки подтвердили, что верхний палеолит не мог прийти на средний Дон с юга или с юго-запада. И с Кавказа тоже не мог. А откуда пришли кроманьонцы, ещё предстоит выяснить. Возможно (это пока даже не гипотеза, а мысли вслух), они пришли с востока – с

Алтая, например, где есть аналогичные (и даже чуть превосходящие) по возрасту поселения верхнепалеолитической культуры. А на Алтай они, возможно, пришли с юга (территория Ирана, Афганистана). Но эта гипотеза также требует тщательной проверки, которая пока (в современных геополитических условиях) невозможна».

Осторожны, очень осторожны академические учёные. Ведь вот открыли центр мировой цивилизации каменного века – и не могут поверить глазам своим. Как же глубоко въелся в сознание современных россиян комплекс исторической неполноценности. Всё-то мы у всех заимствуем, ничего оригинального сами не придумали. Мы уж не говорим насчёт норманнской теории. Даже могучий наш многотысячелетний мат приписали татарскому влиянию. Вот и в вопросе о прародине белой расы учёный спасовал и с какой-то стати вспомнил про Иран и Афганистан. Может, хоть таким способом отместить наше африканское происхождение? Но самый напрашивающийся вывод так и не произнёс. **Прародина европеоидов – Русская равнина, центральная Россия – родина людей белой расы.** Именно отсюда европеоиды пришли в те же Иран и Афганистан, а не наоборот.

Зачастую выводы огромной познавательной значимости рождаются из очень простых наблюдений. Задумывались ли вы, к примеру, почему дети европейцев по преимуществу рождаются светловолосыми? Уже потом, с возрастом волосы у многих из них темнеют, но жизнь свою они начинают русоволосыми. Как это объяснить? Может быть, тем, что первые кроманьонцы были русыми? В межвидовой борьбе они победили черноволосых неандертальцев и, тем самым, утвердили свой господствующий статус на планете. Впоследствии цвет волос европеоидов приобрёл новые дополнительные цвета и оттенки, но память о первичном, изначальном их цвете хранится в глубинах человеческого генофонда. Человек современного типа изначально был русоволосым!..

Мы не будем затрагивать здесь биологические проблемы межвидового влияния и процесса формирования рас, оставим их на суд антропологов, историков и политиков. Но что касается культурного и хозяйственного влияния белой расы на остальную часть человечества, то оно было исключительным. Уровень развития костёнковских кроманьонцев был гораздо выше по сравнению и с их негроидными, и с монголоидными современниками. Русы-кроманьонцы выступили

духовными наставниками и религиозными учителями первых людей. И как бы это далеко не отстояло от нас по времени, но это было время рождения русского духа – духа русого человека, объединяющего всех людей планеты, духа белой расы.

Арии называли своих жрецов русами, что прямо указывает на их культурную и религиозную преемственность по отношению к русам-европеоидам. Ядро обеих общностей формировалось на территории Центральной России, на берегах Дона и Волги. Всё это исконно русские пространства, и они до сих пор выступают сокровищницами и хранильницами русского духа. Русское сознание утверждает приоритет духа над кровью, именно в этом и состояла древнейшая традиция древнерусских (арийских) жрецов, и она исключала проявление расовой и национальной ненависти. Во Второй Мировой войне арийцы по крови пытались победить арийцев по духу. Чем это закончилось, хорошо известно...

Русский дух предполагает наличие человечности, совести. Ни Америка, ни Запад, ни нынешний Киев их не демонстрируют. Как и сорок тысяч лет назад, русским противостоят сильные и наглые «неандертальцы», жаждущие только личной выгоды и готовые уничтожить всех несогласных с их диктатом. Их связывает дух наживы, молебны золотому тельцу и ненависть ко всему, что проникнуто русским духом. Эта ненависть их и погубит...

Да здравствует русский дух! Ура!!!

С.Б. Шустов

ДЯТЛОВЫ ГОРЫ И ИХ ДРЕВНЕЙШИЕ ОБИТАТЕЛИ

Великий град Нижний Новгород был «царственно поставлен» на семи холмах, издревле именуемых Дятловыми горами. И чуть ли не семь легенд существует на этот счет – почему, откуда взялось такое довольно-таки странное название-топоним? Есть версии вполне реалистичные.

Их можно хоть сейчас проверить. Так, некоторые краеведы говорят, что пестрые берега высоких холмов с воды, с лодок и прочих плавучих посудин древности напоминали первопоселенцам оперение классических дятлов – всем известных птиц. Ярко-красные глины чередуются с белыми песками, да еще и прожилки черноземов вроде как встречаются. Вот вам и Дятловы горы! А проверить легенду очень просто – пойти в прибрежные леса, что еще сохранились (в самом городе, в парке «Швейцария», скажем) – да и поискать там дятлов. И непременно мы там встретим этих неугомонных птах. И – слава богу – во множестве!

Другая версия ведет нас к мужичку-мордвину, будто бы обитавшему давным-давно в здешних местах. Имя у того первопоселенца было Дятел, что подчеркивало его умение обращаться с топором и долотом. В тогдашние времена не было редкостью называть людей птичьими именами – вспомните хотя бы Соловья-разбойника. Или Финиста – Ясна сокола. Вот и в соседях с мастеровитым Дятлом проживал Скворец, друг его. Говорят, Скворец и схоронил многодетного Дятла на вершине холма, да и решил сами холмы поименовать в честь соседа. В память о нем. Вот эту версию нам уже никак эмпирически не проверить! Однако вернемся к нашим птицам...

«Ну, ты и дятел!» – в сердцах говорят порой простые люди, желая задеть или обидеть кого-то. Сейчас так уж повелось: находить у зверья и птиц отрицательные черты и черточки (нередко надуманные, невзправдашные) и присобачивать их к человеку. А ведь зверью и птицам должно быть обидно! За что их так? Тот же дятел – разве пустым стукотком да бестолковым криком он знаменит? Нет, это птица-трудяга! Его умениям и навыкам любой плотник позавидует. Вот напакостил иной человек, создал вокруг себя хаос и бардак, так его попрекают – дескать, сотворил «беличьё гайно». Люди, говорящие подобное, явно беличьего гайна в природе не видели: настолько оно ловко сооружено, ладное, справное, уютное, чистое, опрятное – словом, красота, да и только! Зачем на белку поклеп возводить?! Баран опять же... Чем не угодил? Глупый? А проверьте-ка сами! Извиняться, возможно, перед круторогим придется... Вновь, однако, вернемся к нашим дятлам.

Славна Нижегородчина дятлами! Не побоюсь такого сказать. Целых десять видов обитает их у нас, в наших лесах, на холмах да в перелесках. Сосчитаем: желна (черный дятел), дятел зеленый, седой.

Эту троицу по окраске очень хорошо отличать: первый весь как смоль, размером с добрую ворону (кстати, вороны действительно добрыми бывают, нечего им ярлыки злыдней приклеивать). А следующие два вида – зеленовато-оливковые. У всех есть официальная дятловая визитка: красное пятно на голове.

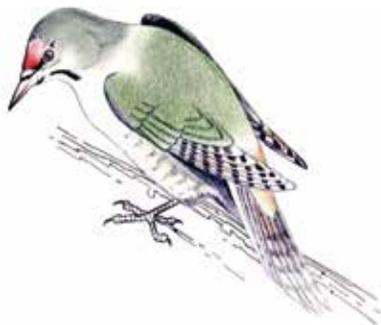

Рис. 1. Седой дятел (здесь и далее рисунки автора)

Рис. 2. Трехпалый дятел

ной отметиной, а с желтой. Наконец, совсем уж на дятла непохожая, но орнитологам виднее! – вертишейка. Забавная птичка. Нередкая в наших краях, но – малозаметная. В то время как все дятлы (как и полагается им по званию), своими долотообразными клювами лов-

Оба зеленых (по окраске) вида дятлов – увы, редкие, занесены в Красную книгу Нижегородской области. А из них двоих самый эксклюзивный – седой. Если зеленого то включают в списки «краснокнижников», то исключают (когда численность его вдруг возрастает), то седой отсюда, к сожалению, никогда и не вылезал. Печально всё это. Причин много, но одна из них – наша с вами хозяйственная (а точнее, бесхозяйственная!) деятельность: мало осталось в области спелых могучих дубрав.

Далее идет весьма пестрая группа пестрых дятлов (уж извиняйте за каламбур!): большой пестрый, белоспинный, сирийский, средний пестрый, малый пестрый. Особняком стоит редкий трехпалый дятел.

У этого вида лапа действительно о трех пальцах (тогда как у всех прочих – о четырех).

Да и шапочка у него не с крас-

ко долбят себе дупла для проживания, вертишейка со своим слабым клювиком ждет, когда судьба преподнесет ей готовое дупло для гнездования. Если заглянуть неосторожно в дупло к вертишейке, то и напугаться даже шибко можно: птица шипит и изворачивает гибкую шею по-змеиному. Не один посягатель на её гнезда с дуба падал от такой страсти и неожиданности.

В целом, все дятловое семейство – птицы смелые, решительные, о себе не боятся заявить громогласно. То барабанным боем, то криком. Особенно отличается на этом поприще самый крупный представитель – желна. Сядет черный дятел на сухую лесину, оглядится, подмигнет, поплюет на ладони (мне лично всегда так кажется) – и как начнет дербанить во всю ивановскую! Только щепки летят! Да еще какие, человек большим топором так не отщепит. Дупла делает желна всем на изумление: у других дятлов отверстие (леток) круглое, а он измудряется делать залихватским эллипсом. Что за лекала у него такие?

Крик желны – целое произведение искусства. Кто не слышал, многое потерял в своей жизни. Бывало, идешь по осеннему тихому лесу. Пусто уже в нем. Безмолвие. Небо блеклое над тобой, травы пожухли. Грустно немного. Скоро уж и

Рис. 3. Вертишейка

Рис. 4. Желна

зима. И вдруг в твои печально окрашенные мысли вторгается тоскливый, протяжный и громкий крик – словно кто-то стенает и тоскует по уходящему теплу. В тон твоим мыслям в это время кричит черный дятел.

Иное дело – дятел зеленый. Его крик в дубраве – «клей-клей-клей-клей», всегда бодр, свеж и радостен. Так и представляешь, что нашел этот счастливец самый крупный желудь и делится своей радостью со всеми в округе. Правда, барабанный бой у этого дятла подкачал: не любит зеленая птица громкой долбежки по сухостою.

Тут в этом деле пальму первенства держит БПД – большой пестрый дятел. Самый наш обычный, которого рисует воображение

любого горожанина, если ему шепнуть на ушко слово «дятел». Уж не человека же бестолкового и пустопорожного представлять?!

Рис. 5. Зеленый дятел

мелкий дятелок – МПД, и шума производит значительно меньше своих более крупных собратьев. Дробь его тихая, ровная, без бравады. Кому надо, тот услышит! Точнее, та. Самочка.

Кстати, вот все задают вопрос обычно – а почему это не болит голова у дятла? Стучит, как отбойный молоток, а здоровья не убывает! Тут целую лекцию можно читать, но если кратко, то вот в чем «собака зарыта»: мозг этих птиц в черепушке подвешен на эластичных тяжах. И при сотрясении почти не испытывает перегрузок. А еще и клюв

Весной, уже в раннем марте, самец БПД выбирает самый звонкий ствол. Долго ищет. Словно придирчивый музыкант выбирает себе концертную скрипку. Наконец, инструмент найден. И вот уже по лесу гулко катится дробь тугого барабана. Белоспинный дятел, по окраске сильно похожий на БПД, дает дробь более сочную, но регистром ниже. Бой у белоспинного длиннее, да еще и ускорение слышится к концу «фразы». Самый

устроен так, что удар амортизируется хрящевой тканью, залегающей между клювом и черепом, да и сам удар физически распределяется по составным частям подклювья и надклювья. А еще и язык у них знаменит: длинен необычайно! Особенно у тех видов, которые муравьями любят лакомиться (зеленый, седой). Про уникальный дизайн дятлова языка ученые говорят так: «из ноздри да вокруг шеи». При длине клюва, скажем, в 7 см язык может достигать длины в 25 см! А как же иначе? Ведь мало продолбить дырочку в дереве, оттуда нужно еще и личинку жирную достать или муравья из муравейника...

Иногда под дубами и даже под телеграфными стволами после зимы мы находим целые кучи то сосновых, то еловых шишек. Явно не мог дуб их породить (вопреки академику Лысенко). А уж телеграфный столб – и подавно. Приглядимся! Точно, вон там, в удобной расщелине древесины, сделал БПД себе «кузницу». Таскает он зимой шишки, вставляет в станок, несколькими точными ударами извлекает из них маслянистые питательные семена. Затем пустая шишка летит вниз. А птица летит за новой. Порой целые горы навалит дятел под удачной кузницей. А вот к лету переходит он на питание насекомыми. Чем очень помогает лесу. Ну да этот факт все знают, тут и говорить нечего. Лесной доктор – издревле в народе кличут дятла.

Зимой за дятлом-кормильцем летит целая свита. Из синичек, корольков, поползней. Сопровождает его по лесу. Там, где долбит дятел, во все стороны летит всякий мусор, среди которого есть чем поживиться мелким птахам: то личинку выщут, то зазимовавшего паучка или бабочку. С дятлом не пропадешь!

А еще дятлы умеют делать «певчими» деревья. Способов у них на этом поприще два. Первый – самый простой. Наделает иной дятелок дырок в сухих стволах, надолбит (словно на поперечной флейте)

Рис. 6. Малый пестрый дятел

отверстий – глядишь, ветер уже поет-играет на этих духовых! Иной раз целые сонаты и симфонии получаются (если дырки разного диаметра да под разным углом к ветру располагаются). Второй способ требует больших затрат. Нужно обзавестись семьей, птенцами. И тогда мертвая осина на склоне оврага вдруг однажды заверещит, закричит, застрекочет на несколько голосов. Хотя и рот у неё один: вон он виден на высоте пяти метров, круглый, ровный. Оттуда и льются каскадами странные звуки. То выросли и требуют пищи прожорливые дятловы дети. В тесном дупле им скучно. А как только закроется светлое пятно (значит, прилетел кто-то из родителей) – тут и начало концерта! Открылся клапан горна, стало опять светло – пора замолкать. Что толку стрекотать впустую? Просто так гусеница в рот сама не упадет... Её нужно у родителей выпрашивать!

Если меня обзовут «дятлом», ничуть не обижусь! Чудесные это птицы. Скучен и прозаичен был бы наш лес или парк без этих затейников.

И вот что еще мне лично кажется интересным: птицы, которых наблюдал умелец-мордвин Дятел в приснопамятные времена, когда еще и в помине нашего города не было на семи холмах, ровно такие же, как и сейчас. Ровно так же пели, стучали, детей выводили, леса от жучиных нашествий спасали. На Руси то тишина наступала, то орды татаро-монголов пронеслись на запад, то плотник Дятел первую избушку на холме над Волгой ладил, то князь Юрий Всеволодович закладывал первый камень в основание Нижнего Новгорода, то купец Минин с князем Пожарским ополчение собирали на ляхов, Москву спасать, то брусчатку меняли вновь и вновь на Покровке – дятлам не было дела до всего этого, всё у них было стабильно, строго периодически повторяемо, одинаково из века в век! Означает ли это, дорогие мои, что Природа сильнее людской Истории? Нет, конечно. Хотя... Кто знает... Просто можно сказать, наверное, так: Природа и без нас обойдется. Мудрости у неё поболее будет. А вот человеческая История крепко, прямо-таки намертво с Природой связана и во многом ею обусловлена. Слава Богу, неотделимы мы от неё. И об этом стоит помнить нам, людям.

Я лично очень рад, что мой родной и любимый город стоит на Дятловых горах. Москва вот – на Сокольничьих. В честь соколов, ста-

ло быть. А вот дятлы наши – не хуже ничуть. Приятно мне, что в честь замечательных, сильных и красивых птиц назвали нижегородские холмы. Пусть только не пропадают эти птахи из наших скверов, парков и пригородов. А то придется новые легенды придумывать, голову ломать...

А.А. Абрашкин

АБРАМОВ ГОРОДОК: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Нижний Новгород в этом году отмечает юбилейную дату. Восемь веков вмещают в себя огромный пласт исторических событий, множество выдающихся деяний нижегородцев. Но, размышляя о начальном периоде существования города, невольно спрашиваешь себя: «А что было на его месте ранее? Были ли какие-либо поселения на Дятловых горах? Какие этнические группы проживали в них?» Для краеведов и историков самого разного ранга эти и связанные с ними вопросы стали основанием для многолетних дискуссий и научных споров. Вместе с тем ни о каком единстве их мнений в настоящее время говорить не приходится. В советское время легенда о существовании на территории современного Нижнего Новгорода более древнего Абрамова городка была общепринятой и не подвергалась сомнению. Но в наше время некоторые исследователи стали активно оспаривать ее, настаивая на том, что никаких научных подтверждений в пользу предания о городке нет.

Ниже мы подробно разберем все имеющиеся гипотезы о городе-предшественнике, разберем их плюсы и минусы, обсудим аргументы противников Абрамова городка, а потом предложим собственную реконструкцию его истории. Но прежде обсудим проблему с позиций простого нижегородца, исходящего из элементарного здравого смысла. Для него существование города-предшественника более чем закономерно!

Рис. 1. Карта северных княжеств Руси и их ближайших соседей

Расположение Нижнего Новгорода в экономическом и военно-стратегическом смысле уникально. Опять-таки неоспорим и художественно-эстетический аспект картины, открывающейся наблюдателю с Дятловых гор. Было бы в высшей степени странно, если бы народ, проживавший в его окрестностях (мы пока не конкретизируем, были это русские, мордва или булгары), не основал здесь поселения. Но есть и рациональные основания в пользу поселения на этом месте. На рис. 1 приведена карта городов Владимиро-Суздальского княжества в начале XIII века. Рядом с названием города указана дата его основания. Все они, за исключением Галича, существенно моложе Нижнего Новгорода. Достаточно близкие к нему столицы Муромского и Рязанского княжеств тоже основаны раньше – Муром в 862 году, а Рязань в 1095 году. В Волжской Булгарии, находившейся восточнее (см. рис. 1), тоже были города: Булгар и Сувар впервые упоминаются в 920 году, Алабуга в 1005–1010 годах, Биляр в 1164 году, Ошель в 1220 году. Кратчайший путь от булгар к русским княжествам пролегал по Волге через нынешний Нижний Новгород, поэтому и военные походы, и торговый путь для товарообмена между двумя народами проходили через него. Смотрим еще раз на карту: две страны с развитой городской инфраструктурой разделены отрезком Волги, который на границе Владимиро-Суздальского княжества соединяется с другой большой рекой – Окой. Спрашивается: неужели в устье Оки

Расположение Нижнего Новгорода в экономическом и военно-стратегическом смысле уникально. Опять-таки неоспорим и художественно-эстетический аспект картины, открывающейся наблюдателю с Дятловых гор. Было бы в высшей степени странно, если бы народ, проживавший в его окрестностях (мы пока не конкретизируем, были это русские, мордва или булгары), не основал здесь поселения.

не было никакого поселения или сторожевой крепости в период контактов Руси и Волжской Булгарии в X–XII веках?

Дошедшая до нас легенда говорит, что это был мордовский город, и его основал мордвин Абрам. Про мордовские города мы действительно мало что знаем. Но почему бы в какой-то момент мордва не могла захватить и контролировать место слияния Оки и Волги? На паперти Архангельского собора до революции существовала надпись, начинающаяся так: «Древле Низовскою землею владели идолопоклонники – мордва. Благочестивый Великий Князь, ныне духом в Бозе, а нетленным телом своим во граде Владимире почивающий, Георгий Всеволодович, дабы облегчить владения свои от набегов соседственных народов, заложил на устье реки Оки град и нарек ему имя Нижний Новград и поставил в нем первую церковь во имя Архистратига Михаила деревянную, а потом в 1227 году каменную, соборную». История с надписью очень показательна и поучительна для нижегородцев. Во-первых, ее размещение на паперти свидетельствует о глубоком уважении наших предков к своей истории, которая включает в себя и дохристианский период. Для Нижегородского края – это время до 1221 года. События этого периода отражены в дошедших до нас источниках крайне фрагментарно, но все они, в том числе и фольклорного характера, безусловно, важны и должны учитываться при воссоздании подлинной картины событий. Нигилистическая позиция, отрицающая их содержательность и научную (!) ценность, есть отказ от своего прошлого и предательство дела тех подвижников, которые способствовали сохранению и передаче значимой информации от поколения к поколению.

И еще одно важное обстоятельство. При основании города Георгий Всеволодович поставил церковь, и это значит, что изначально строили его и стали проживать в нем христиане. Но тогда на территории города никак не могли появиться языческие топонимы. А они есть. Самый яркий пример – Ярилиная гора, древнее название знаменитого Гребешка. Оно происходит от имени русского бога Яра (впоследствии Ярылы). Подчеркнем, русского, но не славянского. Значит, прежде князя-христианина устье Оки уже освоили идолопоклонники, вначале русские, а уж потом мордва. Только в такой по-

следовательности, если доверять надписи на паперти. Другое дело, что про русских язычников, пришедших на Дятловы горы задолго до мордвы, в ней ничего не написано...

Второй урок связан уже со снятием надписи. У нас нет сведений, как и по чьему требованию это произошло. Но думается, что определяющим тут было желание церковного руководства удалить всякое упоминание об идолопоклонниках. К слову сказать, наши священники в своем большинстве – ярые ниспровергатели древнерусской истории (ее языческого периода). В этом смысле не следует удивляться игнорированию летописями событий той поры. Представьте себя на месте монаха-летописца: стали бы вы писать о поселении язычников на месте города, заложенного великим князем? Вот и в Лаврентьевской летописи об этом событии всего одна строка: «6729 (1221 г.) Того же лета великий князь Юрий, сын Всеволожь, заложи град на оусть Оки, и нарече имя ему Новьград». Как все просто у летописца: пришел князь и заложил город. Вроде бы и правду сказал, и в то же время не расскретил, что было ранее на месте города и кто здесь проживал. В этом смысле надпись на паперти и более информативна, и более честна, чем летопись. Но надпись эту сняли, и мы должны констатировать, что противники Старого города были уже тогда.

Своеобразие местоположения Нижнего Новгорода состояло еще в том, что здесь сталкивались интересы сразу нескольких народов – к русским, булгарам и мордве следует добавить и марийцев. Как результат, за обладание этой областью должна была идти сложная политическая и, в том числе, военная борьба. Мысль об отсутствии сторожевой крепости, торгового поселения или города в этом месте представляется странной и невероятной. Так, Василий Никитич Татищев (1686–1750), автор первого капитального труда по русской истории – «Истории Российской» полагал, что до 1221 года городок в устье Оки принадлежал булгарам. Нижегородский филолог Б.М. Пудалов на основе анализа летописей и текстов Татищева предположил, что указание на существование города-предшественника, а также его булгарская принадлежность – домысел историка, сделанный «либо на основе умозаключений, либо на основе местного источника (возможно, фольклорного)»¹.

Мы согласны с Б.М. Пудаловым, что прямые свидетельства ле-

тописей имеют более приоритетное значение, чем умозаключения (на основании тех же летописей) и фольклорные источники. Но нельзя отрицать, что летописи создавались и редактировались в политических интересах властной княжеской верхушки и церковных иерархов, которые и определяли, что будущим читателям следует знать, а о чем писать не следует. И если в наших летописях нет никаких сведений о городе-предшественнике, то, может, это неслучайно? Факт сокрытия информации зачастую приоткрывает завесу над событиями, происходившими в действительности, и ведет аналитика к определенным умозаключениям. Они могут быть неожиданными для любителя прямых свидетельств, но вполне логичными в контексте анализируемых событий. Поэтому вполне естественно считать, что В.Н. Татищев посчитал важным зафиксировать, что до основания Нижнего Новгорода в устье Оки уже был город. Его мнение мы еще обсудим, но здесь подчеркнем, что выдающийся отечественный историк исправлял пробел летописей, не упоминающих о городе-предшественнике. По какой причине это было сделано, будем говорить отдельно. Тем более, это не единственная серьезная недомолвка летописей.

Точно также они ничего не говорят о Биармии – стране, существовавшей в IX – начале XIII веков на севере Русской равнины. Вот уж загадка из загадок! «Скандинавы в течение почти четырех веков осуществляли поездки в центральные районы Древней Руси, используя не только традиционный, хорошо известный путь «из варяг в греки», но и через Белое море. Раздобыв предварительно у местного населения Биармии, когда торговлей, а чаще грабежами, они меняли в древнерусских городах пушные товары и моржовую кость на серебро, изделия из металла, ткани и разные необходимые товары»². Но древ-

Рис. 2. Василий Никитич Татищев

Рис. 3. Примерное расположение Биармии на карте Русской равнины

нерусских источников о Биармии нет, правда, за одним исключением, которое связано опять-таки с В.Н. Татищевым. Этим исключением является Иоакимовская летопись, выдержки из которой приводит историк в своей «Истории Российской». На рис. 3 указано приблизительное положение Биармии. И при сопоставлении этой карты с картой на рис. 1 невольно возникает вопрос – а не был ли Абрамов городок южной оконечностью Биармии? Уж больно все близко...

Судя по содержанию норвежских саг, последний свой поход на Биармию скандинавы совершили в 1222 году и славно ее пограбили. После этого времени пропадают какие-либо упоминания об этой стране. Похоже, что начало 20-х годов XIII века стало временем заката Биармии. И опять хочется спросить, не связано ли это событие с основанием Нижнего Новгорода в устье Оки? Кому-то из читателей может показаться, что мы пытаемся срастить события, совершенно никак не связанные. Не торопитесь делать такого рода

выводы и наберитесь терпения: финал нашего исследования разубедит вас в этом.

1. Абрамов городок

В своей книге «Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода» Н.И. Храмцовский приводит следующую легенду:

«Мордвин Абрам, или Ибрагим, вышедший из-за реки Кудьмы, поселился при впадении Оки в Волгу, на Дятловых горах, покрытых тогда дремучим лесом. У него было четырнадцать сыновей и три дочери; для них построил он семнадцать домов на том самом месте, где ныне находится дом нижегородских архиереев.

Колония эта названа была Абрамовым, или Ибрагимовым, городком, а сам Ибрагим будто бы был выбран от всех мордовских племен чем-то вроде правителя.

Когда Абрам слышал о движении войск суздальских, муромских и рязанских, то принялся укреплять свой городок, в котором всех жителей было до пятисот человек, и обнес его тыном, валами и рвами. Укрепление это обхватывало с севера к югу все пространство от Коровьего взвоза, или нынешних домов купцов Коптева и Везломцева (находящихся недалеко от Английского сада), до нынешнего Лыковского съезда, а с востока на запад – от Ковалихинского ручья до реки Почайны.

В этом укреплении Абрам устроил двое ворот: одни с южной стороны вала, широкие, с дубовыми створами, которые завалил землей, другие тайные, на севере, у самого Коровьего взвоза; а где должно было проходить воинство княжеское, поставил караулы.

Мстислав явился под Абрамовым городком с четырнадцатью тысячами (?) воинов и, не хотя проливать напрасно крови, а желая только покорности мордвы и приобретения земель их, вступил с Абрамом в переговоры, предлагая ему удалиться с Дятловых гор и признать над племенами мордовскими владычество князя суздальского.

Абрам отвечал, что как он не прирожденный владыка народа мордовского, а только выбранный правитель, то не может при-

нять на себя никаких условий без согласия всего народа, почему и просил дать ему четыре года для сношений со всеми племенами мордовскими.

Мстислав дал ему срок для объявления решительного ответа вместо четырех лет – четыре дня.

Хитрый старик сумел воспользоваться и этим коротким временем: через тайные ворота свои он немедленно послал гонцов в ближайшие мордовские сельбища, требуя скорейшей помощи.

В две следующие за тем ночи вошло в укрепление, через те же тайные ворота, более 5000 человек мордвы, и прежде истечения срока, данного Мстиславом для ответа, Абрам велел открыть южные ворота и внезапно ударить на войска великокняжеские.

Но и эта отчаянная решимость не принесла мордве никакой пользы: Абрам пал в битве со всеми своими сподвижниками, городок был разграблен и сожжен, оставшиеся в нем жители перебиты.

Мстислав здесь оставил тысячу человек конных ратников, заповедав им жить около Абрамова городища, а отнюдь не в самом городище; а почему так приказал, легенда не объясняет. Между тем мордва, узнав о гибели Абрама и его сподвижников, взволновалась и замыслила мщение; суздальцы, поселившиеся у Абрамова городища, были обречены ею на смерть; шесть тысяч человек мордвы двинулись на них с тем, чтобы сделать внезапное нападение.

Но суздальцы, жившие уже у Абрамова городища около года, имели также и друзей между ближайшей мордвой, и эти друзья, изменив своим единоплеменникам, уведомили суздальцев о предстоящей опасности.

Воины княжеские, видя, что одна отчаянная храбрость может спасти их от гибели, решились предупредить мордву, сели на коней и бросились навстречу вшестеро сильнейшему неприятелю.

Верстах в десяти от Нижнего, на нынешнем рязанском тракте, около того места, где ныне стоит деревня Новая, они, встретя пешую мордву, ударили на нее и, пробившись через смятенные массы неприятеля без потери и поскакали Березопольем к Боголюбову.

Мордва преследовала их далеко, но, будучи плохо вооружена и без коней, не посмела напасть на них».

Этот текст, как указывает Н.И. Храмцовский, был передан ему «одним любителем старины и владельцем множества старинных книг и манускриптов». Вполне понятно, что первостепенным для публикатора был вопрос о подлинности сведений, содержащихся в данном фрагменте. Н.И. Храмцовский высказался на этот счет вполне ясно: «Эта легенда, как почти и все легенды, далеко расходится с историческими данными в подробностях, но в основании своем она не противоречит летописцам и историкам и подтверждает, что на месте нынешнего Нижнего Новгорода был город, или большое сельбище туземцев, который, по всей вероятности, подвергся опустошению в 1171 году как лежавший на самом пути войск княжеских, ходивших до устья Камы». И в дореволюционное, и в советское время историки и краеведы соглашались с такой оценкой легенды.

В начале нашего века, однако, два нижегородских исследователя выступили с критикой подобной точки зрения. По мнению филолога Б.М. Пудалова, «принимать фольклорные предания XVIII–XIX вв. о расселении угро-финских племен как доказательства существования города-предшественника Нижнего Новгорода, разумеется, нельзя»¹, поэтому саму легенду следует исключить из числа исторических источников. Возражение сформулировано так, что вроде бы и не возразишь. Мол, нашелся в XVIII–XIX вв. какой-то любитель старины (относительно этого есть целое детективное расследование³) да и сочинил весь этот текст. Но ведь ясно, что он неоднороден по времени. В нем есть редакторские правки, касающиеся:

Рис. 4. Николай Иванович Храмцовский (1818–1890) – русский историк, археограф, основоположник нижегородского краеведения

а) имени «Ибрагим»: оно, судя по тексту, вторично по отношению к «Абраму»; это обстоятельство хорошо известно историкам³;

б) локализации местоположения старого города вокруг территории современного Кремля;

в) знака вопроса после упоминания о численности войска Мстислава;

г) фразы «а почему так приказал, легенда не объясняет».

Вставки б), в), г) очевидны; все их, как и вставку а), следует отнести ко времени, когда изначальный текст был записан и добирался до будущего своего публикатора. Это как раз то время, которое называет Б.М. Пудалов. Но оставшаяся часть предания (она выделена жирным шрифтом) может иметь более древние корни. Наличие знака вопроса и фразы г) свидетельствуют, что редактор текста не понимал его до конца, а значит, и не являлся полноценным его автором. Отметим еще ряд важных особенностей текста, говорящих против его поздней подделки.

Начнем с имени Абрам. Оно распространено среди евреев, но уж никак не среди мордвы. Его сакральное значение подкрепляется авторитетом Библии, и возникает естественный вопрос, почему его выбрал предводитель идолопоклонников. Странно, что, будучи филологом, Б.М. Пудалов не задумался над этим. Стоит также подчеркнуть, что конфликт двух народов на символическом уровне отражает противостояние двух фигур – Мстислава и Абрама. Больше в предании нет никаких имен. Но если Мстислав – лицо историческое, про него мы знаем из летописей, то Абрам – персонаж мифический. И если искать в предании элементы эпического произведения, то его имя должно соотноситься с главой рода, верховным вождем или даже наиболее почитаемым богом. Выражение «мордвин Абрам» не мог написать компилятор хоть XIX, хоть XII века. Это фрагмент достоверного знания, который неведомым образом дошел до нас сквозь века.

У предводителя мордвы 14 сыновей и 3 дочери. Случайны ли эти числа? В эпосе, как правило, числа несут в себе внутренний подтекст, определенную символику. Эта тема в принципе не поднималась исследователями. Но нельзя отрицать, что 14 сыновей Абрама во главе мордовского войска выходят против 14-тысячной армии Мстислава. Знак вопроса относительно численности княжеского войска,

вполне уместный для историка (а не великовато ли число воинов?), покажется излишним специалисту по мифологии и произведениям эпической литературы. Это гипербола, несущая художественное значение и подчеркивающая тотальное превосходство русского войска в численности. Образно говоря, каждый из сыновей Абрама должен был сражаться с тысячей русских воинов. Легенда – она и есть легенда. Но если мы правы и за числами сыновей и дочерей обнаружится смысл, то выявится, точнее, будет доказана, целостность изначального текста.

Наконец, необходимо сказать, что в отдельных своих частях рассказ носит явно неисторический характер. Просьба Абрама об отсрочке решения на четыре года и княжеское согласие дать ее только на четыре дня, наличие в городке тайных ворот – явно элементы художественного творчества автора. И мы, безусловно, согласны с приведенной выше оценкой легенды Н.И. Храмцовским. Предания о событиях древности, как и летописи, тоже ценны для воссоздания картины древности. Иначе, например, и Гомера следовало бы объявить сказочником...

Теперь о другом критике. Нижегородский историк А.А. Кузнецов, ссылаясь на собственную монографию³, написал: «Источниковедческий анализ легенды показал ее недостоверность»⁴. Формулировка, надо признать, весьма мутная. Что значит, легенда недостоверна? Вся сплошь, от начала до конца? Но ведь тот же Б.М. Пудалов отмечает, что это «авторский рассказ образованного человека, знакомого с известием Лаврентьевской летописи под 6680 (1171) и следующими годами о походах в Поволжье»¹. Или что, дома купцов Коптева и Везломцева в действительности находились далеко от Английского сада?..

Чтобы прояснить ситуацию, обратимся к книге ученого. «Эта легенда появилась в работе 1850-х гг. П.И. Мельникова-Печерского «Очерки мордвы». <...> Там речь идет исключительно о мордвине Абрамке и Абрамовом городке. Есть основания полагать (совпадения деталей, заявление, что легенда записана со слов любителя и собирателя древних манускриптов), что именно эту легенду изложил Н.И. Храмцовский в «Истории и описании Нижнего Новгорода» в 1857 г., добавив сведения из летописей и свои домыслы. Среди последних – имя **Ибрагим**, название **Ибрагимов городок**. Частотность

употребления Н.И. Храмцовским имен **Абрам** и **Абрамов городок** по сравнению с **Ибрагимом** и **Ибрагимовым городком** (13:3) свидетельствует об искусственной вставке последних. Цель вставки: объяснить немордовское имя Абрам географически близкой исламско-тюркской средой. Другой вариант легенды был изложен А.С. Гациским в «Нижегородке» (1877 г.) с частотностью имен Абрам и Ибрагим – 15:2⁵. Излагая легенду, А.С. Гациский привел мнение П.И. Мельникова:

«Легенда эта подозрительного свойства относительно подлинности ее. Может ли быть, чтобы в ней сохранилось имя Мстислава? Состряпать-то сочинители легенду хорошенько не умели».

Итак, человек, впервые приведший эту легенду, указывает на ее недостоверность и явно фальсифицированный характер. Это дает основания считать, что он сам был автором этой легенды, обросшей дополнительными сведениями у Н.И. Храмцовского⁴.

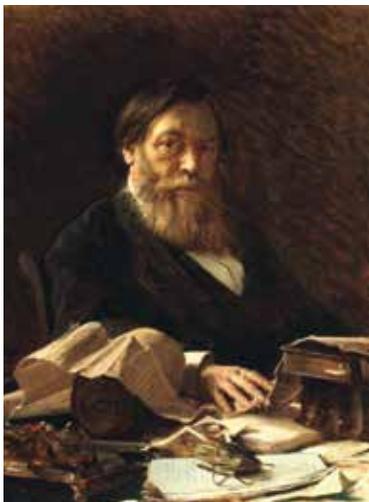

Рис. 5. Павел Иванович Мельников, псевдоним: Андрей Печерский (1818–1893)

Вот в полном виде весь «источниковедческий анализ» А.А. Кузнецова. Про вторичность имени Ибрагим мы уже говорили, этот момент очевиден. Про первичность варианта легенды, записанного П.И. Мельниковым-Печерским, можно тоже согласиться, хотя это уже не очевидно. А вот дальше следует самое интересное: А.А. Кузнецов объявляет П.И. Мельникова-Печерского фальсификатором. Как говорилось в культовом фильме «Я шагаю по Москве»: «О, сюжетец!» Или лучше применительно к нашему случаю: о, анализ! Причем (!) наш выдающийся писатель объявляется мошенником на основе собственных слов. Мол, покался грешный, что сочинил чушь

несуветную и, как унтер-офицерская вдова, взял да и высек себя. Вот только век с лишним про это признание не знали и продолжали доверять легенде.

Признаюсь, оторопь взяла после прочтения этого источниковедческого анализа. Как же так? Ведь имя Мстислава отсутствует как раз в варианте легенды П.И. Мельникова-Печерского, но есть в вариантах Н.И. Храмцовского и А.С. Гациского. Писатель негативно высказывается об их вариантах легенды, но не о своей редакции. Доктор исторических наук А.А. Кузнецов оплошал, как говорится, на все сто: и легенды в изложении П.И. Мельникова не читал, и мысли его не понял, и оговорил огульно. Ну, хорошо, ляпы случаются и у великих, не ошибается только тот, кто не работает. Но у книги А.А. Кузнецова были рецензенты – доктор исторических наук М.В. Бибахин, кандидат филологических наук Б.М. Пудалов и научный (!) редактор – доктор исторических наук Е.А. Молев. Они-то куда смотрели?..

Между тем, ситуация с мельниковским комментарием абсолютно ясная, и ее прекрасно объяснил нижегородский историк Ю.В. Сочнев: «Известный краевед Н.И. Храмцовский в своем труде по истории Нижнего Новгорода впервые опубликовал легенду о мордовском «Абрамовом городке», прежде находившемся на месте Нижнего Новгорода, а также высказал мысль о возможности существования русского поселения в устье Оки после завоевания этого мордовского городка в 1172 г. <...> Эта легенда была известна П.И. Мельникову. В отличие от Н.И. Храмцовского, которому легенду сообщил неназванный «любитель старины» и владелец старинных книг, П.И. Мельников ее записал со слов народных певцов и сказителей, выступавших на ярмарках. Вариант Н.И. Храмцовского отличается рядом деталей, по-видимому, привнесенных из летописного рассказа о военном походе 1172 г., от варианта, известного П.И. Мельникову. Так, Н.И. Храмцовский говорит о разорении мордовского городка сыном Андрея Боголюбского князем Мстиславом с союзниками – муромским и рязанским князьями, что, по свидетельству летописей, относится к походу русских против волжских булгар в 1172 г. У Мельникова нет подобных деталей. По этому поводу он замечает: «Нам неизвестно, почему г. Храмцовский называет прямо князя Мстислава Андреевича предводителем русского войска, переговаривавшимся с мордовским Абрамой. Нам не случалось слышать имя этого князя в народных преданиях. Хотя, быть может, приведенное предание и относится к его набегу на мордву в 1173 г.» <...> На наш взгляд, вариант, опу-

бликованный Мельниковым, выглядит более достоверным, не искаженным привнесенными из летописей сведениями о походе 1172 г., и, поскольку известны источники его получения, представляется приоритетным»⁶.

Перейдем к выводам. Исходя из анализа легенды, следует заключить, что город-предшественник был, но время его существования и местоположение на Дятловых горах неясно. Кроме того, легенда порождает ряд вопросов, на которые необходимо дать ответ. Это – объяснение появления у мордвы сакрального имени «Абрам», а также числа прямых потомков мордовского предводителя. Важным моментом, требующим разъяснения, является также отказ русских воинов обустроиваться внутри города. Ни на один из этих вопросов исследователи пока ответов не имеют.

Стоит коснуться еще одной деликатной темы, которая неизбежно возникает в связи с обсуждением легенды об Абрамовом городке. Нам неизвестен ее автор, но она хранилась в русском народе и была услышана и записана русскими краеведами. Это характеризует предельное уважение русских к мордве. Но вместе с тем это также и указание на то, что судьбы двух народов крепко переплелись. В отличие от летописцев, русские сказители и певцы хранили память об Абрамовом городке. Здесь самое время вспомнить, что в преданиях мордвы этот городок упоминается как Обран Ош. Правда, никакой другой информации, кроме названия, мордовские сказания не хранят. И если бы не русская легенда, у мордвы не было бы никаких шансов доказать свое присутствие на Дятловых горах. Это во-первых. А во-вторых, имя «Абрам» первично по отношению к мордовскому «Обран» и потому, что древнее, и потому, что из мордовского языка имя «Обран» не выводится.

У Абрамова городка есть какая-то таинственная связь с русскими, которую сохранившиеся источники нам не раскрывают.

2. Славянское поселение?

В 1947 году вышла монография Николая Михайловича Добровтора (Александрова) «История города Горького», где автор предложил оригинальную версию предыстории города Горького⁷:

«Мордва, как и мари, жили совместно на одной территории со славянами. В исторически известное нам время славяне играли важнейшую роль в нижнем течении реки Оки. В районе города Горького в самые отдаленные времена жили славяне, занимавшиеся земледелием.

Характерно, что на территории теперешнего города Горького, можно сказать, нет мордовских названий. Дятловы горы – славянское название. Оно существовало до того, как был основан Нижний Новгород. Печеры – название русское. Река Почайна – славянское название, заимствованное у киевлян. Слово Кунавино (теперь Канавино) – славянское. <...> Вполне возможно, что Дятловы горы не есть название гор, а название человеческих жилищ, крепости, населенного пункта. Таким образом, можно думать, что в отдаленное от нас время на месте города Горького существовало поселение славян: Дятловы горы».

Идея Н.М. Добротвора о существовании славянского поселения в устье Оки – лишь предположение. Но оно естественно вписывается в историю славянской колонизации Волго-Окского междуречья. Продвижение сюда славянских племен началось в VI веке и характеризовалось несколькими миграционными волнами. Отдельные группы славян, оторвавшись от основного массива, продвинулись в это время довольно далеко на северо-восток. Примерами тому могильник на реке Унжа в Костромской области и Безводнинский могильник вблизи устья реки Кудьмы в Кстовском районе Нижегородской области, в «двух шагах» от Нижнего Новгорода. Для первой волны славянских поселенцев были характерны грунтовые могильники, отличавшиеся от курганных могильников более поздних миграционных волн славян. Уже в этот период славяне оказали большое влияние на культуру малочисленного автохтонного населения и

Рис. 6. Доктор исторических наук Н.М. Добротвор (Александров) (1897–1967)

существенно разбавили его. Летописная мера из «Повести временных лет» была смешанным славяно-финским племенем, притом что основателями Ростова – самого древнего города Северо-Восточной Руси (862 г.) – были славяне. Примечательно, что представители именно этой славянской миграционной волны стали ядром-основой современного русского населения данного региона, что подтверждается как с антропологической, так и с лингвистической точки зрения. На карте, представленной на рис. 7, указаны направления второй волны миграции славян (IX–XIII вв.). Для нас важно, что самое раннее по времени направление их миграции (IX–X вв.) было в район Мурома и Нижнего Новгорода. Стрелки на карте накладываются на названия народов мери, муромы и мешеры, что следует признать весьма символическим: смешение славян с этими племенами проходило наиболее интенсивно.

Рис. 7. Вторая волна славянской колонизации Северо-Восточной Руси

В этом ключе мысль о первоначальном славянском освоении Дятловых гор теперь уже не кажется надуманной и оторванной от реальности. Стоит добавить к этому, что названия всех семи Дятловых гор – Сокол, Ярилина (Гребешок), Гремячая, Ильинская, Часовая, Егорьевская – русские по происхождению. Особо отметим, что свое название Ярилина гора получила по имени славянского

бога солнца Ярилы и отражает присутствие в устье Оки жителей, исповадовавших культы языческих богов. И поскольку князь Юрий

Всеволодович пришел в эту землю под «знаменем христианства», то приход славян-язычников на Дятловы горы следует, очевидно, датировать временем до 1221 года.

Здесь самое время вспомнить еще одну легенду, найденную П.И. Мельниковым в одном из рукописных сборников XVII века:

«Возник Нижний Новгород на месте большого дремучего леса. Высокие холмы по правому берегу Оки, прорезанные глубокими оврагами, назывались Дятловыми горами. А название, говорят, вот откуда пришло...

Во времена стародавние на том месте проживал мордвин Скворец, друг и помощник Соловья-разбойника, побежденного и связанного Ильей Муромцем. Здесь он женился на восемнадцати женах, и было у Скворца семьдесят сыновей. Все они жили вместе, занимались скотоводством, пасли стада на горах, а по вечерам гоняли их оврагами на водопой к Оке-реке. Тут же, в ущелье горы, обитал чародей Дятел, бывший также некогда в ладах с Соловьем-разбойником.

Вот раз пришел Скворец к Дятлу и спросил его о будущей судьбе своих детей. И отвечал Дятел:

– Если дети твои будут жить мирно и в согласии друг с другом, то долго им владеть здешними местами, а если поссорятся, то будут покорены русскими, которые построят в устье Оки град камень и крепок зело, и не одолеют его силы вражеские...

Долго толковали они. Под конец разговора Дятел просил Скворца о честном ему погребении. Тот обещал. Время шло. Умер чародей Дятел, и похоронил его Скворец на горе при устье Оки-реки. И прозвалось то место «Дятловы горы». Умер за ним и Скворец.

Перед смертью он завещал детям своим взаимное согласие и единодушие, но потомки их, перессорившись, стали враждовать между собой, и тогда Андрей Боголюбский изгнал их с устья Оки, а племянник его Юрий Всеволодович, построив здесь Нов-Град Нижний, исполнил предсказание Дятла».

Это самое древнее предание об основании Нижнего Новгорода. Исследователи относят его к XII веку, и в целом оно хорошо согласуется с чередой событий, восстанавливаемых Н.М. Добротвором. Мордвин Скворец был другом Соловья или, по-древнерусски, Сла-

вия. Это имя ассоциируется со славянами (Славий был их тотемной птицей). Точно так же с Соловьем был дружен Дятел, обитавший по соседству. Мордвином, судя по его пророчествам, он не был. Так к какому этносу его отнести? Все герои легенды, как и положено эпическим героям, должны выступать в качестве прародителей своих племен и обожествленных предков: Скворец – мордвы, Соловей-разбойник – славян, Илья Муромец – муромы. Дятел назван чародеем. Это указывает на его более высокий социальный статус как волхва (жреца) и прорицателя. Не случайно и то, что горы названы его именем: Дятел – главное и знаковое лицо в этой триаде героев. Кого же олицетворяет он? Оставим пока этот вопрос без ответа...

Легенда ничего не говорит о булгарах, живших в непосредственной близости и не раз вторгавшихся в нижегородские пределы. Но это означает, что их роль в древнейшей истории данных земель была несопоставима с ролью мордвы и славян. Не случайно на территории Нижнего Новгорода отсутствуют тюркские топонимы. Булгары ограничивались грабительскими походами, но собственных поселений здесь не возводили.

Летописи крайне скупо рассказывают о борьбе русских и болгар за обладание устьем Оки, и это еще одна загадка от редакторов летописных сводов. Вход в Волгу, или, как его называли, волжские ворота, был важнейшим стратегическим местом: тот, кто контролировал его, по существу и был хозяином междуречья. Между тем развитие событий в нем мы можем восстанавливать, опираясь лишь на крайне скудную информацию. Так, в 985 году киевский князь Святослав Игоревич победил болгар, а князь Владимир после принятия христианства посадил сына Глеба князем в Муроме. Тем самым, у нас есть основания для вывода, что в конце I тыс. – начале II тыс. русские владели устьем Оки. Но в 1088 году болгары взяли Муром и закрепили за собой район реки Оки и Нижегородское Поволжье.

Приведя эти факты, Н.М. Добротвор высказал следующее предположение: «Еще значительно раньше, при движении болгар по Волге, к северу, болгарский хан Ибрагим (Бряхим) расположился, как надо полагать, в районе нынешнего города Горького, захватив древнее славянское поселение (Дятловы горы). Становище болгарского хана Ибрагима стало называться городом Бряхимовым (или Ибра-

гимовым). Мордовская легенда об Ибрагимовом городке, созданная значительно позднее, отразила этот факт в самом названии города, находившегося на месте (или где-то около) основанного впоследствии Нижнего Новгорода. Русский летописец любовно выделял Бряхимов из числа других болгарских городов, называя его «славным». Не потому ли был дорог этот город сердцу летописца, что это был все-таки русский город! Летописец называл Бряхимов великим градом!»⁷

В этом фрагменте историк дал волю фантазии: мифический хан болгар Ибрагим выступает прототипом фольклорного мордвина Абрама. Это заведомо слабое звено рассуждений, и к нему не следует относиться всерьез. Гораздо важнее другое: Н.М. Добротвор находит подтверждение существования Абрамова городка в летописи, где он именуется Бряхимов. Нижегородский историк и краевед И.А. Кирьянов обратил внимание на это обстоятельство и существенно развил концепцию предшественника. В силу исключительной важности приведем ее в авторском изложении:

«В.Н. Татищев считал, что в устье Оки «древле был град болгарский и от русских разорен». Основанием для такого свидетельства, кроме неизвестных нам, но известных Татищеву источников, служит сообщение Казанского летописца (середина XVI века), который, ссылаясь на старые и нерусские источники, заявляет: «Бысть же на Оке старый град имянем Бряхов, оттуду же приде царь Саин Болгарский». Это сообщение до известной степени перекликается с легендой об Абрамовом, или Ибрагимовом, городке, хотя и не дает ссылки на устье Оки. Болгарский город Бряхимов упоминается в русских летописях при рассказе о походе Андрея Боголюбского на болгар в 1164 г. Местом нахождения Бряхимова, по источникам XVII века, является Кама: «и Бряхимов взя иже на

Каме». Однако более ранние источники: Лаврентьевская летопись, Ермолинская летопись и Московский летописный свод – указания «на Каме» не дают. Вот как описывается этот поход Лаврентьевской летописью: «В то же лето иде князь Андреи... и с Муромским князем на Болгары... иссекоша множество, стяги их поимаша и едва в мале дружине оутече князь Болгарский, князь же Андрей воротился с победою <...> видев поганья болгары избиты <...> стояху же пешцы со стою Богородицею (икона, взятая в поход) на полчищи под стяги.

После описания торжественного богослужения у иконы летописец продолжает: «Шедше взяша град их славный Бряхимов, а переди 4 города пожгоша».

**Рис. 8. Игорь Александрович
Кирьянов (1918–2007),
кандидат исторических наук**

В приведенном сообщении обращают на себя внимание следующие детали изложения:

1. Поход Андрея Боголюбского был начат не против мордвы, а против болгар.

2. Начало похода в изложении летописи похоже на десантную операцию: в ней не участвует пешая рать, оставшаяся «на полчищи под стяги». К этой рати возвращается после победы над болгарским князем Андрей Боголюбский и устраивает здесь торжественное богослужение: «и падше вси поклоняшеса святей богородици с радостью великою и с слезами многими, хвалы и песни воздающе ей».

3. После этой операции войска отравились вниз по Волге, сожгли 4 города и только после этого взяли Бряхимов. Таким образом, устанавливается следующая последовательность похода 1164 г. Первым ударом передовой русской рати, в котором не участвовали пехотинцы – «пешцы», был разгромлен отряд во главе с болгарским князем. Далее передовая рать соединилась с главной – определенно судовой – и, двинувшись вниз по Волге, уничтожила четыре болгарских города, а затем взяла Бряхимов. Нетрудно видеть определенную общность легенды об Абрамовом, или Ибрагимовом, городке, свидетельства Казанского летописца и данных русских летописей.

В 1164 г. на устье Оки произошло русско-болгарское столкновение из-за болгарской крепости или поселения, находившегося здесь. В результате победы русских войск болгарский военачальник «Саин Болгарский» вынужден был покинуть это укрепление (может быть, и просто населенный пункт), название которого в пе-

редаче легенды ассоциировалось с названием болгарского города в Прикамье. <...>

Это указание легенды хорошо согласовывается с указанием Нижегородского летописца «о старом городке» в Нижнем Новгороде. Ссылаясь на более древний источник, Нижегородский летописец сообщает: «В летописце пишет шестыя тысячи в Нижнем Новгороде под старым городком вверх по Оке реке была слобода на берегу Оки реки и божьим соизволением грех наших ради оползла гора сверху над слободой и засыпало в слободе полтора ста дворов и с людьми и всякой животиною, а тот городок поставлен, как великия князи суздальские ходили на взыскание градов град построить». Ни в одном из опубликованных списков русских летописей сообщения о старом городке не имеется, но тем не менее это свидетельство со ссылкой на более древний источник вполне заслуживает внимания. Из его смысла следует, что в устье Оки существовало русское укрепление – крепость, расположенная вверх по Оке от кремлевского холма, – места, где в 1221 г. Юрий Всеволодович построил новую крепость на остатках легендарного Ибрагимова городка (отсюда и название «Новгород»). Указание на расположение этого укрепления дает ряд источников. Нижегородский летописец сообщает об этом в связи с рассказом об оползне горы, уничтожившей слободу «вверх по Оке реке».

Уточняя расположение «Старого городка», ряд списков русских летописей рассказывает об этом событии: «В Новгороде в Нижнем за святым Благовещеньем уползе горы и много посыпа дворов и с людьми». Из этих показаний следует, что «Старый городок» располагался на горе, находившейся выше по Оке от зданий бывшего Благовещенского монастыря в Советском районе г. Горького. Дополнительное указание дает и Писцовая книга Нижнего Новгорода 1621–22 гг.: «а 101 году (1593 г.) в государево грамоте написано исстари де Благовещенское поле земля под монастырем по Муромскую дорогу было и около старово городка на Оке реке». По совокупности приведенных источников получается, что «Старый городок» располагался в районе Ярильского оврага (300–400 м выше Казанского вокзала вверх по Оке).

Нашим обследованием в 1954 г. установлено наличие в этом районе на оползне в полугоре остатков вала – части укрепления «Старого городка». Вал сохранился на протяжении 20–25 м, но, тем не

мене, он носит ясно выраженный характер искусственной насыпи. В районе вала при обследовании были обнаружены также фрагменты орнаментированных русских глиняных сосудов, датируемых по аналогиям XI–XII веками. Характерно для «Старого городка» и наличие в этом районе оврага с языческим названием «Ярила», где до начала текущего столетия существовало одноименное народное гулянье. В связи с этим также небезынтересно, что часть списков Нижегородского летописца называет основателем города князя Андрея (см. Нижегородский летописец под ред. А.С. Гациского)⁸.

Четкая и ясная позиция. Впрочем, критики и в ней нашли изъян. Приведем мнение Б.М. Пудалова: «Доказательства в пользу версии Н.М. Добротвора попытался привести в одной из своих ранних работ нижегородский ученый-историк И.А. Кирьянов, отождествивший «Абрамов городок» с болгарским городом Бряхимовым. В рассуждениях И.А. Кирьянова ключевую роль играли этимологические сопоставления («Абрам>Ибрагим>Бряхим-») и локализация Бряхимова в двух списках «Казанской истории» как города на Оке. Однако древнерусское «Сказание о Владимирской иконе Божьей матери» (XII в.), а также наиболее ранние и авторитетные списки «Казанской истории» (XVII в.) сообщают о расположении города Бряхимова на Каме, так что чтение двух поздних списков «на Оке реке» – явная ошибка переписчика их протографа. Вероятно, поэтому И.А. Кирьянов в последующих работах пересмотрел свою точку зрения, отказавшись от поддержки версии о «городе-предшественнике», и принял традиционную версию об основании Нижнего Новгорода в 1221 г.»¹

Заключение филолога выверенно и солидно. Кажется, что тема города Бряхимова на Оке теперь закрыта и в ней надо поставить точку. Но мы с этим категорически не согласны. Б.М. Пудалов остановился на полпути, он не стал докапываться до корней «явной ошибки». Ему главное было «закрыть» тему города-предшественника, но если сказал «а», говори и следующие буквы алфавита. Ведь сразу же возникают дополнительные вопросы. Что это за город Бряхимов на Каме? Как можно перепутать слова «Кама» и «Ока»? В чем причина путаницы? Почему более ранние, чем «Казанская история», источники указания «на Каме» не дают? В сущности, на них должен был отве-

тить И.А. Кирьянов. А может, он, зная ответы, просто не решился их обнародовать? Что ж, придется нам сделать это сейчас.

Начнем по порядку. Бряхимов на Каме – это Пермь. Каркас согласных в этом названии П-р-м с учетом перехода Б (П) точно такой же, как в слове «Абрам». Пермь естественно вписывается в цепочку имен:

Абрам – Ибрагим – Бряхим.

Сам город был основан в 1723 году, но имя его существенно более древнее. Здесь ситуация аналогична истории с нашим городом. Б.М. Пудалов и иже с ним, как безусловные приверженцы Бряхимова на Каме, должны признать существование предшественника современной Перми за 559 лет до официальной даты основания. Расположение поселения – отдельный вопрос, но оно было. Интересно, не правда ли? К тому же хороший подарок пермякам...

Но это не все. Еще более созвучно Перми слово «Бьярмия» – название страны, которая охватывала Пермский край и о которой таинственно молчат наши летописи. Лишь Василий Никитич Татищев написал о ней в своей «Истории». Однако как его труд раздражает того же Б.М. Пудалова и его коллегу А.А. Кузнецова. В аннотации к монографии³ второй из них пишет: «Автор устраняет ряд стереотипов исторической науки, основанных на некритическом использовании тенденциозных источников XV–XVIII вв., **необоснованном привлечении «Истории Российской» В.Н. Татищева** (выделено мной – А.А.)». Если учесть, что в аннотации всего четыре предложения и одно из них указывает, что книга адресована «историкам, преподавателям истории, студентам исторических факультетов и любителям истории», то остается заключить, что выделенная жирными буквами задача является для автора книги одной из важнейших, если не самой главной. В соответствии с ней тема Бьярмии должна быть исключена из научного обсуждения. Не было страны – нет проблемы. Вот так работают некоторые доктора исторических наук. Если же принять в расчет, что А.А. Кузнецов является решительным противником «поборников славяно-арийских древностей» (страница 17 книги³), то ясно, что гипотеза Добротвора–Кирьянова не найдет в его сердце никакого отклика.

Столкнувшись с мощным противодействием историков, занимающих кафедры и имеющих поддержку в столицах, И.А. Кирьянов не «полез на амбразуру» и не стал рисковать профессиональной карьерой. Лично я абсолютно убежден, вопреки предположению Б.М. Пудалова, что Игорь Александрович остался приверженным своей версии. Другое дело, что он, впрочем, как и большинство современных историков, не заявил публично, что наши летописи кропотливо и тенденциозно вымарывались. Одной из запретных тем стала история Бьярмии и входивших в нее народов. Ничего путного в летописях не найдешь про чудь, весь, мурому, мерю, мешчеру, голядь. Нет в них упоминания и об Абрамове городке на Оке.

Но когда-то надо указать и пределы этому летописному беспределу. Вопрос о городе–предшественнике Нижнего Новгорода выступает частью более общей проблемы о древностях народов Северо-Восточной Руси IX–XII вв. Их страна называлась Бьярмия, и Абрамов городок был связан с ней. Устраняя информацию о Бьярмии, редакторы летописей отрезали от русской истории существенный ее пласт. В следующих разделах, привлекая ряд дополнительных источников, мы попытаемся восстановить историю Абрамова городка.

Для большей ясности изложения, играя на опережение, сформулируем нашу концепцию:

1. Во время первой волны расселения славян в Волго-Окском междуречье (VI–IX вв.) в районе Ярильского оврага возникает укрепленный городок Абрамов (происхождение названия будет объяснено позже). Вокруг ядра русов сплачиваются рядом живущие народы (мордва, меря, мешчеры, чудь и другие). Возникает страна Бьярмия со столицей в устье Оки. Со временем ее границы на север расширяются вплоть до Белого моря. Бьярмия служит центром притяжения русов-язычников.

2. Вторая волна славянской колонизации (IX–XIII вв.) проходит под знаком войны Киевского государства с народами Бьярмии. После принятия киевлянами христианства этот конфликт приобретает в дополнение ко всему религиозный характер. В летописях это противостояние в явном виде не отражено.

3. Под давлением русских войск пределы Бьярмии сужались, а столица из устья Оки была перенесена на Каму. Так появился город

Брахимов на Каме. Абрамов городок в XI – начале XIII века стал ареной битвы русских князей, русов-язычников и болгар. Язычники, как правило, выступали на стороне болгар. Финалом этого противостояния стало крещение князем Георгием Всеволодовичем Абрамова городка и основание рядом с ним Нового города (Новгорода).

3. Брахманы на Дятловых горах

Прервем на время обзор имеющихся версий о городе-предшественнике, поскольку у нас накопилось достаточно оснований, чтобы начать реконструкцию его действительной истории. Первым делом необходимо объяснить его название. Это центральный момент, который исследователи проблемы отчего-то практически не обсуждали. Разве, что Н.М. Добротвор пофантазировал на тему неведомого хана Ибрагима, покорившего население Дятловых гор. Это, конечно, из разряда сказок для взрослых, но сама попытка разгадки тайны имени, безусловно, заслуживает внимания. Имя «Абрам» было распространено среди евреев, но выходцы из Палестины к тому времени еще не добрались до мордовских пределов, а приписывать мордве XIII века изучение Библии вряд ли кто решится. Налицо очевидная трудность...

Мы предлагаем подойти к этой проблеме с несколько неожиданной стороны. У Нижегородского края многотысячелетняя история, и на его территории проживали самые разные племена. В первом выпуске нашего альманаха автор подробно проследил последовательность племен, приходивших в Волго-Окское междуречье на смену друг другу⁹. Одним из важнейших выводов исследования стало доказательство присутствия здесь в III–II тыс. до н.э. древних ариев, которые были соотнесены с носителями фатьяновской археологической культуры. Финно-угорские племена, пришедшие в междуречье позднее, частью вытеснили их, а частью смешались с ними и в значительной степени усвоили их культурные традиции. Потомками арийских племен являлись мурома, меря, чудь, весь, голядь, как нам говорят, исчезнувшие этносы. А это просто были «фрагменты» древнерусского народа. Все они в VI–X вв. входили в страну Биармию (см. рис. 3).

Названия отдельных топонимов (населенных пунктов, рек, гор и т.д.) устойчиво живут в памяти поколений. Арийскими по происхождению, к примеру, являются названия крупнейших рек Волго-Окского междуречья⁹ – Волги (Ра), Оки, Ветлуги, Клязьмы, Суры, Керженца, Луха, Яузы. До сих пор у русских распространены арийские по своим корням имена: Арина, Юрий, Сергей, Шура. С арийской культурной традицией связано и название городка, находившегося на месте Нижнего Новгорода:

город **Абрамов** – это город бога **Брамы** (Брахмы).

В народной легенде, записанной П.И. Мельниковым, хозяин городка назван Абрамом (с добавлением буквы «А» в начале, что обычно при устной передаче прозвища), но в документальных свидетельствах название города записывалось без нее (Бряхимов, Бряхов). Брама – устаревшая (а значит, первичная) форма имени бога, Брахма – санскритский его вариант. Первая из них породила имена Абрама и Авраама, а вторая – имена Абрахама, Ибрагима и названия Бряхов и Бряхимов.

Брахма зародился внутри золотого яйца, плавающего в воде. Еще несколько веков назад уровень Волги и Оки был существенно выше. Дома в деревнях на их берегах строились на высоте 84–90 метров над уровнем моря. Естественно считать, что вода в этих реках достигала отметки 84 метра (это нынешний уровень Горьковского водохранилища), то есть стояла примерно на 20 метров выше. Вся заречная часть Нижнего Новгорода была при этом затоплена. Вода на многие километры окружала Дятловы горы, это было самое настоящее море (Русское море^{9, 10}). Основание города Брахмы на берегу такого водоема было очень символично.

Брахма – бог-творец. Место его обитания – центр Вселенной, сакральное место, почитавшееся ариями и объединявшимися с ними народами. В последние три-четыре десятка лет было опубликовано множество книг и статей, пропагандирующих теорию полярной прародины ариев. С естественнонаучной точки зрения эта гипотеза выглядит совершенно нелепо, поскольку ледовый панцирь неизменно покрывал Северный полюс во все времена существования человека.

Не следует плодить умопомрачительные фантазии. Прародиной ариев были берега Волги (древней реки Ра, неоднократно упоминаемой в их текстах) и Русского моря-океана. Русский Север арии осваивали, двигаясь из области умеренных широт, а город Брахмы в устье Оки обозначал центр их земель.

Легенда об Абрамовом городке возникла в то время, когда в междуречье уже обосновались мордовские племена (начало I тыс.). Но она донесла до нас в несколько переиначенном виде его изначальное название. Отталкиваясь от него, можно предположить, что еще в III тыс. до н.э. на Дятловых горах было арийское поселение. Связь его названия с именем верховного бога указывает, что оно выполняло важные религиозные функции, и мы вряд ли ошибемся, что внутри городка находилось святилище (или даже храм).

Бог Брама никогда не изображался с оружием. Его традиционный «портрет» – седовласый старец с пышной бородой. Хранителей культа Брахмы называют брахманами (браминами). Древнерусские литературные тексты именуют их рахманами. Мудрецы и учителя, носители ведической традиции, они, по всей вероятности, составляли основу жителей города Браммы. К этому важно добавить, что исполнители религиозных арийских гимнов носили имя ṛṣi. Академическая традиция восстанавливает это прозвище в форме «риши». Никакого содержательного смысла само по себе это слово не несет. Равно, как нет никаких оснований в пользу вставки в него буквы «и». В действительности, санскритское «ṛṣi» – это калька слова «руссы». Древние русы были приверженцами ведической религии, и их история неразрывно связана с ее создателями, народом ариев. В этом смысле можно говорить, что город Браммы был древнерусским поселением.

Недавние открытия в ДНК-генеалогии подтверждают наш вывод. Как показал геномный анализ Y-хромосомы, у брахманов (высшей касты в Индии) доля гаплотипа R1a такая же, как у русских и славян¹¹. У русских и браминов-индусов были общие предки, которые некогда проживали на Дятловых горах и основали город Браммы. Можно сказать еще так: потомки брахманов, заложивших древний город, до сих пор живут на Дятловых горах. Иначе, как могла сохраниться до наших дней улица Барминская (Браминская!), идущая от Окского съезда к Дятловым горам (к городу Браммы)?.. Для сомневающихся в

Рис. 9. Анатолий Алексеевич Клесов – доктор химических наук, автор уникальных исследований по ДНК-генеалогии. Читайте книги А.А. Клесова!

живучести древнейших названий напомним еще раз пример крупнейших рек Волго-Окского междуречья⁹.

Согласно легенде, у Абрама было 17 детей. Наличие этого числа нехарактерно для фольклорной традиции, в которой обычно фигурируют три брата, семь богатырей и т.д., и потому требует объяснения. Нет ли разгадки этого числа в арийских текстах?

В «Законах Ману» в роли творца выступает эпитет Брахмы – Праджапати (по-санскритски – «господин творения», «прародитель»). Он «воплощается» в десяти существах – владыках порождений. Эти десять праджапати, действующие по воле Брахмы, создали богов и божественные обитатели, добрых духов и злых великанов, огромных змей и птиц с могучими крыльями. Но прежде всего они сотворили семерых Ману – наставников мира и прародителей человечества. На символическом языке можно сказать, что от имени Брахмы мир создавали 17 (10+7) его «детей», ровно столько же, сколько их у Абрама. Можно, конечно, обратить внимание, что легенда говорит о 14 сыновьях и 3 дочерях. Но в этом как раз и состоит развитие сюжета. Первопоселенцы городка представлены в человеческом обличье,

а для продолжения рода среди «перволюдей» должны быть как мужчины, так и женщины. Все логично: взятый за первооснову отрывок из «Законов Ману» очищен от мистики и наделен более реалистичским содержанием.

Предание о мордвине Скворце сообщает, что у того было 18 жен и 70 сыновей. Устаревшее написание числительного «осьмнадцать» схоже со словом «семнадцать», а при произнесении их можно перепутать. Передача предания в устной традиции могла закрепить эту замену. Если мы правы, то число жен выбиралось как сумма 10 и 7, а число сыновей, как их произведение.

Точная дата создания «Законов Ману» неизвестна. Предполагается, что они были записаны между II в. до н.э. и II в. н.э. Проповедники арийских учений донесли учение «Законов Ману» до берегов Волги. Этому способствовала и миграция из степей Нижнего Поволжья в Волго-Окское междуречье сарматского племени аорсов, относившихся к числу арийских племен. Имя аорсов осталось в названиях городов Рязань, Арзамас и в имени поволжского финно-угорского народа эрзя. Само слово «аорсы» («арсы») в переводе с иранского языка, на диалектах которого говорили сарматы, означало «белые», то есть «русые». Аорсы – это русы, потомки арийцев. Об этом же неоспоримо свидетельствуют данные ДНК-генеалогии.

Еще более интересно, что процент гаплогруппы R1a у народа эрзя почти такой же, как у русских (около 50 процентов). Вместе с тем у мордвы-мокши он порядка 20 процентов. Отличаются два вида мордвы и по внешнему виду. Эрзя – светловолосые и голубоглазые, а мокша – темноволосые. Племя эрзя, в отличие от мокши, активно смешивалось с русскими (вначале с аорсами, потом со славянами) и с большим интересом вписывалось в круг русских традиций. Учитывая это, логично заключить, что именно мордва-эрзя в какой-то момент (условно III–VI вв.) поселилась на Дятловых горах и вошла в состав населения города Браны. Важно подчеркнуть при этом, что в легенде об основании (теперь ясно, о воссоздании) городка Дятел назван чародеем. Это означает, что, хотя городок и называли мордовским, жрецами в городе Браны по-прежнему являлись русы.

Вполне вероятно, что кто-то из читателей усомнится в возможности создателей легенд о прошлом нашего края познакомиться с

текстом «Законов Ману» или отдельными извлечениями из него. Что ж, вот наш ответ Фомам неверующим. У Праджапати была соратница – богиня Вач, богиня речи и персонификации Священного Знания. Она – божественная царица богов, брахманы называют ее матерью Вед, а Праджапати создал воды в ее образе. Хотите верьте, хотите нет, но поселок Вача хранит ее имя. Сам поселок находится на Перемиловых горах, название которых кто связывает с богом любви и согласия Перемилом, а кто с Петром и Февронией, воскликнувшей: «Какие премилые горы!» В любом случае обыгрывается название, которое таит эротический подтекст. «Перемиловать» – значит «приласкать» всех или многих. Словом ли, делом ли, но богиня Вач была в этом истинной мастерицей, так что до сих пор ее имя поминают жители Перемилловских гор. Выходит, знали их далекие предки о героях ведийских текстов.

Предание о Скворце и Дятле – самое древнее из упоминаний о поселении, существовавшем на месте Нижнего Новгорода. Традиционно его рассматривают как малоинформативную притчу-присказку, приправленную известными по летописям событиями. Но «сказочка» эта не так проста, как кажется. Про отсутствие в ней болгар мы уже говорили. Теперь об этнической принадлежности чародея Дятла. Логика нашего исследования диктует, что он был брахманом, а значит, потомком ариев или русом.

Важно напомнить, что вплоть до XI века («Русская Правда» Ярослава Мудрого) и даже веком-двумя позже русы и славяне упоминались как два разных этноса. Славяне появились на Русской равнине как мигранты из Европы. Они пришли на земли, которые до того населяли русы, продолжатели рода ариев. Впоследствии этносы смешались, и сейчас говорят, что русские – восточные славяне. Это одна из формул, которой оперируют историки. На ее эфемерность и искусственность наглядно указывают наши нынешние отношения с Киевом, Польшей и Чехией. Так что Дятла следует считать именно русом.

Теперь задумаемся, почему автор предания сопоставил русско-го с Дятлом, а мордвина со Скворцом? По ведической традиции священные горы должны сиять стаями дивных птиц. Наши горы названы Дятловыми. Какие только версии не выдумывали краеведы для объяснения их названия. А причина проста – мифологическая традиция,

ведущая свой отсчёт из глубины тысячелетий. Редкая из лесных птиц может по своей расцветке сравниться с дятлами. Они действительно дивные птицы. Есть у них ещё одна важная черта, которую требует древняя традиция. Они – оседлые птицы и не улетают в тёплые края. Привязанность к родным местам – свойство коренных обитателей, хранителей данной территории. Дятлы – автохтоны. Как и русы (арии, русские), издревле освоившие эти земли, они никуда не уходили из этих мест. Совсем не то скворцы. В зимние месяцы они мигрируют на юг и возвращаются обратно по весне. На символическом языке это означает, что мордва появилась на Дятловых горах позже. Да и в будущем, согласно легенде, по воле Андрея Боголюбского она уйдет из этих мест.

Скворцы, как правило, ведут стайный образ жизни и нередко селятся колониями по несколько пар недалеко друг от друга. Если подходящих для гнездовья мест мало, то птицы разбиваются на более мелкие группы или вовсе гнездятся обособленно, однако на кормёжке или после распада выводков снова сбиваются в стаи. Осенью и зимой скворцов можно увидеть летящими огромной группой в несколько тысяч особей, при этом они синхронно по-

Рис. 10. Большой пестрый дятел

вторяют повороты, парят и приземляются на землю, рассыпаясь на значительной площади. На ночёвку скворцы также собираются группами – обычно на заболоченных, труднодоступных берегах водоёмов с зарослями тростника или ивняка. Напротив, дятел, как правило, проводит время в одиночку; даже во время насиживания и выведения птенцов самцы и самки часто добывают пищу на разных концах общей территории. Как тут не вспомнить русских, которым не свойственно объединяться по национальному признаку?!

Скворцы агрессивны по отношению к другим видам птиц и в состоянии бороться с ними за место, пригодное для устройства

Рис. 11. Скворец

гнезда. С дятлами, однако, они вполне мирно уживаются. Точно так же легенда повествует о дружбе мордвина Скворца и русского Дятла. Скворец исполнил завет друга и похоронил друга. Эта деталь легенды представляется весьма существенной. Думается, она отражает тот факт, что линия жрецов-брахманов в какой-то момент прервалась. Но если посмотреть

шире, то смерть Дятла следует связывать с пресечением традиций культа Браммы на Дятловых горах. Примечательно, что в конце I тысячелетия военный конфликт за устье Оки дополнился религиозным противостоянием Киева и Булгарии. Традиции града Браммы были чужды как христианам-славянам, так и мусульманам-булгарам. Поскольку автор легенды говорит о естественной смерти брахмана Дятла, то естественно предположить, что жреческая верхушка приняла решение о переносе священного места в более безопасное место. Так появился город Бряхимов на Каме. После этого вплоть до похода Андрея Боголюбского, согласно легенде, на Дятловых горах хозяйничала мордва.

И последнее по поводу этой легенды. Ее автор, думаю, был бы немало удивлен, узнав о группе товарищей, отрицающих существование древнего поселения на Дятловых горах. «Зачем же я сочинял эту легенду?» – простодушно спросил бы он...

4. Город на острове

По территории Нижнего Новгорода протекает река Рахма. Исток ее находился на территории микрорайона Щербинки, отсюда река текла к станции Мыза, затем параллельно улице Ларина и впадала в Волгу у деревни Ржавки. Вот такая простая география. Но давайте пред-

ставим, что было, когда реку еще не «спрятали» в трубы, а уровень Волги и Оки был выше (а тому есть достоверные данные).

Стекая вниз вдоль современного проспекта Гагарина, река затопляла Мызинскую площадь (перед телевизионным заводом), которая является низиной, и из этого локального «озера» переливалась в текущую под обрывом Оку. Что же получается? Ока, Волга и Рахма своими руслами отрезали от суши остров (рис. 12). Не следует думать, что Рахма в своем движении к Волге представляла, как сегодня, небольшой ручей. Если изучать овраг, который тянется вдоль улицы Ларина и был некогда руслом Рахмы, то нельзя не удивиться его ширине и глубине. А ведь эти размеры определяют поперечный и вертикальный масштабы реки, протекавшей по нему. По самым скромным оценкам, ширина оврага превышает 100 метров, поэтому отрезанную тройкой рек часть суши можно было считать полноценным островом.

К этому стоит добавить, что наличие нескольких внутренних рек на его территории (Почайна, Старка, Кова), а также высокий уровень грунтовых вод способствовали большой обводненности многочисленных оврагов и образованию множества прудов и озер в черте города. По существу, на месте Нижнего Новгорода (верхней, древнейшей его части) были острова, окруженные водою. По статусу столицы и центра мироздания в более поздние времена эти острова стали называть райскими, или островами блаженных. Все они находились в доступной близости от реки Рахмы. В русской культурной традиции есть представления о мифическом народе рахманов – праведниках, живущих на острове в полном изобилии и радости. Рахманов сопоставляют с индийскими брахманами. Точно так же название Рахма следует связать с именем бога Брахмы; сравни: река Брахмапутра (переводится как «сын Брахмы») в Индии. Это, кстати, еще одно (независимое) доказательство в пользу почитания Брахмы на Дятловых горах.

Многие арабские историки IX–XI вв. писали о таинственном «острове русов». Наиболее ранняя из дошедших до нас версий, принадлежащая Ибн Руста (начало X в.), гласит: «Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером. <...> У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются

лишь тем, что привозят из земли славян. Когда у них рождается сын, то он (рус) дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: «Я не оставлю тебе в наследство никакого имущества и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом». <...> У них много городов, и живут они привольно. Гостям оказывают почет. <...> Они храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Победенных истребляют или обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют и все свои набеги, походы совершают на кораблях».

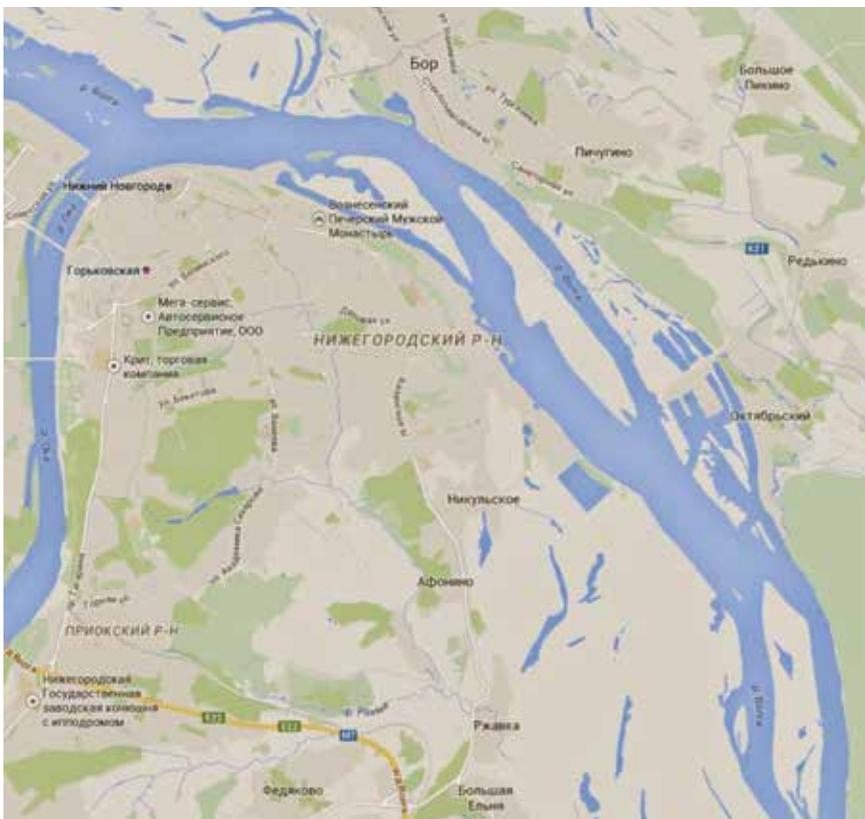

Рис. 12. Современная карта верхней части Нижнего Новгорода. Воды Волги ранее доходили до деревни Ржавки, а русло Рахмы было намного полноводнее

А вот более поздний вариант того же рассказа, приведенный автором XI века Аль-Марвази: «Что же касается ар-Руси, то они живут на острове в море. Тот остров занимает пространство в три дня пути в то и другое направление. На острове леса и болота, и окружен он озером. Они, русы, многочисленны и рассматривают меч как средство существования. <...> И они народ сильный и могучий, и ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают они на кораблях в Хазарское море, нападают на корабли и захватывают товары. Храбрость их и мужество хорошо известны, так что один из них равноценен многим из других народов».

Итак, «остров русов» в описании арабских авторов выглядит следующим образом:

- 1) он расположен в море или озере;
- 2) остров лесистый и болотистый, малопригодный для сельского хозяйства;
- 3) жители занимаются мореплаванием, ходят в морские походы;
- 4) размер – три дня пути;

Некоторые источники добавляют, что население острова многочисленно и достигает 100 тысяч человек.

Загадочный остров русов пытались локализовать в самых разных местах. В качестве возможного его положения назывались Тьмутаракань (Таманский полуостров), Подонье, район озера Ильмень и остров Рюген, расположенный вблизи южного побережья Балтийского моря. Последняя из версий является доминирующей среди историков, поскольку удовлетворяет условиям 1–4. Однако информация о регулярных разбоях балтийских русов в Каспийском море выглядит совершенно неприемлемой: таковых удальцов хватало и в волго-окских пределах.

Мы предлагаем соотнести остров русов с территорией, которую Ока, Рахма и Волга «отрезали» от остальной суши. Для нее идеально подходят требования 1–3. Напомним, что в прежние времена уровень Волги и Оки был выше, и вся заречная часть Нижнего Новгорода, а также Борская сторона были затоплены. Дятловы горы возвышались над самым настоящим «морем». По мере того, как уровень водоема спадал, в низинах образовывались озера и болота, так что окрестные просторы действительно можно было охарактеризовать как болоти-

стые и непригодные для земледелия. Размеры нашего острова, правда, явно не дотягивают до значений, объявленных арабскими историками. Три дня пути – это длина порядка 100–120 км. Наше число в десять раз меньше. Точно так же «остров Брамь» не был густонаселенным. Но тут возможны два объяснения.

Ни один из арабских историков не путешествовал в пределы русов, их информация была получена, скорей всего, от восточных купцов, торговавших с русами. При устной передаче размеры острова и численность его населения могли быть завышены. Это одно из возможных объяснений, но нам больше нравится другое.

Арабам были известны три группы русов. Согласно Мухаммаду аль-Идриси (XII в.): «Одна группа их называется рус, и царь их живет в городе Куйаба. Другая группа их называется ас-Славийа. И царь их в городе Славе, и этот город на вершине горы. Третья группа называется ал-Арсанийа, и царь имеет местопребывание в городе Арсе. Город Арса красивый и (расположен) на укрепленной горе между Славой и Куйабой. От Куйабы до Арсы четыре перехода, и от Арсы до Славии – четыре дня. И доходят мусульманские купцы из Армении до Куйабы. Что же касается Арсы, то, согласно рассказу шейха ал Хаукаля, туда не входит ни один чужеземец, ибо убивают там всякого чужеземца. И не позволяют никому входить с целью торговли в свою землю. Вывозят оттуда шкуры черных леопардов, черных лисиц и олово. И вывозят это все оттуда торговцы из Куйабы». Первые две группы традиционно связывают с Киевом и Новгородом, в котором проживали словене. Относительно Арсаний (Арсы) ведутся споры¹², но многие историки считают, что это территория от Мурома и Рязани и земель мордвы до Среднего Поволжья. В таком случае город в устье Оки следует считать частью Арсы.

Конечно, на роль города Арсы на укрепленной горе в первую очередь претендуют Рязань и Арзамас (по созвучию названий). Но что, если арабские авторы отождествляли остров Русов со всей Арсанийей? Тогда становятся понятны и слова о протяженности острова-области (она даже больше), и его заселенность. В случае с убийством чужеземцев, попадающих в Арсу, информацию относительно всей области следует отнести, наоборот, только к острову. Город Брамь был священным центром русов, запретным для чужаков-иновер-

цев. Странников, проникших в него без разрешения, убивали. Вполне понятный для тех времен обычай, который теперь уже не выглядит таким варварским, как рассказ ал Хаукаля. В этом свете проясняется и причина, по которой князь Мстислав во время похода на болгар, согласно легенде, заповедал своим воинам «жить около Абрамова городища, а отнюдь не в самом городище». Русские воины-христиане (чужаки) не посмели нарушать законы древнего сакрального города. Было ли это уважение к языческим корням своих соотечественников или страх потревожить святое место, сказать трудно. Но поступок воинов следует признать очень достойным. Честь им и хвала!

Теперь о названии города. Имя города практически совпадает с названием всей области – Арсании. Названия областей Куйаба и Слава в сообщениях арабов также совпадают с именами их столиц. В нашей интерпретации город Брамь – это город Арсы (Арсании), то есть один из городов страны, ее столица. По нашему мнению, именно город на Дятловых горах упоминал арабский историк. Уже в силу особенностей своего расположения город был очень красивым. Заметим при этом, что ни про Куйабу, ни про Славию такого не сказано!

Арабские источники ранее не привлекались для исследования проблемы города-предшественника. Для профессиональных историков идея острова русов в устье Оки выглядит абсолютно новой и, по всей видимости, даже излишне смелой. Но доводы в ее пользу можно существенно усилить.

Иоакимовская летопись содержит следующий фрагмент о князе Буривое, прадеде Рюрика: «Буривой, имея тяжку войну с варяги, множицею побеждаше их и облада всю Бярмию до Кумени. Последи при оной реце побежден бысть, вся свои вои погуби, едва сам спасеся, идее во град Бярмы, иже на острове сый крепце устроенный, идее же князи подвластнии пребываху, и тамо, пребывая, умре. Варяги же, абие пришедшее град Великий и протчии обладаша и дань тяжку возложиша на словяны, русь и чудь»¹³. Другие наши летописи ничего не говорят о Буривое, равно как и про страну Бярмию. Но, слава богу, скандинавы и западные авторы много писали о ней, поэтому к сообщению Иоакимовской летописи следует отнестись со всей серьезностью.

Историки соотносят летописную Кумень с рекой Кюмийоки, протекающей в южной Финляндии. Но в Кировской области тоже есть реки с таким названием – Большая Кумена и Малая Кумена. Малая впадает в Большую, на которой находится поселок Кумены. Почему бы вектор экспансии Буривая обратить не на запад, а на восток? Буривая следует считать правителем Бьярмии, и у нас есть ясные указания движения биармийцев вглубь Русской земли, а не к ее границам, – это топонимы Пермь и Бряхов, Бряхимов, упоминаемые в документах. К тому же, почему бы в качестве Кумени не рассматривать и саму Каму? С лингвистической точки зрения, такой вариант ничуть не хуже общепринятой версии с Кюмийокой. Во времена Буривая, полагаем, Бьярмия включала северо-запад современной России и охватывала те русские области, которые арабы называли Славией и Арсанией. Князь попытался расширить свои владения в восточном направлении, но потерпел неудачу.

А теперь главное. Летопись дает документальное подтверждение существования укрепленного города Брами («града Бярмы»), находящегося на острове. Как мы теперь понимаем, это был город в устье Оки, город–предшественник Нижнего Новгорода. Буривая от Рюрика (княжил в 862–879 гг.) отделяют три поколения (примерно 90 лет), поэтому приблизительная датировка времени упоминания града Бярмы – конец VIII века.

Этот город был столицей Брамии (Биармии), в нем верховный князь спасался от варягов. Летопись деликатно рассказывает о поражении Буривая. Вначале говорится о его смерти в граде Бярмы, а следом о захвате варягами Великого града. Рассказчик прямо не говорит, что это один и тот же город. Но логика его повествования подводит именно к такому заключению. Только после гибели верховного правителя и освобождения престола захватчики вступают в заветные пределы его резиденции и столицы страны.

Для полноты картины стоит добавить, что летопись упоминает древнейший град Великий Славенск, заложенный Славеном, братом Скифа, за «много сотен» лет до Буривая. О месте расположения города составитель летописи ничего не сообщает. Вместе с тем переносить его название в эпоху Буривая, Гостомысла и Рюрика представляется неправомерным. О времени этих князей летопись представляет уже конкрет-

ную информацию. Рюрик «в четвертое лето княжения его переселился от старого в Новый град великий ко Ильмену <...>»¹³. Новый град великий – это, несомненно, Новгород на Волхове. Таким образом, Рюрик перенес резиденцию князей из города Браны в Новгород.

Скандинавские саги тоже знают укрепленный русский город, находящийся на острове. Его название Хольмгард, что в переводе с древнескандинавского означает «город на острове». Хольмгард принято отождествлять с Новгородом. Но это выглядит странно, поскольку Новгород находится не на острове и даже не на полуострове. В связи с этим название «Хольмгард» пытаются объяснить уже из древнерусского языка, как «город на холме», что представляется еще более необъяснимым. На Руси Великий Новгород так никогда не называли. Думаем, у нас есть все основания заключить, что Хольмгард – это скандинавское название города Браны.

Это можно заключить и из Иоакимовской летописи. Приведем отрывок, рассказывающий о Гостомысле – деде Рюрика: «Гостомысл имел четыре сына и три дочери. Сынове его ово на войнах избиени, ово в дому измроша, и не остана ни единому им сына, а дочери выданы быша суседним князем в жены. И бысть Гостомыслу и людем о сем печаль тяжка, иде Гостомысл в Колмогард вопросити боги о наследии и, возшед на высокая, принесе жертвы многи и весчуны угобзи. Весчуны же отвесчаша ему, яко боги обещают дати ему наследие от ложесн его. Но Гостомысл не ят сему веры, зане стар бе и жены его не раждаху, посла паки в Зимеголы к весчунам вопросити, и ти реша, яко имать наследовати от своих ему. Он же ни сему веры не ят, пребываше в печали. Единою спящу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дочери его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий, от плод же его насысчахуся людие всея земли. Востав же от сна, призва весчуны, да изложат ему сон сей. Они же реша: „От сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его«. И вси радовахуся о сем, еже не имать наследити сын большия дочери, зане негож бе. Гостомысл же, видя конец живота своего, созва вся старейшины земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович, яви им сновидение и посла избраннейшия в варяги просити князя. И придоша по смерти Гостомысла Рюрик со двумя братья и роды ею»¹³.

Гостомысл идет в Колмоград. Обратим внимание: идет! Если бы князь жил вне этого «города на острове», то он должен был к нему плыть. Значит, Гостомысл живет в этом городе, и справедливо тождество

Колмоград (Холмгард) = град Бярма (Брамы)!

Летопись подтверждает идею о нахождении внутри города-предшественника коллегии языческих жрецов, брахманов или, как она называет их, вещунов. На высокой горе находился жертвенник, где Гостомысл приносил жертву богам. Из семи Дятловых гор на эту роль более других подходит, судя по ее названию, Ярилина гора. Именно на ней, по всей вероятности, и находилось святилище. Колмогардские прорицатели предсказали Гостомыслу, что боги обещают дать ему наследие от утробы женщины его. Но князь не поверил, поскольку стар был, и жены его не рождали. Тогда послал он обращение к вещунам в Зимеголы¹⁴, чтобы те решили, как следует наследовать ему от его потомков.

Поскольку муж Умилы выбирался из варягов, то решалась и важнейшая внешнеполитическая задача – замирение с ближайшим, наиболее сильным соседом. Гостомысл и его дочь Умила были биармийцами, то есть ариями-русами. Некоторые историки записывают князя в словене, но это неправильно. Гостомысл, как мы выяснили, имел стол в граде Брамы. Таким образом, Рюрик был сыном варяга и русской. **Ветви его генеалогического древа не пересекались со славянскими родами, пришедшими на Русскую равнину из Центральной Европы. Чтобы скрыть это, редакторы летописей исключили из них информацию о стране Брамы (Биармии) и её столице – городе Бярмы (Брамы), городе–предшественнике Нижнего Новгорода.**

5. История города Брамы в VIII–XI веках

Всех историков можно разделить на две группы. Первая ищет подтверждения каждого момента истории в историческом источнике,

документе. Есть, например, такой известный историк, который настаивает на том, что нет никаких оснований считать город, раскопанный Генрихом Шлиманом, Троей. В самом деле, вот если бы археологи нашли табличку, висевшую над въездными воротами и извещавшую, что это Троя, тогда другое дело. Из такой породы и активные критики существования города-предшественника – уже знакомые нам Б.М. Пудалов и А.А. Кузнецов. Но им противостоит другая группа ученых, которые прекрасно осознают эфемерность и крайнюю интеллектуальную нищету такой позиции. Мало того, что количество источников всегда ограничено, а многие из них, как оригинал Иоакимовской летописи, просто уничтожены. Эти источники к тому же пережили не одну волну редактирования. Именно это обстоятельство и дает основание нижегородским краеведам искать следы некогда стоявшего в устье Оки города, невзирая на отсутствие упоминаний о нем в летописях. Юрий Вячеславович Сочнев, к примеру, так и пишет: «В зависимости от политических интересов заказчиков летописи не раз подвергались редакционному пересмотру, поэтому не удивительно, что прямых доказательств источники нам не дают. Нам придется использовать в основном опосредованные факты»⁶.

Если в первых трех разделах мы анализировали уже известные сведения о древнейшей истории нашего города, то в четвертом предложили привлечь к рассмотрению данные новых (для обсуждаемой темы) источников, содержащих информацию об «острове русов» и «городе на острове». Как только исследователь согласится, что оба объекта – суть нижегородской природы, то сообщения арабских писателей, скандинавских саг и Иоакимовской летописи он уже должен будет воспринимать как источники, дающие прямые доказательства. А сила этих доказательств весьма внушительная. Так, название «Хольмгард» встречается в скандинавских источниках более сотни раз, причем больше половины из них датируются до середины XI в.¹⁵ В сочетании с фрагментами Иоакимовской летописи они дают эффект разорвавшейся бомбы.

Ясно, что наши критики-нигилисты потребуют представить древние карты, на которых Рахма изображена полноводной рекой, отрезающей в верхней части современного Нижнего Новгорода остров. Но законы гидромеханики еще никто не отменял. Посмотрите на уча-

сток карты на рис. 12 в районе деревни Ржавки, а еще лучше съездите туда. Вода Волги подходила к деревне, то есть уровень Волги был выше. Истоком Рахмы служило озеро на Мызе, которое охватывало территорию телевизионного завода, трамвайное кольцо и низину в начале улицы Горной. Поскольку Рахма впадает в Волгу, то уровень озера был выше уровня Волги у Ржавки. Это озеро соединялось с Окой. Стекала вода из озера в Оку или, наоборот, Ока втекала в него – вопрос отдельный. В разные времена, по всей вероятности, было по-разному. Но остров был. А если так, то, согласно сведениям источников, разбиравшихся в предыдущем разделе, и город-предшественник был! И автору хочется выразить свое восхищение и искреннее уважение всем тем историкам, которые доказывали его существование на основе опосредованных фактов. Эти факты крайне важны и интересны, и мы продолжим их обзор, но уже (в свете нашей теории) под новым «углом зрения».

В качестве первых документальных свидетельств мы принимаем сведения Иоакимовской летописи и скандинавских саг о городе Бярмы или Хольмгарде (старом городе, который предшествовал Нижнему Новгороду). Он был местом резиденции первых русских князей и столицей Биармии. Время его существования – эпоха Буриvoja (конец VIII века), хотя саги допускают и более древнее его основание. Согласно скандинавским источникам старый город был морским портом и центром международной торговли. В пределы Биармии входили область русов Арсания (Волго-Окское междуречье) и территории к северу и востоку от нее, включающие поселения чуди, веси, голяди. Но в начале IX века умер Буривои, и город захватили варяги. Последующее правление Гостомысла было связано с борьбой за независимость, все его четыре сына погибли в войнах, но в конечном итоге князь заключил мир с варягами и выдал среднюю дочь Умилу замуж за варяжского князя. Она родила Рюрика, который, став правителем (862–879 гг.), перенес княжескую резиденцию в Новгород. Старый город остался как религиозный и торговый центр Биармии. Арабским авторам он был по-прежнему известен как «остров русов».

Судя по содержанию саг, викинги уже в IX веке плавали как по волжско-каспийскому пути, так и добирались до Константинополя. Дорогу на Русь и далее к Черному морю они называли Восточный

путь (Austrverg: austr – восток, verg – путь). Он отличался от «пути из варяг в греки», которому более подходит название «Южный путь». На Восточном пути скандинавы размещали три города в такой последовательности¹⁵: Хольмгард – Киев – Константинополь. К тому времени уже существовал окончательно сложившийся путь из арабского Востока через Каспий по Волге до Булгарии и от нее далее по рекам Волге, Оке и Сейме в среднее Поднепровье: есть твердые основания считать, что в те времена Волжский и Днепровский бассейны рек были связаны водными артериями. Но если это так, то нижегородский Хольмгард служил для скандинавских купцов перекрестком двух дорог – в Черное и Каспийское моря. Это была, очевидно, идеальная «точка» товарообмена.

Славянское племя полян, населявшее Киев и его пределы, в первой половине IX века еще находилось под игом хазар. От уплаты дани их освободили биармийцы во главе с боярами Аскольдом и Диром в 864 году (Иоакимовская летопись упоминает только первого из них). Северяне и радимичи обрели независимость в 884 году в результате похода князя Олега на хазар. Как результат, Биармия включила в свой состав земли этих славянских племен, территория ее существенно расширилась, а княжеский стол был перенесен на юг – в Киев. Подробностей столь важных политических перемен в наших летописях мы, увы, не найдем. Согласно их тексту, Киев – «мать городов русских» и тот центр, «откуда есть пошла Русская земля». Эту идею вколачивали и вколачивают в головы россиян на протяжении веков. Но эта версия редакторов летописей – заведомая неправда. Ядром русских земель была и неизменно оставалась центральная область Биармии – Арсания. Внутри нее (вплоть до периода правления Рюрика) находилась и столица Биармии – город Брамь.

Еще раз подчеркнем, биармийцы не являлись норманами, скандинавами или викингами. Это потомки арийских племен, оседло проживавшие в Центральной России и в ее северных областях. В отличие от славян, их в VI–XII вв. именовали русами. Характерной чертой потомков ариев было почитание роты. Это слово-клятва воспроизводит название вселенского закона «rta» у древних ариев. Согласно выводам исследователей, в нем следует видеть некий универсальный принцип, частное и повсеместное проявление которого способствует сохране-

нию определенного (соответствующего должному положению вещей) видения Вселенной и ее элементов. Модель мира ведийских (т.е. почитавших «Веды») ариев была ориентирована на космос. По закону «ṛta» встает и заходит солнце (выезжает на своей колеснице Сурья, будучи конем и колесничим одновременно; поднимает золотые руки Савитар = Свет-Яр, побуждая к жизни все живое утром и успокаивая вечером); одно время года в установленном порядке следует за другим. Все повторяется, как было в незапамятные времена, и, следуя «ṛta», человек воспроизводит цикличность космических явлений в своем жизнеустройении, поддерживая тем самым порядок в космосе и в человеческом обществе и создавая условия для нормальной и успешной жизни своего племени. «Ṛta» являлся одновременно и этическим законом в обществе ариев. Хорошо и правильно то, что этому закону соответствует, а плохо и несправедливо непочитание арийских богов, непринесение им жертв, скупость в отношении жрецов и поэтов, слагающих религиозные гимны. Для ведийского сознания характерна сосредоточенность внимания на положительной сфере, на том, что соответствует «ṛta», и неразработанность отрицательной.

У древних русов этот закон ассоциировался с понятием «рота». М.Л. Серяков в своей книге «Голубиная книга» – священное сказание русского народа»¹⁶ посвятил анализу этого языческого термина отдельную главу. Исследователь блестяще показал, что древнерусская «рота» была аналогом арийского «ṛta» – вселенского закона, универсального принципа, регулирующего порядок в Природе и торжество правды в человеческом обществе. Православное духовенство всеми правдами и неправдами пыталось искоренить в народном сознании память о «роте». С этой целью, например, редактировались летописи. М.Л. Серяков приводит целую дюжину примеров варварского искажения текста «Повести временных лет». Он подчеркивает, что апологеты христианства при этом не столько боролись с самими языческими представлениями, сколько пытались «навязать народу закон иудео-христианской традиции», который, в противовес русскому закону-роте, носит откровенно приземленный характер (табу на имя Бога, запрет на интерес к чуждым верованиям да элементарнейшие нравственные установки). В дополнительном толковании десяти заповедей (Исх. 34: 11–26) уточнены некоторые ритуальные элементы

культы, однако и они лишены какого бы то ни было космического, вселенского начала.

Хранителем «роты» на Руси выступал бог Род. (К сожалению, М.Л. Серяков никак не отразил этого в своей книге.) Академик Б.А. Рыбаков в книге «Язычество древних славян» указал на исключительную роль этого божества в жизни древних русов. В частности, он особо обратил внимание на сочинение русского книжника XII в., получившее название «Слово об идолах». В нем неизвестный автор сообщает, что культ Рода охватывал Египет, Вавилон, Малую Азию, Грецию, Рим и славянский мир!

Род – первейший русский бог, творец, «родитель» Вселенной, всего видимого и невидимого мира. Это «отец и мать» всех богов, воплощение нерушимости русского племени, все многочисленные потомки которого некогда произошли от одного общего предка. В поучениях против язычества Род выставляется главным соперником Бога-творца. В сознании же простого народа, принявшего христианскую веру, он стал ассоциироваться с Иисусом Христом. Народное (неканоническое!) определение – Бог есть Любовь – сложилось под влиянием языческой традиции. Разумеется, христиане находят в этой «формуле» в первую очередь выражение их духовного опыта, тогда как для язычников суть ее заключается в непрерывном возобновлении жизни. Поэтому символика язычников ближе к природе и более разнообразна: образ Рода связывался и с солнечным светом, и с дождем, и с огнем. Его изображали фаллосоподобным и четырехликим (знаменитый Збручский идол) наподобие индусского бога Брахмы. Род – это верховный бог, это наш древнейший Яр (отсюда и имя народа – арии), это воплощенный образ вселенского закона–роты.

Мы намеренно сделали пространное отступление в область мифологии и древнейших религиозных представлений наших предков. Наверняка оно станет неожиданным для большинства читателей, но это как раз и доказывает, насколько наши знания о прежних временах искусственно ограничены, не побоимся сказать, обрезаны. А ведь Ярилина гора, возвышающаяся над устьем Оки, мыслилась нашими предками как место схождения первобога, творца Вселенной, и традиция такого ее наименования идет из глубин тысячелетий. И еще. У сарматов-аорсов, пришедших в Волго-Окское междуречье и говоривших на

языках иранской группы, этот вселенский закон назывался «arta». Переход согласной «т» в «с» – обычное дело при воспроизведении слов на других языках, поэтому название Арсания (Артания) можно объяснять как наименование области, где почитают закон роты.

Мы предполагаем, что вешуны города Браммы выступали хранителями культа бога Рода (он же Яр, он же Брами). Конечно, это гипотеза, но логика развития событий подсказывает, что между русами-автохтонами (биармийцами) и славянами-мигрантами были в том числе и религиозные противоречия. Во-первых, они поклонялись разным языческим богам. Пантеон князя Владимира, составившийся в Киеве, не включал бога Рода, и это была явная демонстрация противостояния между язычниками юга и севера Руси. Во-вторых, христианизация Руси шла тоже из Киева. Поэтому можно смело утверждать, что с конца X века для города Браммы началось время испытаний.

Христианизация Руси в 988 году дала начало гражданской войне в стране¹⁷, и Старый город в силу своего статуса священного города был вовлечен в нее по полной программе. По сообщению Казанского летописца, «спасаясь от святого крещения, «ростовская чернь» должна была бежать в Волжскую Болгарию – на Среднюю Волгу. Этот же рассказ повторяет Космография XVII века» (цитируется по статье⁸). Водный путь к булгарам проходил через Старый город. Очевидно, он был наводнен язычниками и должен был восприниматься как центр сопротивления Киевской власти. Несмотря на то что земли в устье Оки принадлежали мордве, город оставался по-прежнему русским. Собственно, об этом и говорит легенда о мордвине Скворце и чарошее Дятле. Мордва и русы мирно уживались на Дятловых горах, а религиозной жизнью города управлял русский волхв.

Примечательно, что легенда не говорит о присутствии здесь болгар. Нам представляется это важным указанием на действительную подоплеку событий. Дело в том, что, и здесь мы согласимся с Б.М. Пудаловым¹ и А.А. Кузнецовым^{3, 4}, нет никаких доказательств присутствия болгар в устье Оки. Да, в 1088 году они захватили на время Муром, в 1107 году неудачно осаждали Суздаль, а в 1155 году, согласно свидетельству Татищева, вели военные действия в районе Мурома и устья Оки. Естественно предположить, что язычники, оседло жившие в то время в Старом городе, поддерживали дружественные

отношения с булгарами и свободно пропускали их через свои земли. Не стоит забывать также, что при Буривое земли болгар входили в состав Биармии, и связи русов с тюрскими народами выдержали уже к тому времени проверку на прочность. Из того, что Киевская Русь в X–XII вв. активно соперничала с булгарами, совсем не следует, что русы-язычники поддерживали своих кровных братьев. Более того, нет сомнений, что какие-то вооруженные отряды русских язычников сражались на стороне болгар. Известно, что в начале XIII века среди мордвы существовали русские вооруженные формирования (Пурга-сова Русь), защищавшие край от вторжения недругов. Очевидно, такого рода формирования были и ранее, начиная с момента гонений на язычников в Киевской Руси. Это были, в том числе, «осколки» биармийских дружин, рассеянных войсками киевских князей в походах на племена Северо-Восточной Руси.

6. Закат города Браны

Вернемся вновь к городу–предшественнику Нижнего Новгорода и рассмотрим, как на нем отразились военные походы владими-ро-суздальских князей в XII–XIII вв. Вслед за П.И. Мельниковым, Н.М. Добротвором и И.А. Кирьяновым эта проблема тщательно разрабатывалась в недалеком прошлом учеными-нижегородцами – Н.Ф. Филатовым и Ю.В. Сочневым. Они тоже пришли к выводу, что город-предшественник у Нижнего Новгорода был, и это был **русский город**. Не болгарский, как предположил В.Н. Татищев, а русский. Особенность нашей позиции состоит в том, что поселение на Дятловых горах существовало с древнейших времен. Оно испытывало периоды взлетов и падений, разрушалось и спустя какое-то время восстанавливалось. К нашей точке зрения наиболее близка гипотеза Н.М. Добротвора, предполагавшего существование городка с момента начала славянской колонизации Волго-Окского междуречья. Остальные исследователи связывали создание поселения с деятельностью князей-христиан. Ниже мы разберем их аргументы и попробуем выстроить по возможности полную картину истории города Браны с учетом его языческого прошлого.

Киевскую Русь начали собирать князья, пришедшие в «матерь городов русских» с севера. Они были наследниками славы и продолжателями дела вождей Биармии. После походов Святослава на Хазарский каганат (965–968 гг.) пределы Руси выросли колоссально. Арабский путешественник и географ Ибн-Хаукаль писал в 976 году: «В настоящее же время не осталось ни следа ни из Булгара, ни из Бургаса (племена на Средней Волге. – А. А.), ни из Хазара, ибо русы напали (или истребили) всех их, отняли у них все эти области и присвоили их себе»¹⁸. «Повесть временных лет» (начало XI века) сообщает: «А се суть иннии языци иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва <...> сими же всеми обладаху Русь иже от Киева града...» В этом перечне упоминаются племена, жившие в районе устья Оки и даже восточнее его (черемиса – современные мари и чуваша). Политическое господство в устье Оки в то время принадлежало Киеву. Казанский летописец про эту эпоху пишет так: «Бысть убо от начала Руския земли яко же поведают Русь и варвари все то Русская земля была едина иде же ныне стоит град Казань на восток по обою странам великая реки Волги... и до Камы реки... все то держава и область Киевская» (цитируется по статье 8). Разумеется, ни о какой ширококомасштабной христианизации тогда не могло быть и речи, и город Браны существовал как религиозный (языческий) и торговый центр, подвластный киевскому князю.

С середины XI века геополитическая ситуация в устье Оки начинает меняться. Виною тому наступательные операции волжских болгар в Поволжье и Приочье. Традиционно ослабление влияния Киевской Руси в Волго-Окском междуречье связывают с процессами феодального распада. Но в нашем случае есть и другая, не менее существенная причина. Христианизация столицы государства негативно сказалась на отношении к ней других областей. Тем более это относится к Арсании – центру языческих верований. Есть все основания полагать, что населявшие ее племена, а все они входили ранее в состав Биармии, оказавшись между двумя мощными силами, выбирали из двух зол меньшее. «Цементом» для их сплочения, как мы полагаем, стали русы-язычники, ставшие ядром боевых дружин. Выступая независимой политической силой, они вели переговоры и с Киевом, и с Булгаром, выступая в зависимости от ситуации на той или иной стороне.

Источники сообщают о бегстве множества русов-язычников в Волжскую Булгарию. Она стала для них центром притяжения. Соответственно можно говорить и о присутствии русских военных отрядов в войске булгар, и о русских поселениях внутри Булгарии. Так, в частности, там появился город Брахимов (Брахов) на Каме. Это двойник города Брамь, только названный уже на мусульманский манер. Русские язычники, ощутив опасность со стороны воинствующих христиан, создали еще один культовый центр в достаточно удаленном месте. Делалось это, надо полагать, в полном согласии с булгарами. Вместе с тем союз с булгарами гарантировал и безопасность города Брамь в устье Оки. Город, таким образом, оставался русским, но был под протекторатом булгар.

В.Н. Татищев сообщает, что в 1006 г. булгары заключили с киевским князем Владимиром торговый договор, по которому им было разрешено с рядом ограничений вести торговлю в русских городах по Оке и Волге, по тому же договору и русские купцы могли «в болгары с торгом ездить без опасения». Этот болгаро-русский договор периодически возобновлялся и еще действовал в XI веке. Для контроля торговых путей булгары создали сеть форпостов на Волге¹⁹. Одним из них был град Брамь. Гарнизон, охранявший его, состоял из русов-язычников: присутствие булгар в священном городе русов, надо полагать, исключалось. Кроме того, делая такой вывод, мы опираемся на предание о Скворце и Дятле.

Но торговые интересы не всегда совпадали с политическими. П.И. Мельников писал по этому поводу: «Чтобы удобнее было вести с русскими торговлю, болгары основали близ Суздальских владений ярмарку (где ныне Балахна, как говорят предания), а чтобы защититься от русского оружия, построили город на месте Нижнего Новгорода. Но ярмарка пала, город разрушен был русскими князьями, и болгары в этом потеряли многое»²⁰. К сожалению, краевед не указал, на какие предания он опирался, но эта информация хорошо вписывается в логику событий. Город в устье Оки, оказавшийся на месте горячего конфликта, разрушался и восстанавливался каждый раз заново. Обратим внимание, что фразу «город разрушен был русскими князьями» следует понимать так, что князья-христиане разрушили город язычников.

В ходе русско-булгарской борьбы за устье Оки переломным стал поход Андрея Боголюбского на булгар в 1164 году. Русские войска взяли пять городов, в том числе и город Бряхимов на Каме. В этом походе русские рати сопровождала главная святыня, икона Владимирской Богоматери, а также икона Спаса, перед которыми князь Андрей после успешного сражения совершал торжественное богослужение. Среди завоеванных городов летописец назвал по имени только Бряхимов. Что это – случайность? Опять-таки Бряхимов заключает список. Не означает ли это, что именно он был целью военной экспедиции Андрея Боголюбского?

Изложим нашу версию событий. В своем походе великий князь решал одновременно две задачи. Первая состояла в разгроме булгарских войск и устранении влияния волжского соседа на торговые пути в Каспий. Вторая предполагала искоренение центров русского языка. Город Бряхимов – это Пермь. В середине XII века Бряхимов стал играть роль града Браны. Бряхимов был последним оплотом Биармии, и Андрей Боголюбский направлялся туда, чтобы искоренить язычников в их священном городе. Нам представляется, что эта задача была куда более важной, чем расправа с булгарами. Обратим внимание, что Боголюбский не пошел на их столицу и дал возможность булгарскому царю бежать. А вот до таинственного города Бряхимова, который вовсе и не был булгарским, дошел. Да и летописец отметил подвиг разорения Бряхимова, а остальные побежденные города «оставил безмянными». Как ни утаивал он истинную цель войны, а она обнаруживает себя: князь-христианин шел уничтожать языческую оппозицию его власти.

Согласно легенде о Скворце и Дятле князь Андрей Боголюбский изгнал с Дятловых гор детей Скворца. Конечно, генеалогические рассуждения к этой легенде не вполне уместны, но для приблизительных оценок, думаем, пригодны. Время жизни одного поколения людей обычно полагается равным 30 годам. Значит, время Скворца и Дятла – это первая треть XII века. В 1120 году ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий ходил против болгар и одержал победу. С этой датой можно связать гибель и разграбление града Браны. Легенда символически отображает данное событие как смерть Дятла. По нашей реконструкции примерно в это же время или несколько раньше часть

волхвов покинула Дятловы горы, чтобы основать новое святилище бога Браммы на Каме (город Брюхимов). Время с 1120 по 1164 г. можно назвать периодом «детей Скворца». В это время, согласно легенде, на Дятловых горах хозяйничала мордва.

При анализе предания об Абрамовом городке мы установили, что фигура Абрама олицетворяет верховного волхва. Он тоже чародей, как и Дятел в параллельной легенде об основании города. Отсюда неопровержимо следует, что предание об Абрамовом городке следует отнести к 1120 году, и русским князем, штурмовавшим город, был Юрий Долгорукий. Напомним, что в редакции, опубликованной Н.И. Храмовским, фигурирует князь Мстислав, сын Андрея Боголюбского и внук Юрия Долгорукого. Это очевидная вставка, которая в свое время возмутила П.И. Мельникова. Редактор предания решил соотнести его с походом князя Мстислава на болгар зимой 1171–1172 года. В варианте, которым располагал П.И. Мельников, не упоминается имя князя. Теперь мы можем поправить редактора, составившего вариант Н.И. Храмовского (возможно, что сам он и был его автором). Абрамов городок в действительности штурмовал Юрий Долгорукий.

Отдельного объяснения заслуживает приказ князя обустроиться воинам вне стен города. Войска князя изгнали вещунов и волхвов из города, но не крушили языческие капища и священные монументы. Тем самым они проявили уважение к жителям города и их религиозным верованиям. Вместе с тем, и это типичная история, они боялись навлечь на себя гнев языческих богов. Причина более чем веская, чтобы обосноваться за чертой священного города. Но моментально высвечивается важнейшее следствие княжеского приказа: воины строили новое поселение! Этот посад строился поблизости от Старого (языческого) города, но не включал его. Н.Ф. Филатов писал:

Рис. 13. Доктор исторических наук Николай Филиппович Филатов (1938–2004).

«Летописцы настойчиво подчеркивали, что «Нижегородское и Городецкое и великое княжение бысть от Суждаля», то есть возникли до утверждения Владимира столицей великого княжества (до 1157 г.), в котором Суздаль перестал играть роль лидера»²¹. Но тогда можно предположить, что Юрий Долгорукий, правивший ростово-суздальским княжеством в 1113–1157 гг., изгнав русских волхвов, оставил в городе Браны своего посадника с колонией переселенцев. Жили они, надо полагать, в Новом городе.

Впрочем, пока князь занимался внутривластными делами, поселение могло существовать и само по себе, без княжеского призора. Но после 1152 г. Юрий Долгорукий стал всемерно укреплять его рубежи. «Для основания новых городов-крепостей он разослал по окраинным районам княжества своих воевод. Тогда были основаны Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Кидекша, Дмитров, Звенигород, Городец на Волге и, можно полагать, городок в устье Оки»²¹. Интуиция не подвела Николая Филипповича Филатова! А сколько критических стрел в его адрес выпустили коллеги-историки. Достаточно сказать, что его статья²¹ издавалась с примечанием: «Публикуется в порядке дискуссии». Эта уничижительная формулировка не делает чести ни автору сборника, ни его ответственным редакторам. Грустно про такое упоминать, но это наша действительность. Как писал А.С. Пушкин: «Ученых много – умных мало».

Естественно, перед Юрием Долгоруким и его преемниками встал вопрос о названии города. Прежнее имя напоминало о древнейшей истории Руси, и его следовало заменить новым. Конечно, изначальное название города запечатлелось в народной памяти и какое-то время еще жило в народной среде. Поэтому и переписчики летописей гадали, про какой Бряхимов идет речь, – про тот, который на Волге, или тот, который на Каме. Александр Островский в пьесах «Бесприданница» и «Красавец-мужчина» высказался в пользу первого варианта, видимо, восприняв древние легенды о его существовании. Но следует признать, что изначальное имя города-предшественника стараниями редакторов летописей выпало из научного оборота...

Утрата имени порождает пробелы в истории. Именно так и произошло с городом Браны. Историкам, доказывавшим существование города-предшественника, приходилось выстраивать свою систему

рассуждений на основе косвенных свидетельств. Разумеется, такого рода построения представляют лакомый кусочек для критиков. Но в нашей ситуации, когда в существовании города Браны уже не приходится сомневаться, они выступают важными дополнениями, раскрывающими проблему более полно и содержательно.

Юрий Вячеславович Сочнев (как и И.А. Кирьянов) связал возникновение города-предшественника с деятельностью сына Юрия Долгорукого – Андрея Боголюбского. В качестве даты основания у него фигурирует 1164 год (дата первого похода на болгар). «Церковь должна была способствовать христианизации присоединенных мордовских и мещерских земель и тем самым закреплять их за владимирскими князьями. Для успешного освоения земель, подчас с враждебным населением, необходимы были опорные пункты. Ими служили «грады святой Богородицы». Эти «грады» могли представлять собой укрепленные монастыри-крепости»⁶. Историк отмечает, что этот опорный пункт не являлся городом в привычном смысле слова и не упоминался поначалу в летописи ввиду своей незначительности. В 1183 году он был razoren в результате набега болгар. Русские нанесли несколько ответных ударов, но городок в устье Оки так и не набрал былой мощи, и потому вплоть до начала XIII века оставался «невидимым для летописей».

Идея Ю.В. Сочнева хорошо вписывается в развиваемую нами картину событий. В самом деле, христиане традиционно строили церкви на месте языческих капищ. Город Браны идеально подходил для их града святой Богородицы. Благовещенский монастырь в Нижнем Новгороде располагается у подножия Ярилиной горы, как раз на месте Старого городка. Дискуссия о времени его возведения не имеет значения: важен сам факт его существования в данном месте, то

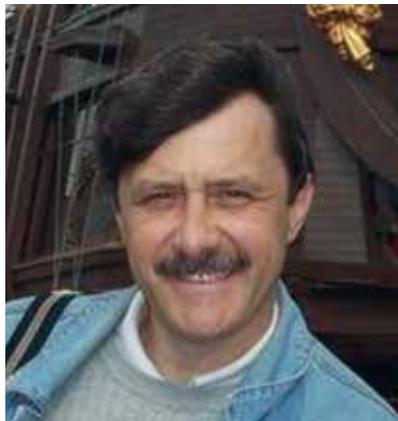

Рис. 14. Кандидат исторических наук Юрий Вячеславович Сочнев

есть принадлежность данного «кусочка» земли Церкви. Нижегородцы должны помнить, с каким непримиримым упорством в конце прошлого – начале этого века церковные власти выживали со священной территории планетарий. Уж кто-кто, а высшие иерархи Церкви прекрасно представляют историю своих святых и сколько крови было за них пролито.

Есть еще один, правда, косвенный аргумент в пользу точки зрения Ю.В. Сочнева. Это староверская легенда, изложенная в «Китежском летописце». К сожалению, исследователь не привлек ее в качестве источника, но содержащийся в ней текст, применительно к рассматриваемому вопросу, следует назвать сногшибательным. «Китежский летописец» представляет многоплановый документ с элементами исторической правды, художественного вымысла и богословских рассуждений. В нем присутствуют очевидные исторические неувязки, но, бесспорно, присутствует и ярко выделена центральная тема, ради которой и создавался текст.

Главный герой легенды – великий князь Георгий Всеволодович, основатель Нижнего Новгорода. Только начинает действовать он во времена Андрея Боголюбского, а не в отведенное ему судьбой время (годы жизни князя: 1188–1238). Автор легенды смещает дату рождения Георгия Всеволодовича намеренно, но с какой целью? Также он не упоминает, что князь основал Нижний Новгород, и это еще одна странность легенды. Чем же тогда прославился князь, какие великие деяния он совершил?..

Согласно «Китежскому летописцу», Георгий, унаследовав престол от своего отца, отправился к великому князю Михаилу Черниговскому с просьбой: «Дай мне грамоту строить Божьи церкви и **города** (выделено мной. – А. А.)!»²² И повелел тот дать Георгию грамоту, и напутствовал: «Как хочешь, так и твори...»

Поехал Георгий Всеволодович по городам Руси. «И когда приехал в Новгород, повелел строить церковь во имя Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы Приснодевы Марии в 6672 (1164) году»²². И когда приехал в Москву, «повелел строить церковь во имя Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы Приснодевы Марии в 6672 (1164) году»²². Добрался князь до Ростова, где правил Андрей Боголюбский, и приказал там «строить церковь во имя Успения

Пресвятой Владычицы нашей Богородицы Приснодевы Марии 23 мая в 6672 (1164) году»²². Князю же Боголюбскому повелел «ехать в город Муром, и строить в городе Муроме церковь во имя Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы Приснодевы Марии»²². Князь возводит в крупнейших городах храмы, посвященные Богоматери. Только ей, интересно, не правда ли? Но это были пока только церкви.

Главная же цель князя Георгия – строительство городов – лежала впереди. Сел князь Георгий в струг и поехал вниз по Волге. «И пристал к берегу в Малом Китеже, который на берегу Волги стоит, и построил его»²². Внутри же города он распорядился возвести «монастырь во имя Пресвятой Богородицы Феодоровской»²². Малый Китеж – это Городец, но, следуя духу летописца, его можно называть градом святой Богородицы.

И приехал князь Георгий к озеру под названием Светлояр, и «по просьбе людей <...> повелел быть там городу под названием Большой Китеж»²². Начали возводить каменный город 1 мая 1165 года и построили за три года. В нем было три церкви:

- Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня;
- во имя Успения Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии;
- во имя Благовещения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.

Две церкви из трех посвящены Богоматери, поэтому и Большой Китеж можно также именовать градом святой Богоматери. Таким образом, по мысли автора «Китежского летописца», заслуга князя Георгия Всеволодовича состояла в возведении двух градов Святой Богородицы. Правда, один продолжил свое материальное существование, а второй ушел под воду и стал невидимым. При этом про основание Нижнего Новгорода в летописце нет и намека. Согласитесь, странно.

Традиционно выделяют мифологический аспект староверской легенды с погружением чудо-города на дно Светлояра. Этот сюжет приобрел исключительную популярность в нашем народе. Но, на наш взгляд, не менее важен и ее исторический подтекст. Так, легенда подтверждает идею Ю.В. Сочнева о существовании в нижегородских пределах градов святой Богородицы. Совпадает и время их возникновения. Исторические заслуги Андрея Боголюбского в легенде приписаны Георгию Всеволодовичу, жившему позже. Тем самым

автор легенды доносил до читателя, что у Нижнего Новгорода был город-предшественник.

«Китежский летописец», на наш взгляд, представляет зашифрованное обращение к читателю. Он заставляет размышлять и согласовывать разные пласты информации, заложенной в тексте, решать разного рода логические задачи. Так, автор летописца использует прием с раздвоением образа князя. Все мы знаем биографию исторического князя Георгия Всеволодовича. Но в параллель нам предлагается еще и ее художественный вариант. В результате мы можем сопоставлять деяния князя и его двойника. Исторический князь основал Нижний Новгород, а его двойник – Малый и Большой Китежи. Малый Китеж – это Городец, к его основанию исторический князь Георгий не имеет никакого отношения. Он – основатель Нижнего Новгорода. Но не хотел ли автор летописца сказать, что

город-предшественник – это Большой Китеж?

Эта идея многое ставит на место и опять-таки указывает на то, что автором летописца был чрезвычайно умный и образованный человек, а не религиозный фанатик, путающий всё и вся. Вот он назвал город на небольшом озере – Большим Китежем, а громадный по сравнению с ним Городец – Малым. Признаться, это несоответствие много лет не давало лично мне покоя. А ведь это знак читателю, обычное дело для зашифрованного текста. И означает он – ищи Большой Китеж в другом месте, среди городов более масштабных, нежели Городец. Или как можно было в лесу у Светлояра «по просьбе людей» строить город? Это сейчас рядом озером большое село Владимирское, а раньше там была «тайга». А вот на Дятловых горах люди в то время жили. Для них и возвели град святой Богородицы с тремя церквями. Другое дело, что в реальности сделал это Андрей Боголюбский. Но проницательный читатель разберется и с этим.

Нельзя не подивиться также точному указанию летописца на время религиозных перемен в устье Оки. Появление здесь Андрея Боголюбского в 1164 году положило конец существованию города Браны. В связи с этим вполне естественно возникал вопрос – а что бу-

дет теперь на его месте? Ю.В. Сочнев блестяще угадал задумку князя и православного духовенства создать здесь град святой Богородицы (Большой Китеж летописца). Осуществилась ли она в действительности? В какой-то степени, по-видимому, да. «Китежский летописец» настраивает на такие мысли. Но историк сам отметил, что твердых указаний на длительное существование такого града нет. Летописи рассказывают о продолжавшемся в конце XII – начале XIII века военном противостоянии с болгарами, и город, очевидно, постоянно был в центре военных действий. К тому же град святой Богоматери был лишь первым опытом вживления христианства в край, издревле населенный язычниками. Мордовские племена сопротивлялись изгнанию с Дятловых гор и разорению своих земель. Наконец, среди мордвы проживала Пургасова Русь, чьи воины не раз успешно сражались с княжескими дружинами. Имя их предводителя князя Пургаса происходит от санскритского «риго-га» – «вождь, предводитель народа». На этом основании можно утверждать, что Пургасова Русь объединяла русов-язычников, или, в более общем смысле, биармийцев, чьи предки проживали в Волго-Окском междуречье. Воины Пургаса напали на Нижний Новгород, отстроенный князем Георгием Всеволодовичем. Что же говорить об одном из его предшественников – граде святой Богородицы? Он был разрушен. И если это сделали не болгары, а русы-язычники (как месть за град Браны), то это произошло ранее 1183 года. После разорения града Святой Богородицы в устье Оки, скорее всего, продолжало существовать русское поселение. По логике развития событий оно должно было подчиняться Владимирскому князю.

7. Рождение Нового города в 1221 году

В Лаврентьевской летописи основанию нашего города посвящено всего одно предложение. В нем говорится, что князь Юрий заложил город в устье Оки и назвал его Новгородом. Новый град – так назывался наш город до XIV века, когда к его имени добавили прилагательное «Нижний». Изначальное и ключевое слово в имени города – «Новый», то есть возведенный рядом со Старым городом или на

месте Старого города. Таковы, например, Великий Новгород или итальянский Неаполь. Уже само имя «Новгород» указывает, что у города был предшественник. Это как «дважды два».

Но, хорошо, допустим, что никакого поселения в устье Оки не было, а князь Юрий, то ли от недостатка фантазии, то ли от любви к символизму, остановился на простом и непритязательном названии. Пусть так. Но имеются документы, свидетельствующие, что на территории Нижнего Новгорода существовал Старый городок. Это Софийская II летопись (памятник XVI века) и Нижегородский летописец (памятник местного летописания второй половины XVII века). На основании этого П.И. Мельников, выступая на IV Археологическом съезде в Казани в 1877 г., отождествил Старый городок с городом-предшественником. Правда, наш выдающийся земляк ошибочно считал, что Старый городок был на горе Гремячей, где сейчас находится гостиница «Нижегородская», но это уже детали. Главное, был обнаружен документальный след города-предшественника. Уже в XX веке И.А. Кирьянов указал на грамоты от 20 июля 1592 г. и 8 января 1593 г. царя Федора Ивановича в Нижний Новгород, упоминающие Старый городок. Но критики и тут не промолчали. Б.М. Пудалов написал по этому поводу: «Насколько этот городок «старый», то есть мог ли он быть старше Нижнего Новгорода – этот ключевой вопрос остался без ответа, ибо приведенные докладчиком источники не подтверждают основание «Старого городка» до 1221 г.»¹ Вначале о сути замечания. Мог ли Старый городок быть старше Нового города (Нижнего Новгорода у Б.М. Пудалова)? Конечно, мог, потому что он Старый! В этом смысле абсолютно непонятен и вопрос об источниках, которые должны подтвердить древность Старого города. Его имя возникло после появления Нового города в 1221 году и не могло фигурировать в источниках ранее этого года. Любое упоминание Старого города после 1221 года как раз и есть источник, доказывающий, что он был городом-предшественником.

Князь Юрий (в крещении Георгий) основал два города. Новгород (разумеется, Нижний) и четырем годами позже, в 1225 году, Юрьевец (Юрьев). На Руси была традиция называть города именами князей-основателей: отсюда Владимир и Ярославль – города крупные и значимые. Князь Юрий однажды последовал этой традиции, но от-

чего-то дал свое имя второму из основанных городов. Это выглядит странным. По праву первенства именно Нижний Новгород заслуживал носить имя князя. Насколько известно автору, никто из исследователей даже не брался объяснить этот факт.

Наша версия такова. Князь Юрий основал Новый град на Часовой горе (где ныне Кремль) рядом со Старым городом, который располагался на Гребешке. Впоследствии Старый город вошел в состав Нового. О том, что так и будет, князь прекрасно создавал. Называть же своим именем то, что уже существовало до тебя, было бы в высшей степени нескромно. К тому же князь знал прежние названия Старого города (город Браны и град святой Богородицы), которые настраивали его проявить мудрость и смирить гордыню. Город Юрьев в устье реки Унжи возводился на пустовавшем месте, и с ним все получилось в согласии с традицией.

Говоря о князе-основателе, нельзя обойти также вопрос о причине его канонизации. Он не был ни великим полководцем, ни искусным управленцем или политиком. За какие же заслуги его вознесла и почитает Церковь? Стандартный ответ – за праведную жизнь, и очевидная уклончивость такой формулировки только подчеркивает, что наш вопрос принадлежит к разряду запрещенных: не положено пастве знать лишнее. А ведь канонизация – это не грамота и не орден, это прославление человека перед Богом. Так что же великого совершил князь Юрий Всеволодович?

Начнем с того, что, заложив Новый град, князь воевал не только и не столько с мордвой, сколько с Пургасовой Русью. Русские христиане воевали с русами-язычниками! Конечно, борьба за территорию была одной из причин распри. Но первопричиной противостояния был религиозный раскол. Князь-христианин огнем и мечом крестил городок в устье Оки, а потом планомерно истреблял русское язычество по всему краю. Летописи пишут про войны с мордвой, но ее главной воинской силой была Пургасова Русь. Не основание, а крещение города – заслуга князя перед Церковью.

Попробуем представить теперь «схему» крещения города.

В 1120 году князь Юрий Долгорукий изгнал из города Браны волхов. В Старом городе (граде Браны) стали жить мордва, русы-язычники и христиане.

В 1164 году Андрей Боголюбский разогнал жителей града Браны, разрушил его языческие святилища, а на их месте повелел строить град святой Богородицы. Во время возвращения из похода на болгар зимой 1171/72 года русские воины нашли приют в этом поселении.

В 1183 году болгары уничтожили град святой Богородицы. На их стороне воевали русы-язычники.

В более позднее время (1183–1221 гг.) русские князья восстановили контроль над устьем Оки. В поселении (Старом городе) проживали как язычники, так и христиане. Здесь мы предполагаем, что существовал договор между великим князем и князем язычников (условно Пургасом).

В 1221 году князь Юрий Всеволодович основал Новый город на Часовой горе и крестил жителей Старого города. В Новом городе князь построил первую (деревянную) церковь в честь Архистратига Михаила (ныне Михаило-Архангельский собор) и заложил каменную церковь Спаса. На месте Старого города он начал возводить монастырь Пресвятой Богородицы (ныне Благовещенский). «Китежский летописец» излишне усердно, но также славословит князя как строителя храмов Богородицы и основателя обоих Китежей. В этом смысле заслуги князя перед Русской Православной Церковью велики, и они, бесспорно, повлияли на его канонизацию. Но, думается, прославляет князя Церковь прежде всего потому, что он изгнал Пургасову Русь с Дятловых гор и основал христианский город на священном месте язычников.

Заключение

Мы не только доказали существование у Нижнего Новгорода города-предшественника, но и предложили реконструкцию его истории. Основой для нее стало оригинальное объяснение названия «Абрамов городок» и привлечение ряда новых источников. Имя городка открывает нам, что он возник в III тыс. до н.э., когда на Дятловы горы пришли племена Фатьяновской археологической культуры (народ ариев). Судя по своему имени и местоположению, город Браны играл роль священного центра ариев и столицы мира. Как

творец всего сущего, Брама схож с богом Родом язычников и Богом-отцом христиан. Это обстоятельство способствовало тому, что город оставался религиозным центром и у ариев, и у русов, и у христиан. Память о древнейшем названии города, сохраненная устной традицией, свидетельствует, что русские люди считали себя потомками ариев и чтили их как своих предков. Город переименовали уже князья-христиане.

В отличие от предыдущих сторонников города-предшественника, мы существенно расширили период его существования. Но что говорит по этому поводу археология? На рис. 15 приведены данные археологического памятника, который мы предлагаем соотносить с городом Брамь. Это поселение существовало в 1750–1500 гг. до н.э. и в VII–III вв. до н.э. Следовательно, город-предшественник был!

ПОСЕЛЕНИЕ НА БЕРЕГУ Р. ОКИ ЗА РОМОДАНОВСКИМ ВОКЗАЛОМ

РЕГИСТРАЦИОННЫЙ НОМЕР
52:1440053780006
КАТЕГОРИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЗНАЧЕНИЯ
Федерального значения
ВИД ОБЪЕКТА
Памятник
ОСНОВНАЯ ТИПОЛОГИЯ
Памятник археологии
СВЕДЕНИЯ О ДАТЕ СОЗДАНИЯ
2-я четв. II тыс. до н.э., VII–III вв. до н.э.
АДРЕС ОБЪЕКТА (МЕСТОАХОЖДЕНИЕ)

Нижегородская область, г. Нижний Новгород, 300 м к юго-востоку от здания Ромодановского вокзала

**Рис. 15. Данные археологического памятника
«Поселение на берегу реки Оки за Ромодановским вокзалом»**

Первый из известных временных отрезков следует связывать с балановской археологической культурой, а второй – с городецкой археологической культурой. Они разделены почти тысячей лет, и это вроде бы противоречит предположению о преемственности развития города на протяжении тысячелетий. Нам представляется, что надо просто подождать: новые археологические исследования обязательно докажут справедливость нашей точки зрения.

Время существования	Характеристика поселения
VI век – 862 г.	Резиденция князей Биармии и первых русских князей
VI век – 1120 г.	Священный центр русов-язычников
1120 – 1164 гг.	Мордовское поселение с русским посадником
1164 – не позже 1183 гг.	Град святой Богородицы
1183 – 1221 гг.	Русское поселение

Табл. 1. История города-предшественника, подтверждаемая источниками

В табл. 1 сведены результаты проведенного исследования относительно той стадии его существования, которая отражена в имеющихся исторических источниках. Это, так сказать, теоретический задел, сведения, которые получены за письменным столом. Археологических подтверждений в пользу поселения VI–XII вв. в устье Оки пока нет, но автор искренно надеется, что ключевым в заключительном предложении является слово «пока»...

Список литературы и примечания

1. Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья. Нижний Новгород, 2003.
2. Леонтьев А., Леонтьева М. Биармия: северная колыбель Руси. М.: Алгоритм, 2007.
3. Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII века. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006.
4. Кузнецов А.А. Основание и ранняя история Нижнего Новгорода. Вестник ННГУ, 2014. № 5. С. 9–17.
5. Гациский А.С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 43–44.

6. Сочнев Ю.В. Об основании Нижнего Новгорода и землевладении Владимирского Успенского Собора // Исследования по истории России, 1996. С. 14–27.

7. Добротвор Н.М. История города Горького. Горький: ОГИЗ, 1947.

8. Кирьянов И.А. К вопросу о времени основания г. Горького. Горький: 1956 // Цит. по тексту: Хрестоматия по истории. Вып. 2. Документы и материалы по проблемам русской колонизации Нижегородского Поволжья и основания Нижнего Новгорода / Сост. Ю.В. Сочнев. Н. Новгород: НКИ, 2001.

9. Абрашкин А. О древней истории Нижегородского края / Русское междуречье. Вып. 1. Н. Новгород: Дятловы горы, 2021; см. также на сайте abrashkin.ru.

10. Абрашкин А.А. Русская Атлантида и первые индоевропейцы. М.: Книжный мир, 2020; Абрашкин А.А. Атлантида и Нижегородская отчина. Н. Новгород: Вертикаль – XXI век, 2018.

11. Клесов А. ДНУ-генеалогия славян: происхождение и история. – СПб.: Питер, 2019.

12. Малышев А. Арса-Русь Нижегородского Поволжья / Русское междуречье. Вып. 1. Н. Новгород: Дятловы горы, 2021; см. также на сайте abrashkin.ru.

13. Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М.: Ладомир, 1994.

14. Зимеголы (Земгалия, Семигалия) – область на юге Латвии и севере Литвы, населенная балтскими народами. Но в этой области также проживали и русы, а их важнейшим стратегическим центром влияния был город Ярск (в разных транскрипциях его называют Герсик, Герцике и т.д.). Археологические раскопки показывают, что Ярское городище возникло не позже X века, когда были проведены работы по изменению рельефа горы. Считается, что в это время город присоединяется к Древнерусскому государству. Ещё до 1015 года Ярск вместе с прилегающей к нему долиной Западной Двины входил в состав Древней Руси. Скандинавы знали реку Вину (Двину) и включали ее в состав Биармии (вопрос о том, была это Северная или Западная Двина, остаётся открытым). Название города говорит, что он стоит на Яру (на горе), и, ссылаясь на Иоакимовскую летопись,

можно предположить, что ранее X века здесь был один из форпостов Биармии и, как и на Ярилиной горе на Оке, святилище русов.

15. Войтович Л.В. Хольмгард – Новгород: загадки истории Руси X – первой половины XI века // Вестник Удмуртского университета, 2015. Т. 25. Вып. 1. С. 7–18.

16. Серяков М.Л. «Голубиная книга» – священное сказание русского народа. М.: Алетейа, 2001.

17. Абрашкин А.А. Русские боги. Подлинная история арийского язычества. М.: Алгоритм, 2013.

18. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб.: 1870. С. 218.

19. Фахрутдинов Р. Г. Мелодия камней. Казань, 1986. С. 138.

20. Мельников П. И. Исторические записки о Нижнем Новгороде // Отечественные записки. 1840. Т. XI. Отдел 2. С. 3.

21. Филатов Н.Ф. Старый город в устье Оки – предшественник Нижнего Новгорода // Анучин С.В. Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижегородский гуманитарный центр, 1999.

22. Китежский летописец / Сост. Н.В. Морохин. – Нижний Новгород, 2015.

А.В. Малышев

ВОССТАНИЕ РАЗИНЦЕВ В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕ И БИТВА У СЕЛА МУРАШКИНО

К 350-летию сражения

События крестьянской войны под предводительством Степана Разина оставили неизгладимый след в народной памяти. Имя вождя восстания отразилось в целом ряде географических названий. Н.И. Костомаров

отмечал, что «берега Волги усеяны урочищами с его именем. В одном месте набережный шихан (холм) называется Стол Стеньки Разина, потому что он там обедал со своими товарищами; в другом – такой же холм называется Шапкой Стеньки Разина, потому что будто бы он оставил на нем свою шапку; в третьем – ущелье, поросшее лесом, называется Тюрьмой Стеньки Разина: там, говорят, он запирали в подземельях взятых в плен господ. На севере и на юге от городов Камышина и Царицына (Волгограда), по нагорному берегу Волги, – ряд бугров, которые называют буграми Стеньки Разина в память того, будто бы там он закладывал свой стан». В Нижегородской области недалеко от поселка Большое Мурашкино есть овраг, именуемый Остров Разина. Он стал свидетелем одной из кровопролитнейших драм крестьянского бунта.

Предыстория появления повстанцев на Нижегородчине такова. Боевые действия против правительства Разин начал весной 1670 года. Разбив с мая по август небольшие воинские подразделения, высланные против него, он завладел Астраханью, Царицыном, Самарою и Саратовом. 4 сентября разинцы подошли к Симбирску. Его осаду считают пиком восстания, а битву под Симбирском называют главным сражением Разинской войны. Но, на наш взгляд, оно было решающим только для вождя восстания – Степана Тимофеевича Разина, получившего ранение и оставившего действующую армию.

В самом деле, ко времени событий под Симбирском полыхало уже всё Поволжье. В полной мере сработал замысел Разина о привлечении к восстанию инородцев. «Так пошёл он вглубь области, населённой черемисами, мордвой и татарами, где очень многие пристали к нему», – писал современник событий¹. Другой современник сообщал: «Стенька столь преуспел в своем умысле, что земли по Волге и далее вглубь страны вплоть до городов Алатыря и Арзамаса вовлечены были в мятеж. Число мятежников умножилось до двухсот тысяч. Часть черемисов, татар и все русские крестьяне, в тех местах проживающие и московским боярам принадлежащие, возмутились против своих господ и убивали и вешали их, и пожар мятежа охватил столь многие земли, что занялся уже в 12 милях от самой Москвы»¹. В Средневековье на Руси всех инородцев Востока часто обобщали под именем «татар». Были татары «мордовские»², «черемисские», «дагестанские», «черкесские»³, да и собственно тюрки-татары тоже

делились на фратрии по месту происхождения. Из-за активного участия этих инородцев-татар некоторые иностранные источники называли разинское восстание «татарским мятежом»⁴.

По нашему мнению, главные сражения, решившие исход этой войны, произошли в междуречье Оки, Волги и Суры. Осенью 1670 года в Нижегородские пределы вошел разинский атаман Максим Осипов. Для привлечения новых сторонников восставшие использовали два пропагандистских приема. Во-первых, была выдумана легенда о присутствии в армии низложенного патриарха Никона, будто бы бежавшего из ссылки. Во-вторых, среди населения распространялась молва о «царском сыне», которого Разин намеревается возвести на московский трон. Лозунг истребления бояр и дворян, тем самым, дополнялся идеей будущего правления хорошего царя. Этим царем должен был стать мнимый сын царя Алексея Михайловича, якобы не умерший, а бежавший к Разину от лютости отца и от злобы боярской. Роль царевича выполнял шестнадцатилетний подросток – родственник князя Черкасского, князь Андрей, захваченный Разиным в Астрахани¹. В одном из донесений романовских воевод к царю сказано: «Да их же, государь, воровская прелесть во все люди кричали, что с ними будто бы Нечай-царевич Алексей Алексеевич да Никон патриарх. И малодушные люди то ставят в правду их воровскую затейку, и оттого, государь, пущая беда и поколебание в людях»⁵. Специально для «царевича» и «патриарха» в разинской флотилии содержались два струга: один, обитый красной материей, с красной палаткой, – «царский», а другой, обитый черной материей, с черной палаткой, – «патриарший»¹. Струги строго охранялись, и к ним никого не допускали.

Легенда о царевиче-избавителе была очень популярна среди крестьян и казаков. Будущий царь, как помазанник Божий, был той фигурой, которая придавала легитимность выступлению против властей. Когда восстание распространилось на огромной территории между Доном, Волгой и Окой, имя царевича Алексея Алексеевича освящало его. Царевичу присягали, за него готовы были умереть, и умирали. Современник пишет, что захваченные в плен разинцы «принимали смерть с мужеством необыкновенным, будучи в твердом убеждении, что умирают за правое дело»¹. Пленных стрельцов казаки убеждали, говоря: «Вы бьетесь за изменников, а не за государя, а мы бьемся за

государя»⁵. В некоторых письмах Разин выступал от имени самого Алексея Михайловича, якобы окруженного изменой⁴. В Европе Разина даже рассматривали как претендента на русский престол¹. События, произошедшие возле Большого Мурашкина, непосредственно связаны с тем самым «царевичем», пришедшим поднимать народ на восстание.

В отряде атамана Осипова вождя восстания не было, равно как отсутствовал и князь Андрей. Поэтому роль царевича играл кто-то из его окружения, получивший прозвище Нечай. Трюк с наследником царя сделал свое дело. Войдя в Алатырский уезд с тридцатью соратниками, Осипов вскоре уже собрал отряд в три тысячи человек, и, осадив, сжег Алатырский острог вместе с воеводой Акинфеем Бутурлиным. Из письма арзамасского воеводы Леонтия Шейсупова царю мы узнаем: «А выжгли де тот город Алатор и воеводу и дворян порубили бунтовщики, мордва и черемиса и чюваша и воры их жа, помещиков люди и крестьяне. <...> И те, государь, воры, мордва и черемиса, идут к Арзамасу близко»⁶.

Осипов занял Курмыш. Самозваного царевича уже ждали на родине патриарха Никона (село Вельдеманово в Перевозском районе Нижегородской области), но в это время начались волнения в соседнем Лысково. Его жители «били челом» Осипову, чтобы он прибыл к ним и установил порядок, «как ведется в казачестве»⁷. Осипов вошел в Лысково, где его казаков встречали крестным ходом с колокольным звоном и хоругвями⁸. Тогда же вспыхнул мятеж в селе Мурашкине. Восставшие мурашкинцы отрубили голову воеводе и сожгли церковь, после чего захватили местный арсенал. В предании, записанном В.Н. Морохиным, об этом сказано так: «Попробовал было мурашкинский воевода Давид Племянников помешать честным людям, начал сопротивляться, да не тут-то было! Разинцы вместе с народом мурашкинским одолели этого царского слугу с войском его наемным, и покатиласть тут голова с воеводских плеч. <...> А пищалям да ядрам, что за селением на валу находились, суждено было послужить казакам-разинцам»⁹. После этих событий Лысково и Мурашкино стали центрами восстания в крае. Современники постоянно указывали, что самые главные мятежники, «храбрые и неустрашимые», находились в этих селениях¹⁰. «Царевичу» присягнул и Ядрин, а после того как по-

встанческие отряды получили пополнение, началось их выдвижение к Нижнему Новгороду.

Восставшие лысковцы во главе с местным атаманом Мишкой Чертоусенком осадили 1 октября богатый Макарьевский монастырь⁸. Монахи оказали сопротивление, ожидая помощи из Москвы или Нижнего, но она не пришла, и 10 октября монастырь, как указывали современники, «благодаря измене одного еврея»¹ был взят, разграблен и стал лагерем восставших разинцев⁸. По версии С.М. Соловьева, Макарий брал Ян Никитинский, который разграбил только отданные монастырю на хранение пожитки, но ничего монастырского не тронул⁵.

К этому периоду повстанцы контролировали почти весь Нижегородский уезд и собирались идти к Нижнему Новгороду. Тогда и зазвучал боевой клич (ясак) восставших, во всех документах той эпохи передаваемый как «Нечай». «Нечай-царевич» звали восставшие мнимого наследника московского престола и с кличем «Нечай» шли в бой за него. Почему Нечай? Никто из упоминаемых документами лидеров восстания такого имени не имел. В то же время слово «Нечай» (т.е. «нежданный», «нечаянный») очень подходит и для характеристики неведомого наследника, и для боевого клича, который сродни современному выражению: – «Что, не ждали?»

Согласно допросам пленных повстанцев явиться народу загадочный Нечай-царевич должен был после взятия Нижнего Новгорода. Возможно, разинцы, до этого захватившие все «низовые» (т.е. принадлежащие Низовской земле) города на великой реке и осаждавшие Симбирск, полагали Нижний Новгород ключевым городом, пунктом, где они могут сгруппироваться для решительного броска на Москву. Не зря Разин говорил, что ему придётся «зимовать в Нижнем»¹¹. Войско Осипова историк Н.Н. Фирсов рассматривал как авангард армии Разина¹¹. Разинцам именно в Нижнем Новгороде хотелось объявить нового русского царя, провозглашая, тем самым, овладение Астраханским и Казанским царствами, которые Разин требовал выделить в отдельное от Московии государство¹. Восставшие убеждали всех присоединиться к ним, говоря: «Вот Нижний возьмем, в то де число увидите все крестьяне царевича. Мы идем за царевича Алексея Алексеевича и за батюшку Степана Тимофеича, а у нас ясак Нечай, значит, что вы царевича не чаете, а он нечаянно придет к вам»⁸.

В Нижнем Новгороде воевода Голохвастов старался поддерживать порядок, но восставшие «воровские от Нижегородского уезда, от Лыскова, от Мурашкина и от Терюшевской волости» уже подступали станами к городу, а нижегородская чернь несколько раз посылала гонцов в Мурашкино, к «царевичу», призывая разинцев в город⁸. Восставшие контролировали практически весь Нижегородский уезд. У Павловского и Лисенковского перевозов группы повстанцев перекрыли государевым людям путь через Оку. По донесениям царских лазутчиков, «в селе Богородицком да в селе Ворсма человек с пятьсот, а атаманом у них Савка Федоров». Также «на Вечиковском перевозе на Кудьме реке стоит воровских казаков сот пять и больше, да черни и мордвы нагнано тысячи с три и боле»⁸. Стольник Василий Нарбеков, возвращавшийся в это время из Арзамаса в Москву, показывал, что на Павлове перевозе, и в селе Богородицком, и на Ворсме «около трёх сел мужики собрався с врами ходят, грабят и побивают до смерти и всякое разорение чинят»¹¹.

Нижний Новгород с юга и юго-востока был обложен. Любопытно рассмотреть, кто же скрывался под маской самого «Нечай-царевича», в котором С.М. Соловьев⁵, а вслед за ним и Н.Н. Фирсов¹¹, и Н.Ф. Ржигга⁸, и другие видели Максима Осипова. Сведений об этом атамане, как, впрочем, и о многих других предводителях восстания, сохранилось крайне мало. Установлено, что после того, как Осипов зажег восстание в Нижегородском уезде, он собирался или идти на Нижний Новгород¹¹, или «итти с пушки к Арзамасу на обоз <...> князя <...> Долгорукова», однако в октябре 1670 года был отозван Разиным себе на помощь в Симбирск¹². Есть данные, что Разин разослал подобный призыв всем атаманам крупных отрядов, действовавших в Волго-Окско-Сурском междуречье. Однако не все откликнулись на него.

Среди восставших имелась разобщенность. Не зря современники указывали, что «если бы силы мятежников <...> соединились и действовали согласно, нелегко было бы государеву войску противостоять им и одолеть их»¹. Впрочем, здесь можно допустить, что восставшие в Волго-Окско-Сурском междуречье преследовали свои цели, не связанные с целями и судьбой главного вождя. Так, атаманы Свищев и Васильев готовились к штурму Арзамаса, который, по их мнению, был важнее, чем взятие Симбирска. Максим Осипов, напро-

тив, немедленно выступил на помощь Разину и вскоре уже сражался под Царицыном, а затем под Астраханью, где его вместе с «Ывашкою Поповым да с Ывашкою ж Андреевым живьем взяли, а товарищей их многих побили». О дальнейшей участи Осипова ничего не известно, но исследователи уверены в том, что он был казнён вместе с другими повстанцами¹³.

Но ясак «Нечай» гремел по Нижегородчине и после отъезда атамана, и после разгрома и бегства Разина из-под Симбирска. Отсюда мы можем допустить, что имя «Нечай-царевича» носил не Осипов, а кто-то другой. Дело в том, что царевич должен был именно явиться народу, то есть его скрывали. А Осипов был всегда на виду, и в царских документах тех лет он упомянут как «атаманишко Максимко Осипов»¹³. Тем более, возраст царевича. Исследователи допускали, что большинству разинских атаманов, в том числе и Осипову, было в районе 30–40 лет¹³. И, хотя мы не знаем возраста Осипова, но точно знаем, что царевичем Алексеем Алексеевичем должен был быть обязательно очень молодой человек – «отрок лет 16»¹. Иначе вся легенда о спасшемся царевиче не имела бы смысла. Можно допустить, что Разин отправил с Осиповым некоего юношу, названного царевичем. Отсюда неслучайным кажется то, что Осипова сопровождал ещё один близкий к Разину атаман – Яков Никитинский. Возможно, охрана «царевича» была в числе главных обязанностей этих атаманов.

Никитинский участвовал в штурме Макарьевского монастыря, однако потом он был отмечен в сражениях под деревней Баево и селом Тургенево в Мордовии, из чего мы можем сделать вывод, что он покинул «царевича» раньше Осипова¹³. Возможно, Никитинский исполнил свою миссию по доставке «царственного отрока» и вернулся к Разину. Мы полагаем, что на роль будущего царя Разин назначил своего родственника, и под видом царевича этот молодой человек, сопровождаемый Осиповым и Никитинским, прибыл к бунтующим инородцам. «Царевич» – племянник Разина, или, согласно другому сообщению, двоюродный брат¹⁰, – находился среди повстанцев до самого поражения восстания и был выдан лысковцами правительственным войскам, за что они получили прощение¹. Надо думать, что такую важную фигуру не казнили сразу, как других вождей восстания,

а доставили в Москву. Действительно, голландец Койэтт упоминает, что он присутствовал в Москве при казни «молодого человека, которого <...> Разин выдавал за старшего царевича – Нечая»¹³.

Все это случилось после, а в сентябре 1670 года дело «Нечай-царевича» еще, казалось, близилось к победе. Но 1 октября 1670 года под Симбирском князь Бярятинский нанес тяжелое поражение Разину. После многодневного боя восставшие были разбиты, а сам Разин, раненый, бежал на Дон. Здесь требуется уточнение для термина «бежал». Еще с дореволюционных времен историки обвиняли Разина в трусости и предательстве. Однако советские учёные рассматривали поступок атамана, учитывая особенности казачьей психологии XVII века, согласно которой быстрый отход в случае неудачи не был чем-то предосудительным¹⁴. И тем не менее, указание С.М. Соловьева на то, что перед побегом Разин обманул примкнувших к нему, предложив им остаться стоять у города, а сам вместо этого кинулся к стругам, не красит овеванного романтикой атамана⁵.

Одновременно с победой Бярятинского начал боевые действия опытный и умелый полководец князь Долгоруков, до этого с трудом пробившийся из Москвы к Арзамасу. У князя Долгорукова в этой войне была особая миссия. Ведь это именно он казнил брата Степана Разина – Ивана. Вместе с тем он должен был положить конец беспорядкам. Сначала Долгоруков только отбивался. 6 октября правительственные войска предприняли атаку на Мурашкино. Князь Щербатов «сбил здешних людей, захватил у них пушки и знамена»¹⁵. Возможно, этот бой происходил у села Шпилево или Шепелево (ныне Перевозский район Нижегородской области, 15 км к юго-западу от Большого Мурашкина), которое упоминается в преданиях, записанных отцом и сыном Морохиными⁹. Затем были рассеяны толпы повстанцев у села Путятинно близ Сергача. Другое поражение было нанесено восставшим у деревни Исупово, в 12 верстах от Арзамаса, а 13 октября Щербатов разгромил большой отряд бунтовщиков у села Поя близ Лукоянова⁵. Усмирив мятежников вблизи Арзамаса, Долгоруков поспешил направить полки в главное «скопище воровских прелестей» и «гнездо самозванства», в село Мурашкино. Здесь и произошло сражение, которое А.Г. Маньков называет одним из трёх крупнейших сражений этой войны, положивших конец её распространению на запад. При

этом необходимо уточнить, что из этих трех сражений одно, по его мнению, произошло под Шацком, а два других – под селами Мурашкином и Лысковом¹³. Но мы эти два последних сражения считаем связанными между собой, как два эпизода одного боя, что и покажем в дальнейшем. Таким образом, 22 октября 1670 года вблизи села Мурашкино началось крупнейшее в истории Волго-Окско-Сурского междуречья сражение.

Царские войска под руководством Щербатова и Леонтьева подступили к селу, возле которого их встретила повстанческая армия. Кто ею руководил, неизвестно. В числе сподвижников Осипова ученые называют имена атаманов А. Васильева, В. Петрова, И. Попова, А. Андреева¹³, из чего мы можем допустить, что кто-то из них в тот день был под Мурашкином. Источники еще называют командира повстанцев, выдвинутого из среды самих мурашкинских жителей, – Михаила Семенова¹⁴. Можно уверенно говорить о его участии в сражении. Но кто бы ни был руководителем повстанческой армии, это был достаточно умелый полководец, так как управлять армией, и даже, как мы увидим дальше, добиться перевеса в этом большом бою, пусть и временного, без опыта невозможно. С.Г. Томсинский утверждает, что «когда присматриваешься к карте движения красных (разинских. – *Авт.*) войск, то поражаешься их правильным действиям. Такое расположение действующих армий требует знания местности, хорошо поставленной разведки, связи и знания противника»¹⁶.

По преданиям, сохранившимся среди жителей мурашкинской округи: «Не прошло и месяца, как места эти (окрестности Мурашкина. – *Авт.*) превратились в поле брани невиданной. По приказу царя князь Долгоруков двинул против разинцев стрельцов, ратников да инородных наймитов своих. На Мурашкино вел войско арзамасский князь Щербатов. <...> И была брань та кровопролитная долгой да тяжелой. Трудно пришлось тут восставшим: княжеские вояки и оружия больше имели, и припасов разных понавозили – хоть отбавляй, да и числом, конечно, превышали они разинцев изрядно. Дело кончилось тем, что дворянские сынки взяли верх над восставшими и потеснили их к Мурашкину-селу. Прошел день, и с новой силой ринулись в бой войска щербатовские. Сражение под самое село подкатилось. И тут пустили в ход разинцы пищали да ядра, добытые раньше у воеводы

Племянникова. Стали они бить с мурашкинских укреплений по царским наймитам и сынкам дворянским, да так, что жарко им пришлось. А другим крепко вложили на переправах через реку Сундовик. Но силы были неравными»⁹.

В свою очередь Н.В. Морохин добавляет: «Там, на поляне, бой продолжался с новой силой. Разинцы направили против войск Леонтьева и Щербатова главную массу сражающихся и все имевшиеся у них пушки. Однако после долгого и упорного сражения стало понятно, что им не выдержать натиска хорошо вооруженных и обученных царских войск. Отряд повстанцев прекратил сопротивление и оставил боевые рубежи. На поле сражения разинцы оставили много убитых»¹⁷. Сейчас уже и не поймешь, чего в этих рассказах больше, – действительно народных преданий или сведений, почерпнутых из популярной литературы и переданных «былинным» языком. Мы же обратимся к свидетельствам современников. Добавим только, что отец и сын Морохины утверждали, что бой у Шпилева и сражение под Мурашкином – это два эпизода одной баталии.

На основании свидетельств современников мы полагаем, что стычка у Шпилева произошла 6 октября, а двухдневное сражение, состоявшееся 22–23 октября, проходило сначала у села Вершинино (в 7 километрах к юго-западу от Большого Мурашкина), а затем уже под Лысковом. Впрочем, Шпилево и Вершинино стоят недалеко друг от друга, поэтому путаница в их упоминании вполне объяснима.

О битве под Мурашкином сообщают все основные источники той эпохи, что, безусловно, указывает на решающую роль этого сражения. Далее мы рассмотрим каждое из упоминаний. Но вначале хотелось бы обратить внимание на один документ, опубликованный в 1671 году в Лондоне. Это брошюра, содержащая описание победоносного сражения царских войск с армией разинцев. Ее текст представляет собой донесение некоего фактора (доверенного лица) своему доверителю. К сожалению, ни имя автора, ни имя получателя указаны не были, но из повествования ясно, что автор с осени 1670 года по весну 1671-го находился в России. Фактор в подробностях описал некое генеральное сражение, в котором, с одной стороны, войсками командовали князь Долгоруков и сам царь Алексей Михайлович, а с другой стороны – Разин и некий патриарх. Датой этого сражения

он называет февраль 1671 года, в чем мы сразу можем усомниться и предположить некую путаницу. Но остановимся на содержании.

Рассказчик местом сражения указывает долину в пяти милях от Москвы, а предводителями сражающихся, с одной стороны, называет царя Алексея Михайловича, а с другой – самого Разина. Безусловно, и командование противоборствующими армиями главных лиц – царя Алексея Михайловича и Степана Разина, и указание на близость от столицы говорят о желании придать повествованию больше драматизма и подчеркнуть, что речь идет о решающем сражении войны. Его местом автор письма называет обширную долину *Wariaschal* (похоже на «Вершины»), с каждой стороны которой «возвышаются величественные, туч достигающие горы»¹. Это слово можно трактовать как воспроизведение англичанином названия села Вершинино. Что же касается «величественных гор», то, вероятно, анонимный фактор имел в виду, что бой проходил в правобережной, «горной» части Нижегородчины, приняв название «горная сторона» буквально. Другой топоним, приведенный рассказчиком, *Wrackoza* («(М)Ураскоза»), уже вполне соответствует названию самого села Мурашкина.

По свидетельству фактора, в этом «величайшем на памяти человечества» сражении была разбита стотысячная армия повстанцев¹. Причем разинцев, по его словам, было на 20 000 всадников и пехотинцев (и тех, и других. – *Авт.*) больше, чем правительственных солдат, численность которых оценивалась в 18 тысяч всадников и 36 тысяч пехотинцев¹. Известно, что многие средневековые авторы преувеличивали количество войск, участвовавших в сражениях. Возможно, не стал исключением и наш фактор. Сведения современников о численности армии повстанцев были самыми противоречивыми. В Европе численность армии Разина оценивали и в 30 000 «хорошо обученных солдат, которых хорошо оплачивают и кормят», и в 120 000 человек, и даже в 150 000¹.

Попробуем уточнить эти оценки. По местным преданиям отряды повстанцев насчитывали порядка 15–20 тысяч человек, при этом они были вооружены артиллерией¹⁷. Историк Н.Н. Фирсов указывает, что после взятия Макарьевского Желтоводского монастыря в отряде атамана Осипова собралось «около 12 000 человек из разных народностей края. Тут были и русские крестьяне, и мордва, и черемисы»¹¹.

С.М. Соловьев сообщает, что войско Осипова насчитывало «тысяч пятнадцать народа, мордвы, черемис и русских». Однако после взятия Макарьевского монастыря «к Осипову в Мурашкино нахлынули новые толпы татар, мордвы и чуваш»⁵. Н.Ф. Ржига, в свою очередь, приводит свидетельство, что под стенами Желтоводского монастыря «воры, казаки, лысковцы и мурашкинцы и со изменники иных волостей, собравшиеся силою мною тысяч за 15, конные и пешие»⁸. Отсюда мы можем заключить, что на поле боя под селом Мурашкино разинские атаманы вывели порядка 20 тысяч человек.

Исходя из количества армии восставших в 15–20 тысяч человек, мы можем допустить, что царские отряды насчитывали такое же или несколько меньшее число солдат, и, таким образом, на поле близ села Мурашкино сошлось в сражении порядка 30–45 тысяч с обеих сторон.

Много это или мало для XVII века? Для сравнения напомним, что в самых крупных битвах Тридцатилетней войны число сражавшихся редко превышало эту цифру. Готовясь в 1654 году к большой войне с Речью Посполитой, Алексей Михайлович «Тишайший», по самым завышенным оценкам, снарядил в Москве 42 000 человек. А на заключительном этапе этой войны численность русской армии не превышала 30 тысяч человек. В крупнейшей же битве этой войны, происходившей в августе 1660 года на Волыни, русские войска насчитывали 40 тысяч человек, против которых действовало союзное польско-татарское войско численностью 35 тысяч бойцов¹⁸. **Сражение под Мурашкином было крупнейшим событием той эпохи.**

Сражение началось с уверенного натиска восставших, которые едва не опрокинули правительственную армию. Бунтовщиков, однако, основательно «пощипала» артиллерия, а дело довершил обход и удар в тыл восставшим правительственных войск. При этом фактор отмечает ожесточение, с которым билась и та и другая сторона, говоря, что «эти армии сражались врукопашную, а некоторые полки совсем перемешались между собой». Только к четырем часам дня «генерал Долгоруков полностью овладел равниной на четыре мили вглубь позиции бунтовщиков»¹. Здесь же фактор упоминает и о втором дне битвы, который А.Г. Маньков посчитал отдельным сражением под Лысковом.

Анонимный информатор не отделяет одно сражение от другого, прямо утверждая, что «на следующий день генерал (Долгорукий – *Авт.*) преследовал их шестнадцать миль, настиг и полностью разгромил, увенчав победу захватом главного бунтовщика Разина»¹. Правительственные войска потеряли в этом сражении пять знамен: три конных войск и два пехотных, а восставшие – тринадцать¹.

Иоганн Марций, написавший диссертацию о разинском восстании, в своём труде уделил сражению под Мурашкином особое внимание. Он указывал, что первоначальный натиск повстанцев едва не решил исход битвы¹. С.М. Соловьев записал, что восставшие применили обманный маневр с притворным отступлением, заманивая государевых людей под свои пушки⁵. И этот маневр на первых порах, очевидно, принес свои плоды, но исход битвы решило качественное превосходство правительственной армии. В московской армии служило очень много иностранных наемников. Нет, сама армия, безусловно, состояла из русских. Она была собрана из дворян и служилых людей северных русских городов, которые в данном случае составляли опору романовского трона. Не случайно царский приказ от 1 августа 1670 года гласил: «И вы бы стольники и стряпчие, и дворяне московские и жильцы, памятуя Господа Бога <...> и святую апостольскую церковь, и нашего великого государя крестное целование, и свою породу, и службы и кровь <...> и свои прародительские чести, нам, великому государю, <...> и за все Московское государство <...> служили бы со всяким усердием». В армии Долгорукова были собраны дворяне из 40 городов северной половины Руси¹⁵. Однако среди этого, без преувеличения сказать, дворянского ополчения особняком стояли командиры подразделений и рейтарская конница, на вербованные целиком из иностранцев. Они играли очень серьезную роль в романовской армии. Причем организация полков нового строя – регулярных подразделений, в которых все командирские должности занимали иностранные наемники, началась еще в 30-х годах XVII века.

Иностранцы-наемники принимали участие в русско-польских войнах 1632–1634 и 1654–1667 гг. Путешественник Адам Олеарий писал про царя Алексея Михайловича: «Войны, которые он ведёт, стоят ему больших денег, так как ему приходится выступать в поход с многочисленным войском и содержать на большом жалованье

немецких по преимуществу офицеров»³. Можно сказать, что наемники-европейцы составляли костяк царского войска и в сражении под Мурашкином сполна отработали свое жалованье. Следует добавить, что восставшие хорошо понимали важную роль иностранцев в правительственной войске и всех попавших в плен иноземных наемников, как правило, казнили⁴. Марций прямо указывает, что в этом бою «очень отличились немцы; русским (солдатам Долгорукова – *Авт.*) пришлось бы уйти с поля боя (они уже начали отходить), но немецкая конница подоспела к ним на помощь, и, врезавшись в самую гущу мятежников, смешала их ряды и обратила в бегство. Число убитых было огромно, и всех попавших в плен перебили»¹. Об этом определяющем ударе говорит и анонимный фактор, когда упоминает обход восставших с тыла. Он сообщает, что «офицеры немецкие заслужили одобрение его величества за умелое командование своими людьми»¹. Характерно, что по приказу Долгорукова пленных, взятых в этом сражении, казнили прямо на поле боя¹⁵, что противоречило тогдашним правилам ведения войн. Это говорит об особом ожесточении карателей и о том, что к противнику те относились как к мятежникам, на которых не распространяются законы военного времени.

Восставшие покинули поле боя и на следующий день перегруппировались вблизи Лыскова. Поражение под Мурашкином еще не было для них катастрофой. Впрочем, Марций прямо пишет, что под Лысковом в бой вступило «уже не столько войско, сколько беспорядочная толпа, страшная только своим отчаянием»¹. Видимо, здесь и погибли неизвестные нам предводители восставших (Марций говорит, что под Лысковом «пали лучшие силы мятежников»¹).

Сообщения о потерях сторон весьма противоречивы. Если фактор перечисляет только количество потерянных знамен, то Марций пишет об огромном количестве погибших. С.М. Соловьев пишет, что победителям досталось 18 знамен, 21 пушка и 61 пленник. А.Н. Сахаров говорит о 21 пушке, 880 ядрах, мушкетах и порохе, отнятых у повстанцев¹⁵. Что касается потерь правительственных войск, то у С.М. Соловьева сказано о 2 убитых и 48 раненых⁵. Здесь мы можем допустить, что историк приводил списки потерь после первого боя князя Щербатова с повстанцами, состоявшегося 6 октября, так как

количество приводимых им потерь с той и другой стороны весьма невелико и характерно для небольшого столкновения. Впрочем, потери правительственной армии могли быть и занижены в донесениях, так как писались людьми заинтересованными. Вообще, ко всему, что мы знаем о восстании из государственных документов, следует относиться даже осторожнее, чем к свидетельствам современников-иностранцев. В.И. Буганов, в частности, писал: «Большинство документов вышло из правительственного лагеря. <...> Отсюда их тенденциозность в освещении фактов, их замалчивание, прямая ложь»⁴.

На определенные размышления наталкивает описание расправы над пленными, состоявшейся после окончательного разгрома восставших. Марций пишет: «Тех, кто попался живым в руки победителей, ожидали в наказание за государственную измену жесточайшие муки: одни пригвождены были к кресту, другие посажены на кол, многих подцепил за ребра багор – так бесстыдно они погибли. Но никого не наказывали строже, чем пленных казаков мордвинов»¹. Н.Н. Фирсов пишет, что после одного из боев карателей с мордвой мордву эту, пытавшуюся укрыться в своих деревнях, сожгли вместе с деревнями¹. Особая отвага мордовских воинов была связана с тем, что они защищали свои селения.

В мятежном Мурашкине расправа продолжилась. В народных преданиях сохранились сведения об огромном количестве казненных: «Ворвался Щербатов со своими людьми в Мурашкино, завладел всем селом и учинил над народом расправу жестокою. Вздрыбились среди улиц виселицы зловещие, полилась на плахах кровь невинная. В этих местах рассказывали, что осенью той страшной было казнено в Мурашкине около двух тысяч человек. Погибло бы и больше, да спасли многих дубрава и овраг глубокий. Туда, как в надежное укрытие, бежали разинцы и местные жители. Бежали да и спрятались крепко-накрепко от царских слуг. И получился на занятой войском князя Щербатова земле вроде как остров вольных людей. С той далекой поры и пошло название оврага того глубокого – Остров Разина»⁹.

Селение было разгромлено. Из Лыскова и Мурашкина «разбежалась значительная часть взрослого населения. Кроме того, 151 двор пашенных крестьян и 71 дворовое тяговое место были «выжжены в приход великого государя ратных людей». В Мурашкине были казнены 228

человек и с голоду умерло 29 человек. Лавки, амбары и полки пожжены без остатка». Сгорели все кузницы, «а у тех кузниц кузнецы побиты и померли, а многие бежали безвестно». В документах, относящихся к Мурашкину, то и дело встречаются сообщения: «место пустое», «за бунтовство казнен смертью», «от ратных людей убит под Мурашкином», «бежал с воровскими казаками», «кормитца в мире», «живет в яме» и т.д. На этом репрессии не окончились. Например, после переписи 1672 года у мурашкинских крестьян реквизируют 184 головы скота, оставив им 155 голов, то есть меньше половины¹⁶. Богатый торговый город, а Мурашкино тогда считалось городом, был практически уничтожен.

Жителям Лыскова повезло больше. Они сдались, покаяться и свалили вину на мурашкинцев¹⁵. Кроме того, «лысковский подьячий со многими посацкими людьми» поймали 64 беглеца из числа повстанцев и выдали их властям¹. По другим данным, лысковцы выдали 30 мятежников¹. При этом существует документ, согласно которому лысковцы, не дождавшись прихода царских воевод, «тех воров за их воровство велели казнить смертью: отсечь головы, а иных повесить, а иным отсечь руки и ноги и туловища повесить, а 3 человек посадить на колья, а 16 человек биты кнутом и отсечено по пальцу»¹⁵. Разумеется, здесь нельзя говорить о всех лысковцах. И сдавала город разинцам, и предавала разинцев торгово-феодалная верхушка Лыскова, главной целью которой было стремление подорвать торговое значение своего конкурента – Макарьевского Желтоводского монастыря¹⁶.

Но самое любопытное, что лысковские жители выдали властям того самого родственника Разина – или племянника, или, по другим сведениям, двоюродного брата¹⁰, в котором мы предполагаем Нечай-царевича. Таким образом, мнимый царевич оказался в руках карателей. Он был доставлен в Москву и после допросов и пыток казнен. Голландский дипломат Кунрад ван Кленк писал: «После обеда мы выехали в санях, чтобы видеть голову и четвертованные останки трупа Стеньки Разина <...> а также голову молодого человека, которого Стенька Разин выдавал за старшего царевича, или сына царя: этот последний, по прибытии сюда, также был казнен, а голова его была выставлена на показ»¹⁰. Казненный Нечай-царевич не был Андреем Черкасским, который «получил прощение от великого государя, ибо принуждаем был силой выда-

вать себя за высокую особу». Прощенный отрок жил в Москве, в доме князя Якова Черкасского.

После разгрома повстанческой армии царские полководцы отправились к Нижнему Новгороду. Нижегородский летописец сообщает, что «окольниковый князь Константин Осипович Щербатов» после того, как разгромил «главные притоны разинцев» в селениях Мурашкине и Лыскове, пришёл «в Нижний ликующим победителем; здесь он, однако, пробыл недолго и отправился снова в Нижегородский уезд, в Березопольский стан, разыскивать остальных разинцев и окончательно уничтожил их скопища»¹⁹. С.М. Соловьев сообщает, что 28 октября воеводы-победители пришли в Нижний Новгород и остановились здесь на три дня для расправы. «В нижегородских жителях была к воровству шатость; воеводы этих воров перехватывали и велели казнить смертию: повесить около города по воротам; иным отсечь головы, других четвертовать в городе»⁵.

Так закончилась крестьянская война под предводительством Разина в Нижегородском крае.

Список литературы

1. Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1968.
2. Флетчер Дж. О государстве Русском. М., 2002.
3. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003.
4. Буганов В.И. Разин и разинцы. Документы, описание современников. М., 1995.
5. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 3. Т. XI. СПб., 1861.
6. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов Сост. Е.А. Швецова. Т. II. Ч. 1. М., 1957.
7. Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. М., 1994.
8. Ржига Н.Ф. Разиновщина и Раскол // Нижегородский краеведческий сборник. Н. Новгород, 1924. Т. I.

9. Остров Разина / Нижегородские предания и легенды / Сост. В.Н. Морохин. Горький. 1971.

10. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. Рязань, 2008.

11. Фирсов Н.Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. М.-Л., 1927.

12. Осипов Максим (атаман). URL: <https://yandex.ru/turbo/google-info.org/s/4922857/1/o..>

13. Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М., 1988.

14. Никитин Н.И. Разинское движение: взгляд из XXI в. М., 2017.

15. Сахаров А.Н. Степан Разин (Хроника XVII века). М., 1973.

16. Томсинский С.Г. Разиновщина // Крестьянские движения в феодально-крепостной России. М., 1932.

17. Стенькин остров // Народные сказания / Сост. Н.В. Морохин. 2010. С. 145.

18. Тарас А.Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв. М., Минск, 2006.

19. Гациский А. Нижегородский летописец. Н. Новгород, 2001. С. 635.

А.В. Мальшев

ПАТРИАРХ НИКОН И ВОССТАНИЕ РАЗИНА

Патриарх Никон – одна из самых масштабных и трагических фигур своего времени. Для Руси он в период своего возвышения был сродни кардиналу Ришелье для Франции. Как и «красный кардинал», Никон имел свою гвардию – патриарших стрельцов, а в период всеобщего действия Соборного Уложения 1649 года за ним, как за удельным князем, сохранялось его собственное «домовое вотчинное правило». В церковных делах влияние Никона даже превосходило полномочия могущественного французского кардинала. Например, патриарх сво-

ей властью судил и запрещал епископов. Он имел свой двор, тюрьму и нередко исполнял обязанности, сходные с обязанностями Ришелье как государственного секретаря и главы правительства Франции. Никон был крупнейшим феодалом тогдашней России: от Москвы во все стороны света на сотни верст простирались патриаршие земли, и число домовых хозяйств в вотчинах патриарха достигало 25 тысяч.

Процессы, инициированные патриархом, вывернули жизнь русского общества наизнанку. Исправление церковных книг и обрядов вызвало небывалый раскол, разделивший общество на гонимых – старообрядцев и гонителей – никониан. Противостояние между ними стало нервом русской истории. Обладая широчайшим умом и организаторскими способностями, Никон начал обновление русской веры, приводя ее в соответствие с канонами вселенской церкви, в которой уравнивалось служение Богу и государю. На реке Истре под Москвой патриарх начал строить точную копию Библейского Иерусалима – Новый Иерусалим, давая окрестным селам названия новозаветных селений. Этим он как бы отменял Старый Иерусалим – место, где убили Христа, и возводил Новый Святой Град – новую столицу православия. Эти устремления Никона полностью разделял царь. Именно по его указу Воскресенский монастырь был назван Новым Иерусалимом. Замысел Никона был воистину космическим – сделать Русь новой Землей обетованной. Осуществляя замысел, Никон не только смирял и наказывал, но и проводил большую просветительскую работу. Он собрал богатейшую библиотеку, устраивал училища, открывал типографии, собирал вокруг себя ученых людей, способных стать апологетами новой православной культуры, которая должна была сделать Москву подлинным третьим Римом. Свою миссию он ставил наравне с миссией православного царя.

Алексей Михайлович хорошо понимал, с какой личностью свела его судьба. Скромный и набожный, царь не отличался телесным здоровьем. Никон же, напротив, был богатырем от рождения, он буквально дышал здоровьем. Его саккос весил четыре пуда, омофор около полутора пудов. Никон служил в них и ходил в далекие крестные ходы. Казалось, в лице Алексея Михайловича и Никона встретились дряхлеющая Московия, замкнутая в междуречье Волги и Оки, и могучая бескрайняя Евразия, которая должна была своими животворя-

щами соками напитать ее щедедушное тело. До самой смерти царь благоволил Никону, несмотря на ожесточённое отношение к нему придворных, до самой смерти искал возможности примирения с опальным патриархом. Греческие священники, находившиеся в Москве, называли Никона вторым Златоустом. Даже в период суда над Никонем царь ночью, тайком от бояр, посещал патриарха. Будучи в ссылке, Никон получал от царя деньги и дорогие подарки и не терял надежды на возвращение до тех пор, пока настоятель Ферапонтова монастыря не донес царю на контакты Никона с донскими казаками.

Патриарх Никон был незаурядной личностью, он имел влияние на царя, любил Алексея Михайловича и искренне считал, что православный царь в делах духовных так же подвластен своему патриарху, как и простые смертные. Его тезис о том, что «священство выше царства», нельзя объяснять каким-то особенным властолюбием Никона, а лишь осознанием того, что через патриарха вершится воля Бога, действует Провидение. Неслучайно царь настоял на принятии Никонем титула великого государя, который до него носил только патриарх Филарет, да и то по праву отца царя Михаила Романова. Ношение подобного титула потом вменяли Никону в вину его недруги. Но он, несомненно, и не вкладывал в этот титул того значения, какое он имел для царя. Никон полагал себя великим государем царства духовного, считая себя «самым первым рабом Божьим». Примат этого духовного царства над царством земным для него был непреложным. Тем не менее, в мирской жизни употребление Никонем титула «государь» свидетельствовало о двоевластии на Руси. Неслучайно С.М. Соловьев писал: «Тон грамот Никона прямо указывал на двоевластие».

Строя новую идеологию, Никон, сам потомок вчерашних язычников, сделался яростным гонителем язычества. Для православных же он был образцом служения Богу, ревностно соблюдал все предписания своей религии, жестко требуя того же от подчиненных и приближенных. Во время своего послушания на Соловках будущий патриарх, кроме общего келейного правила, ежедневно прочитывал всю Псалтырь и клал по тысяче земных поклонов. Будучи патриархом, питался простой пищей вместе с другими монахами, носил простую одежду, участвовал наравне со всеми в строительстве и заготовке продовольствия для нужд братии. Во время постов «проводил жесточайшую жизнь» в отшель-

ничестве, творил молитву со многими поклонами, уделяя сну не более трёх часов в сутки. Подвижничество Никона ещё больше привязывало набожного царя к патриарху, что, разумеется, не нравилось сановным феодалам и другим придворным. Немало противников нашел Никон и среди церковных иерархов, которые, кто по недовольству преобразованиями, а кто и просто из зависти, ненавидели патриарха. Популярность Никона и его неограниченная власть привели к тому, что ярый враг патриарха Иван Неронов упрекал царя, говоря: «Государевы царевы власти уже не слышать на Москве, а от Никона всем страх, и его посланники пуще царских всем страшны». Другие противники Никона шли ещё дальше и твердили царю, «что великий государь патриарх не довольствуется в равенстве власти с великим государем царем, но стремится превысить его; вступается во всякие царственные дела и в градские суды, памяти указные в Приказы от себя посылает».

Злые наветы сделали своё дело, и в 1658 году Никон подвергся опале, его сослали в отдаленный монастырь, а собранный в 1666 году церковный собор объявил патриарха низложенным. В силу своего характера Никон не мог смириться с отлучением от власти и искал способы отомстить придворным лизоблюдам. В этом смысле его не могли не заинтересовать цели и задачи разинцев, восставших в 1667 году.

Степана Разина интересовал Никон. Местом встречи Разина и Никона, возможно, стал знаменитый Соловецкий монастырь. В 1652 году Степан Тимофеевич ходил туда на богомолье. Никон же, будучи тогда Новгородским митрополитом, по поручению царя ходил на Соловки за мощами московского митрополита Филиппа. Никона сопровождали боярин, дьяк и честные дворяне, а также паломники, которые по обету шли на Соловки. Кто знает, не в числе ли этих паломников шел на Соловки и Разин? Контакт будущего патриарха и донского атамана мог вполне состояться во время первого паломничества Разина.

По утверждению историка казачества Е. Савельева, другая возможная встреча Разина и Никона случилась в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима. Сам Никон указывал, что казаки приходили к нему, предлагая, «если захочешь, то мы тебя по-прежнему на патриаршество посадим, сберем вольницу боярских людей».

Савельев также писал, что Разин заезжал к Никону, когда тот был в ссылке в Белозерье, и убеждал узника бежать с ним. Это могло

произойти во время второго паломничества Разина в 1662 году на Соловки. С.М. Соловьев приводит слова ссыльного патриарха о том, что приходили к нему казаки: «Федька да Евтюшка, а третьего позабыл, как звали, которые были прежде на службе с князем Юрием Долгоруковым, сказались, будто они идут Богу молиться в Соловецкий монастырь, а они не богомольцы <...> звали меня с собою». Никон, по его словам, им отказал, «от воровства унял», и «они пропали неведомо куда». Имя третьего казака Никон забыл, но нельзя забывать, что Разин в свое время был на службе у Юрия Долгорукова.

И уже в 1668 году, непосредственно перед началом восстания, в Ферапонтов монастырь к ссыльному Никону приходили казаки, гонцы Разина, и предлагали принять их сторону. То есть контакты Никона с казаками продолжались в течение довольно длительного времени. Не прекратились они и в ходе восстания. Схваченный Степан Разин на допросе «со многих пыток и с огня сказал: приезжал к нему под Симбирск старец от него, Никона, и говорил ему, чтоб он шел вверх Волгою, а он, Никон, со своей стороны пойдет для того, что ему тошно от бояр. <...> А сказывал де ему тот старец, что у Никона есть готовых людей с пять тысяч человек на Белоозере».

Мы допускаем, что Никон и Разин были знакомы задолго до восстания. Но кто из них был ведущим, а кто ведомым?

Патриарх после разлада с царем понял, что его мечты рушатся. Вера в свою богоизбранность, однако, не позволяла упрямому Никону отказаться от задуманного. Все попытки Алексея Михайловича к примирению ссыльный патриарх отвергал. Более того, посланник Никона говорил царскому чиновнику, что «Никон-патриарх на царя гневается». Никон беспокоился, что изменники хотят царя «очаровать», или уже «очаровали», и предупреждал государя о будущем «разорении козацком». Именно в этот момент опальный патриарх и мог вспомнить о знакомом донском казаке, с помощью которого он может смирить царя, а если не получится, то и сменить.

Никона не могла также не заинтересовать новость, что Разин имел при себе самозванца, отрока 16 лет, и выдавал его за умершего сына царя – Алексея Алексеевича. Мнимый царевич был одним из «знамен» восстания. Но точно так же Разин в целях агитации мог использовать и имя патриарха Никона. Ряд своих воззваний

к народу атаман писал от имени великого государя. Имя государя в них не называлось. Но в этот период на Руси так именовались только два человека – царь и Никон. Не подразумевался ли в этих документах патриарх Никон? К тому же казаки говорили пленным стрельцам: «Вы бьетесь за изменников, а не за государя, а мы бьемся за государя». Так не за великого ли государя Никона шли на смерть восставшие?

Источники сообщают, что духовником Разина был некий черный поп Феодосий, «ходивший с кинжалом и посвященный в замыслы своего духовного сына. Он был полезен Разину и как проницательный сыщик, и как охранитель». В. Буганов в комментариях к допросам разинцев пишет: «Интересно, что чёрный поп Феодосий, отец духовный Степана Разина, в свое время был у Никона в Воскресенском монастыре в дьяконах. Феодосий был связующим звеном между Никоном и Разиным, патриаршими «глазами и ушами» при атамане.

Судя по документам, Никон был для восставших знаковой фигурой. Восставшие имели портрет Никона как образ духовного руководителя и надеялись, что он вскоре присоединится к ним. Причастность низложенного патриарха к их общему делу вдохновляла восставших. Из допросов казаков выяснилось, что они всячески восхваляли Никона и желали его видеть снова патриархом.

Любое вооруженное выступление стоит больших денег. Вооружение, экипировку, фураж и пропитание одним грабежом добыть невозможно. А ведь по сведениям иностранцев армия Разина насчитывала 30 тысяч хорошо обученных солдат, которых сытно кормили и которым хорошо платили. О том же говорят и русские документы: не только агитационная работа, но и снабжение и денежное довольствие в армии восставших были налажены. Разумеется, после персидских походов Разин мог себе позволить снарядить крупный военный отряд. Однако не стоит забывать, что вся добыча, взятая в казацких походах, немедленно делилась между участниками. Доля атамана, какой бы огромной она ни была, все-таки не могла покрыть расходов на содержание целой армии. Да и отряды восставших, действовавшие в Нижегородском Поволжье и в Заволжье, были оторваны от Разина и не могли бы воспользоваться финансовой помощью

атамана, даже если таковая и была бы. А вот Никон, на протяжении своей патриаршей деятельности имевший доступ к неограниченным финансовым ресурсам, вполне мог себе позволить такую армию содержать. Тем более что у него имелся опыт организации патриарших стрельцов. Через руки патриарха проходили колоссальные суммы, и вполне реально предположить, что свои накопления он внес на содержание разинского войска.

Согласно жизнеописанию патриарха именная серебряная печать («надпись») с текстом о страданиях Никона «за слово Божие и за Церковь» была изготовлена для Никона после его ухода с патриаршего престола и увезена им в ссылку. Но потом оттиски этой печати обнаружались на воззваниях Разина к «черни». Иоанн Шушерин, автор жизнеописания Никона, написал, что «надпись» у Никона похитили. Но так ли было на самом деле?

Сам ход восстания указывает на то, что им руководил не один Разин. Судите сами: после разгрома верховного атамана под Симбирском и его бегства на Дон восстание в междуречье Оки, Волги и Суры разгорелось еще сильнее. После этого произошли и самые крупные сражения крестьянской войны. Стоит также учесть, что Разин призывал на помощь в Симбирск атаманов, действовавших в Нижегородском Поволжье, но не все откликнулись на этот призыв. Вообще складывается впечатление, что повстанцами, действовавшими на территории Волго-Окско-Сурского междуречья, руководил кто-то другой, а не Разин, и руководил очень умело. Не зря историк С.Г. Томсинский утверждал: «Когда присматриваешься к карте движения красных (разинских. – *Авт.*) войск, то поражаешься их правильным действиям. Такое расположение действующих армий требует знания местности, хорошо поставленной разведки, связи и знания противника». Пока Разин собирал новые силы на Дону, атаманы М. Харитонов, Л. Федоров, А. Боляев и другие вели в бой многотысячные армии, имевшие артиллерию и другие признаки регулярного войска. Причем составлены эти армии были не из донских казаков, а из местных инородцев – мордвы, марийцев, татар, чувашей, а также русских крестьян.

Патриарх Никон, бывший уроженцем Нижегородского уезда, связь с малой родиной в ссылке не терял. Его постоянно посещали

родственники из Курмыша на Суре. Курмыш был первой ставкой разинского воеводы Максима Осипова. Сюда Осипов привел Нечай-царевича – родственника Степана Разина, отсюда восстание распространилось на Лысково и Мурашкино, которые находятся в непосредственной близости от Вельдеманова – родного села Никона. Может, еще и поэтому они, населенные мордвой – соплеменниками ссыльного патриарха, вскоре стали центрами восстания в крае. Документы свидетельствуют, что нижегородская мордва сопротивлялась правительственным войскам с неистовой отвагой, а потому и каралась ими особо жестоко.

После поражения восстания Никон находился под подозрением, но сумел избежать ответственности. Он не отрицал, что восставшие пытались с ним связаться, но наотрез отказался от обвинений в соучастии с ними, про которое говорили допрошенные повстанцы. Своё предупреждение о «разорении козацком» Никон теперь уже выдавал за «прозорливость». Известно, что в отношении родственника назначенного Разиным «царевича» – князя Черкасского следствие было тщательным, допросы вел сам царь. Но нет ничего, что бы говорило о таком же тщательном следствии в отношении Никона. Впрочем, в 1671 году условия проживания Никона в ссылке были ужесточены. Была усилена охрана кельи, по дорогам к монастырю были расставлены караулы.

Алексей Михайлович испытывал глубокую благодарность к Никону за благодеяния, оказанные патриархом царской семье. На Соборе 1669 года, когда Никона лишали сана, царь прилюдно поклялся, что даже мысли не допустит о казни Никона. Царская клятва дорогого стоит, и не исключено, что еще и поэтому расследование в отношении низложенного патриарха было спущено на тормозах. К тому же, вероятно, Разиным была уничтожена или спрятана переписка со ссыльным патриархом, что не позволило впрямую обвинить Никона. Только после смерти Алексея Михайловича, на Священном соборе 1676 года, противники Никона предъявили ему обвинения в государственной измене, но прямые подтверждения тому так и не были найдены.

Ни слова об участии в восстании Никона не было сказано и в обвинительном приговоре Разину. Формулировка следствия об ис-

пользовании восставшими имени патриарха выказывала его скорее жертвой. Несмотря на явные следы участия Никона в деле восстания, начиная с 1672 г. и до смерти царя 30 января 1676 г. режим заключения низложенного патриарха был облегченным. В этом и в неоднократных щедрых царских милостях, во внимании к просьбам Никона мы видим следствие расположения царя к своему «собинному другу», которого и в ссылке, после всех событий разинского бунта, он называл «святым и великим отцом».

Никон же к тому времени был психологически надломлен. Некогда патриарх могущественной церкви ссорился с монахами, писал на них доносы и обвинял их в напускании ему в келью чертей. Царь терпеливо принимал все его жалобы и успокаивал, посылая подарки и деньги. Под конец жизни Никон стал лечить людей, в келью к нему набивалось немало страждущих исцеления, отовсюду стекались больные. Федор Алексеевич, сын царя, вернул ему звание патриарха. Последний покой Никон обрел в своем любимом детище – Новом Иерусалиме.

Список литературы

1. Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976.
2. Буганов В.И. Разин и разинцы. Документы, описание современников. М., 1995.
3. Дело о патриархе Никоне: издание Археографической комиссии по документам Синодальной библиотеки. СПб., 1897.
4. Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост. А.Н. Робинсон. М., 1991.
5. Иностранные известия о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1975.
6. Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха Московского и всея России. М., 1997.
7. Исторический архив / Под ред. Б.Д. Грекова. М.-Л., 1936. Т. I.
8. Казаков Г.М., Майер И. Иностранные известия о казни Степана Разина. Новые документы из Стокгольмского архива // Slovene. 2017. № 2. С. 210–243.

9. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992. Т. 2.
10. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. III.
11. Крупняков А.С. Есть на Волге утёс. Йошкар-Ола, 1983.
12. Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003.
13. Прелестные грамоты С.Т. Разина. URL: <https://studref.com/707091/istoria/prelestnye>
14. Ржига Н.Ф. Разиновщина и Раскол // Нижегородский краеведческий сборник. Н. Новгород, 1924. Т. I. С. 115–136.
15. Розыск о убиении Астраханского митрополита Иосифа общниками Разина // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. IV. № 226.
16. Сахаров А.Н. Степан Разин (Хроника XVII века). М., 1973.
17. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2002.
18. Севастьянова С.К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003.
19. Соловецкое восстание. URL: <https://ru-wikipedia-org>.
20. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VI. Т. 11–12.
21. Томсинский С.Г. Разинщина // Крестьянские движения в феодально-крепостной России. М., 1932. С. 72–163.
22. Фирсов Н.Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. М.-Л., 1927.

ПАМЯТЬ РОДА

М.А. Федоткин

МОИ КОРНИ – В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ (из книги «Траектории судьбы»)

К сожалению, даже о своих родителях я знаю очень мало, не говоря уже о более дальней родне. Как большое число людей, я почти не проявлял интереса к истории моих предков. И вот теперь, когда мне уже семьдесят лет, захотелось хотя бы немного рассказать своим детям, внуку, внучкам, моим ученикам и друзьям о моем родовом гнезде.

В четырехстах верстах к югу от Москвы черноземные поля и луга издревле кормили Центральную Русь хлебом, овощами, фруктами и мясом. Это родина моих предков из крестьян, расположенная в 40–50 километрах от знаменитых Куликова поля, Ясной Поляны, села Константинова (родины С. Есенина). Мой отец Федоткин Андрей Артемьевич (1902–1941) и мать Федоткина (Артёмова) Ксения Прокофьевна (1905–1987) были зажиточными крестьянами в деревне Тужилки Рязанской губернии.

Отец закончил четыре класса церковно-приходской школы в селе Барятино, а мать не умела ни читать, ни писать. В 1930 году единоличное крестьянское хозяйство семьи было раскулачено, и отец без семьи был отправлен по этапу в Сибирь. Так как семья не использовала наёмный труд и имела четверых малолетних детей, то после публикации статьи Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» отец вернулся через месяц. Но к тому времени в нашем доме открыли первую начальную школу, где дети могли пройти первые четыре класса. Из-за этого наша семья вынуждена была поселиться на новом месте, в соседней деревне Киселёвке, в землянке, которая находилась на месте брошенного деревянного дома в четырёх километрах от нашей прежней усадьбы.

Киселёвка с небольшим прудом и двумя колодцами до 1917 года была летней барской усадьбой одного из помещиков Рязанской губернии. В тридцатые годы на ее территории проживало около двадцати беднейших крестьянских семей. К этому времени колодцы обвалились, и единственным источником воды был пруд, в котором крестьянки стирали белье, а летом купались. Сюда же приходило на водопой и деревенское стадо из коров, овец и коз. Летом пруд кишел головастиками и лягушками, но из него пили воду. Поэтому немало детей умирало от инфекций. Киселевка перестала существовать в 1970 году, но в ней никогда не было электричества и газа. Материальный и культурный уровень жизни крестьян был очень низким, книг не было, отмечали только церковные праздники, в том числе и престольный праздник Михайлов день; на Рождество дети ходили по домам и славили Христа. Крестьянские избы освещались мерцающим светом от плетеного горящего фитиля, помещенного в металлическую емкость с керосином.

С большим трудом семью отца приняли в колхоз, и она получила в надел прямоугольный приусадебный участок размером около шестидесяти соток. По периметру участка отец посадил 140 березок и декоративный быстрорастущий тополь, а вокруг деревьев посеял и укрепил грибницу. Поэтому в нашей семье всегда были свои грибы и березовый сок. Часть приусадебного участка отец оставил для будущей избы, палисадника, подвала, сада и огорода.

В колхозе отец работал учетчиком с 1931 года по 10 июля 1941 года. В 1939 году в деревне Киселёвке он построил пятистенную кирпичную избу с небольшими, в метре от земли, окошками, с высокой соломенной крышей, с земляным полом, с русской, отапливаемой соломой, печью, с подворьем для скота и каменным подвалом.

Русская печь включает кутник и полати – спальные места для всей семьи из 12 человек и углубление для помещения зимой ягнят, телят и кур. Перед окнами избы было помещение, где летом спали; немного дальше располагались палисадник и большой прямоугольный стол, за которым вся семья ужинала в теплое время года. В палисаднике росли кусты лиловой и белой сирени. В каменном подвале хранили молоко, масло, творог, фрукты, овощи и другие припасы. Он был глубиной около трех метров и располагался по-

зади палисадника. Спускались в подвал по пологим ступенькам, а внутри он был выложен луговым плиточным камнем. Подвал имел вытяжной канал для вентиляции и одновременно для загрузки его овощами осенью. Он плотно закрывался, поэтому в нем была практически постоянная температура около 5°C. В начале каждой весны продуктовые запасы, которые остались после зимы, переносили в летний небольшой погреб под избой. После этого мама чистила подвал и проветривала. Отец построил его так, что весной грунтовые чистые воды по специальным жилам заполняли его почти полностью. Этой ключевой воды при её экономном расходовании (специальном, только для питья) семье хватало до середины сентября. Я думаю, что эта ключевая вода позволила единственной из нашей деревни семье сохранить всех семерых детей, особенно во время и после войны. Осенью подвал снова готовили к зиме. Так как печь топили соломой, то на приусадебном участке семейной бани не было. Изба располагалась на окраине деревни. Поэтому туалетом служило простое углубление в земле на заброшенном поле.

Так за девять лет с 1930 по 1939 год отец второй раз в своей жизни заново построил небедное крестьянское хозяйство, в котором были корова, телята, овцы, ягнята, свиньи и куры. Иметь лошадей и пасеку не разрешалось. В избе этой, уже колхозной, усадьбы я и появился на божий свет первого мая 1941 года. Мама родила меня на колхозном поле, пуповину отделила бабка-повитуха косой для срезания травы, и эта метка от косы осталась у меня на всю жизнь.

Чтобы получить начальное образование, я ходил в Тужилки. Мама говорила, что перед самой войной стало жить немного лучше по сравнению с временем до 1930 года, когда семья занималась единоличным хозяйством. Мой отец погиб на фронте 26 октября 1941 года. Его дети – Алексей, Николай, Ольга, Василий (в крещении Александр), Анна, Сергей и Михаил – росли уже без отца. Старшему Алексею тогда было 16 лет, а младшему мне – пять месяцев.

Семья Федоткиных

Потеря кормильца стала страшной трагедией для семьи. Когда я был ребенком, то говорил, что мой отец был или белый, или красный. Я думал, что это цвет моего отца. Так меня, скорее всего, научила говорить моя добрая мать. Только став взрослым, я понял, что его раскулачили, и, значит, он – белый, а если погиб на войне, то значит – красный.

Теперь все заботы о семье из одиннадцати человек (семеро детей, две мои очень старенькие бабушки и больная сестра отца) легли на 36-летнюю маму. Чтобы не урезали приусадебный участок, с которого кормилась вся семья, она должна была работать в колхозе за двоих и ежедневно выполнять двойной трудодень. За выработанные трудодни до 1952 года ничего не платили. Более того, налоги за приусадебный участок, которые были в 1941–1952 годах самые большие в Черноземье по сравнению с другими районами страны, семья платила молоком, шерстью, мясом и куриными яйцами. В некоторых семьях

Киселёвки в самые трудные 1941–1948 годы от голода часто умирали и взрослые, и дети. Я впервые узнал вкус конфет-леденцов и белого хлеба только в девятилетнем возрасте (1950 г.), когда к нам в гости приехала из Москвы сестра мамы Мария.

В детстве я любил собирать ягоды, дикie фруkты и овощи на разоренной барской усадьбе в Киселёвке. Я и теперь, не имея дачи и машины, заготавливаю на зиму берёзовый сок, малину, чернику, голубику, бруснику, клюкву и грибы: добираюсь на электричке, автобусе и пешком до лесов деревни Бараниха Семёновского района.

Когда мама получила известие о гибели папы, то за месяц волосы на её голове стали белыми и выпали зубы. А в начале 1942 года на фронт призвали её старшего сына – Алексея. Он вернулся в 1944 году по инвалидности, после трех тяжелых ранений в живот и в ноги. Война все-таки догнала его, и он умер от последствий ранений в Москве, когда ему было всего 54 года.

Мама была трудолюбивой и глубоко верующей женщиной. В переднем углу обеденной комнаты нашей избы была божница с иконами, лампадкой, родительским благословением и вербами. Всех своих детей она тайно крестила, и они знали много молитв. Я и сейчас помню некоторые из них. Так как я появился перед войной, то меня крестили заочно. Поэтому мама, которая по воле судьбы последние семь лет своей жизни жила у меня, перед смертью настоятельно попросила о моем праведном крещении. Она говорила, чтобы я снял с неё этот грех. Меня вновь крестил 8 августа 2001 года протоиерей Евгений (Варварский) в храме Живоначальной Троицы (Высоково). Мама научила нас упорному труду, доброте и всегда говорила, что всё надо прощать и всем Бог судья. Мама любила всякую живность. У нас в семье всегда были собаки, кошки, домашние хомячки. На деревьях приусадебного участка были скворечники и большое число гнёзд грачей – до семи на каждой берёзке. К удивлению жителей деревни, птицы никогда не наносили вреда урожаю нашего приусадебного участка. Эта любовь к животным и птицам передалась и мне, моей дочери, внуку и внучкам. У дочери сейчас в квартире живет собака (голдэн ретривер) Грета и кошка Кристи.

В разные времена с 1967 по 2011 год у меня в квартире жили собаки, аквариумные рыбки, ёжики, хомячки, ужи, певчие птицы и

кошки. За это время у меня было три спаниеля, и я их натаскивал на Борских лугах так, что они были хорошими помощниками на охоте. Ради моих спаниелей я стал активным охотником. Правда, я не смог убить ни одной птицы и ни одного зверя по причине религиозного воспитания в детстве, хотя мои друзья-охотники каждый раз пытались меня обратить в свою веру. На весенней охоте я отвечал за приготовление еды и сбор березового сока, а на осенней – ещё за ягоды и грибы. Естественно, отвечал и за питьевой спирт, чтобы его хватило на весь пятидневный период охоты на севере Нижегородской области. Как правило, спирт от наших охотников я прятал в лесу – иначе они его одолели бы за сутки. Мои способности повара и хозяйственника, мои спаниели всегда высоко ценились, поэтому меня с удовольствием брали на охоту. К сожалению, на одной весенней охоте, когда спали в палатке на снегу, я застудил спину. На этом закончились мои занятия охотой.

Я и Вася на Волжском откосе

Держать спаниелей, лишая их охотничьих радостей, я не мог. Тогда завел и в течение 16 лет воспитывал кота Васю, используя опыт содержания собак. Месячного четырёхцветного котёнка, который был помесью бирманской камышово́й кошки и сиамского кота, мне подарила моя ученица Е.В. Кувыкина. Он гулял на ошейнике, как собака, все свои надобности справлял только на улице и, естественно, закапывал; плавал на Гребном канале на Волге, по команде подавал лапку и выполнял простейшие собачьи команды.

Так как последние восемь лет я живу один (у детей – свои семьи: дочери 40 лет, сыну 50 лет, внуку 25 лет), то в командировку кота я часто

брал с собой. Так что он летал на самолете, ездил на поезде, а жил со мной в гостиницах. Этого кота знали многие жители Нижнего Новго-

рода: я посещал с ним филармонию, он любил слушать классическую музыку, но не любил аплодисменты.

Каждый член нашей семьи имел свои обязанности. Я вспоминаю, что весной, летом и осенью в девятилетнем возрасте обязан был приносить ведрами воду из пруда, расположенного за 200 метров от нашей избы. В мои обязанности в этом возрасте также входило: рвать руками свежую траву для кормления коровы при вечерней дойке, иначе она могла отдать не всё молоко; собирать и сушить на луговом выгоне отходы и навоз от стада коров для топки русской печи и лежанки; ловить в лугах и лощинах на окраинах колхозных зерновых полей сусликов для кормления поросят и выделывания из них меховых шкурок. Стоимость каждой шкурки суслика была 50–60 копеек в ценах 1950 года. На вырученные от продажи шкурок деньги мама покупала для меня на ближайшем (за 20 километров) базаре в рабочем поселке городского типа Куркино школьные принадлежности, одежду и обувь.

Особую роль для крестьян нашей деревни играл барский пруд, глубина которого не превышала двух метров. Старшие братья ловили в пруду карасей с помощью плетеных из лозы верш с двойным дном. Летом в нем купались, а зимой катались на коньках. Коньки делали из лозинок. О том, что такое настоящие коньки, я впервые узнал только в одиннадцать лет.

В 1952 году я с отличием окончил начальную школу в Киселёвке. Во втором классе однажды зимой возвращался из школы во время приземленной пурги и заблудился. Мама нашла меня спящим в сугробе на колхозном поле в четырёх километрах от избы. Я сильно отморозил правую руку – следы обморожения можно увидеть и сейчас. Это первый случай, когда я был на краю гибели. Мировая статистика показывает, что в жизни каждого человека бывает три-четыре опасных испытания. За 70 лет я пережил четыре.

В этой школе был директор Иван Иванович и один учитель – Анна Михайловна – вторая для меня мама. Анна Михайловна в одной комнате одновременно проводила занятия с учениками первого – четвертого классов по всем предметам. Учебников и книг для чтения не было, и ученики всё должны были запоминать. Тетради появились только в третьем классе. Дети писали на серой бумаге и на газетах.

Первые учебники (один для четырех детей) появились в 1950 году, когда я окончил два класса. Анна Михайловна давала почитать свои истёртые книги отличникам. Директор жил в школе и был фактически хозяйственником, отвечал за обеспечение школы, за порядок и дисциплину. Он часто и грубо наказывал провинившихся учеников. Самое строгое наказание директора заключалось в том, что он отводил ученика в свой тёмный свинарник и закрывал его там до конца занятий. Пребывание с поросятами в темноте и их зловонный запах приводили в смирение любого забияку.

В селе Авдулово, расположенном в шести километрах от Киселёвки, находилась школа-семилетка. В этом же селе жила родная сестра мамы, поэтому старшие дети зимой жили там и к 1952 году получили семилетнее образование. Чтобы и младшие дети могли получить среднее образование, моя мама Ксения Прокофьевна в июле 1952 года переехала жить в рабочий поселок городского типа Куркино (Тульская область).

В нашем доме в Куркино у меня были собака, кошка, ежик и около пяти голубей, чёрных тульских турманов. При этом голуби никогда не содержались в клетке. Они жили во дворе мирно вместе с курами. Дрессировка каждого голубя этой породы заключается в закрытии перед полетом одного из глаз и в фиксировании двух перьев противоположного крыла. Через несколько недель чёрные тульские турманы летают стаями большими кругами, и довольно высоко, совершая в полёте кувырки вниз с последующим стремительным подъёмом, превращаясь в видимую точку. Голуби так привыкали ко мне, что часто летели за мной, когда я возвращался из школы.

В первом своём диктанте в пятом классе Куркинской средней школы я сделал так много ошибок, что учительница по русскому языку заставила меня наизусть учить орфографический словарь Д.Н. Ушакова. Весной 1953 года старший брат Алексей поехал на грузовой машине в карьер за песком по дороге, выложенной булыжником. Я находился в открытом кузове, а брат – в кабине. На одном из поворотов дороги за пять километров от карьера меня выбросило из кузова. Брат и водитель обнаружили это только у самого карьера. Пять дней в районной больнице Куркино я проле-

жал в коматозном состоянии – это был второй случай, когда я находился на грани жизни и смерти. Два месяца в больнице залечивали мои травмы. На правом колене навсегда остались отметины.

В 1955 году Алексей, Ольга, Александр и Сергей уже жили в Москве, а Николай и Анна – в городе Александрове Владимирской области. Туда к Николаю переехала жить наша мать. Я вынужден был жить на съёмной квартире в Куркине, чтобы закончить 8–10-й классы. При этом по негласной договоренности с директором Куркинской школы с июня по сентябрь в 1955–1957 годах я работал в совхозе помощником шофёра грузовой машины.

За погибшего на войне отца мне платили 12 рублей. Таким способом я мог продолжать учиться и закончил в 1958 году Куркинскую среднюю школу с серебряной медалью. После неудачной попытки поступить на механико-математический факультет Московского государственного университета я с июля по ноябрь 1958 года работал на стройке Александровского железнодорожного узла в городе Александрове. Жил в женском общежитии, так как свободных мест в мужском общежитии не было. В комнате было четыре железные кровати. Моя была отделена от других полотняной черной занавеской. Мне было очень неуютно в окружении взрослых женщин.

В ноябре 1958 года я поступил на физико-математический факультет Горьковского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского...

Студент Горьковского университета. 1 декабря 1958 г.

Владимир Ерофеев

ИВАН ДА МАРЬЯ

Семейные предания

Иван родился в 1922 году в Рождественский сочельник в Большом Нестололичном Городе. Детство его прошло в деревянном частном доме в окружении нянюшек, многочисленных престарелых тетушек, степени родства которых никто толком не знал, и, разумеется, в окружении любящих, заботливых родителей. У него была младшая сестра и старший брат.

Брат, родной только по отцу, был старше Ивана на двадцать лет и был почти ровесником его матери. Брат был моряком дальнего плавания, служил на ледоколе «Красин», участвовал в спасении экспедиции генерала Умберто Нобиле, воспетой позднее в знаменитом советско-итальянском фильме «Красная палатка». В доме находилась фотография: экипаж ледокола вместе со спасенной экспедицией. Позднее брат станет капитаном дальнего плавания, а в Великую Отечественную будет водить через Атлантику суда, груженные «вторым фронтом».

Брат рано осиротел. Отец был столь активным участником первой русской революции, что в 1907 году был осужден на каторжные работы и последующее вечное поселение в Сибирь. Закованный в кандалы, он этапом прошел по Большой Владимирке. Мать старшего брата – благовоспитанная барышня из хорошей семьи, ощущая себя декабристкой, оставила малолетнее чадо на попечение своих родителей и отправилась за мужем. В первую же сибирскую зиму она умерла от воспаления легких и была похоронена в Новониколаевске (ныне Новосибирск).

Через десять лет каторжанина освободила Февральская революция. Отец вернулся домой и занялся обустройством своего хозяйства. Участия в Октябрьской революции и Гражданской войне он не принимал, а когда партия большевиков объявила новую экономическую политику и призвала к обогащению, он сделался нэп-

маном и стал обогашаться. Отец держал извоз, состоящий из многочисленных единиц гужевого транспорта как легкового, так и грузового назначения. Сейчас бы сказали, что он владел автопарком и фирмой по грузоперевозкам.

Иван-да-Марья (Марьянник дубравный) считается антидемонической травой

Когда отец повторно женился, гостей на свадьбу возили на личном транспорте жениха.

Через десять лет отцовский извоз захирел. Сменилась политика партии и правительства, отвернувшихся от частника, и, кроме того, в Большом Нестолычском Городе построили автозавод-гигант, продукция которого вскоре вытеснила лошадок из таксопарков. Многочисленные подковы, которые легко было найти и в доме, и во дворе, и в саду, по-прежнему приносили семье счастье, но уже не приносили благополучия. Но ветеран революции и опытный менеджер, отец оказался востребованным и на социалистическом предприятии. Он устроился заместителем директора льнопрядильной фабрики, сооруженной еще столетие назад.

Отец хотел, чтобы его младший сын стал инженером и работал на автозаводе. А сын подрастал смышленным и, невзирая на огромное количество воспитательниц, был очень самостоятельным. Естественные науки и спорт в равной степени были его стихиями. Но когда назрел вопрос: «Кем быть?» – чаша весов качнулась в сторону спорта. Победа на престижном соревновании по гимнастике привела Ивана, к разочарованию отца, в физкультурный техникум при спортивном обществе «Локомотив». Техникумы тогда готовили спортсменов-универсалов. Иван был и лыжником, и конькобежцем, и пловцом, и боксером, и прыгуном с трамплина. Многие всемирно знаменитые

потом хоккеисты по зимам играли против него в командах соперников, и они же летом противостояли ему на футбольных полях.

Одним из таких друзей-соперников был Всеволод Бобров. Они встретятся через много лет на хоккейном стадионе в Большом Нестолычном Городе, куда Бобров, многократный чемпион и тренер чемпионов, привезет свою команду, а Иван придет поболеть за команду местных автозаводцев. Они обнимутся при огромном стеченье народа – к изумлению и хоккеистов, и болельщиков.

Был Иван спортсменом-универсалом, но наибольшие успехи он имел в спортивной гимнастике. К восемнадцати годам он был и мастером спорта, и обладателем нескольких медалей разного достоинства. А потом его арестовали, осудили по 58-й статье на десять лет лагерей и отправили на реку Печору.

* * *

Мария родилась 6 февраля 1923 года в селе, что в 150 километрах от Большого Нестолычного Города. Село располагалось на четырех улицах и включало в себя более 500 дворов, но еще за четверть века до рождения Марии оно именовалось деревней, поскольку не имело церкви. Был монастырь неподалеку, но церкви непосредственно в этом населенном пункте не было. Некогда владел деревней Аполлос Мусин-Пушкин – внук незаконнорожденного сына царя Алексея Михайловича. Его деда Петр Первый признавал своим братом. Владел деревней горнозаводчик П.А. Демидов. Владел Александр Зубов, один из сыновей которого, Платон, сделался фаворитом Екатерины Второй и, по версии В. Пикуля, отравил своего соперника Григория Потемкина. Другой сын, Николай, стал зятем генералиссимуса Суворова, сосватав его дочь Наталью – знаменитую «Суворочку». Внучка Суворова Вера Мезенцева (шестая дочь Натальи) получила поместье по завещанию бабушки Зубовой. Но с начала XIX века помещики владели уже не всей деревней, а только большей ее частью – майоратом. Часть земель была выкуплена в государеву казну, и переселены были туда 13 семей ставропольских казаков. Так в деревне, наряду с крепостными крестьянами, появились вольные переселенцы. Однажды

высказали казаки возмущение против ставропольских властей. При разбирательстве царский наместник выяснил, что правда была на стороне казаков, поэтому наказаны смутьяны не были. Но доверять им и в дальнейшем защиту государственных рубежей он не решился. Отписал об этом наместник государю, а тот распорядился переселить казаков в центральную губернию России. От тех казаков и происходили предки Марии.

Дед Марии был инициатором строительства церкви. Сам жертвовал деньги, собирал пожертвования. Был открыт счет для перечисления средств. Проживавшая в Большом Нестолычском Городе престарелая генеральша, построившая в свое время храм на свои средства и отдельные пожертвования, взялась активно помогать. Она свела деда Марии со знаменитым тогда фотографом-художником. Тот сфотографировал деда в образе старца, обратившего взгляд в небо и держащего в руках подписные листы. Фотография называлась «На храм Божий». В типографии с нее были отпечатаны открытки, которые продавались на Ярмарке в Большом Нестолычском Городе, а средства шли на строительство. Открытка стоила полкопейки, но съезжалось в ярмарочный сезон до полумиллиона человек, так что проект деда имел успех.

Храм Иоанна Богослова. Настоятель храма и автор статьи у могилы деда Марии

Когда средства были собраны, дед нашел архитектора, согласовал проект в высоких церковных инстанциях, а потом сам руководил строительством. Высокие церковные инстанции предложили несколько вариантов престольных праздников для названия нового прихода. Те праздники, которые отмечались летом, дед сразу отвел: летом крестьянин работать должен. Выбрал он 9 октября – день Ио-

анна Богослова. Построенный храм освятили в 1899 году как церковь Иоанна Богослова. Под церковным престолом по ходатайству мирян и по благословению митрополита установили плиту, надпись на которой гласила, что храм был сооружен стараниями деда Марии. В том же году открылась в селе церковно-приходская школа. Первым учителем в ней стал местный священник.

Дед умер в 1923 году, через несколько недель после рождения Марии. Больному деду показали внучку, он поцеловал ее и перекрестил. Деда похоронили в церковной ограде, и стал храм памятником над его могилой.

Мария была четвертым ребенком в семье. Старшие: сестра (1910 г.), брат (1911 г.), сестра (1913 г.) родились в Российской Империи, еще до великих потрясений. Мария, ее младший брат (1925 г.) и младшая сестра (1930 г.) родились в Советском Союзе.

В 1914 году отец Марии был призван в действующую армию рядовым бойцом. За отличия в боях он был награжден четырьмя георгиевскими крестами, произведен в офицеры. В составе экспедиционного корпуса отправился во Францию для защиты ее от немецкой оккупации. Он был одним из тех, о ком писал маршал Фош: «Если Франция и не была стерта с карты Европы, то в первую очередь благодаря мужеству русских солдат». Его сослуживцем при «выполнении интернационального долга» оказался молоденький солдатик Родион Малиновский, по слухам, незаконный сын графа фон Гейдена, будущий маршал Советского Союза и министр обороны. В Гражданскую войну отец – уже командир Красной Армии. Он участвовал в боях против войск адмирала Колчака. В отставку вышел в 1922 году. Получал персональную пенсию и работал счетоводом в конторе. О себе говорил: «Был военным, когда была война».

Отец воевал в Красной Армии, а в это самое время потомки генеральши, помогавшей деду в строительстве храма, бежали от красных из Большого Нестолычского Города. Перед тем, как обосноваться в Париже, семья несколько месяцев скрывалась в доме деда. Превратности Гражданской войны... Нет в такой войне победителей и побежденных – общая это трагедия. И надо признать, вопреки учебникам, что в России сперва началась Гражданская война, а потом из-за этого произошла революция. А не наоборот.

Мария хорошо училась и в школе, и в педагогическом училище (в райцентре), куда потом поступила. Была она активной комсомолкой: организовывала демонстрации, праздники, концерты, участвовала в самодеятельности. Она нравилась мальчишкам. Влюбились в нее два друга-одноклассника, став друзьями-соперниками. Она не отдавала ни одному из них предпочтения, держа обоих на расстоянии. Это задевало мальчишек страшно, каждый старался перед ней отличиться. Явились они однажды к ней в педучилище и сообщили, что будут завтра из-за нее стреляться на дуэли.

– Из рогаток будете палить? – поинтересовалась Мария.

– Обижаете! – возразили друзья-соперники и предъявили ей на обозрение пару старинных дуэльных пистолетов.

– Где вы их взяли?

– В музее одолжили.

– Идиоты! – воскликнула Мария. – Жизни вашей ничто не угрожает. Эти пистолеты лет сто, как свое отстреляли. Но свобода ваша под угрозой. Посадят вас, идиотов, за кражу. Идите и сейчас же верните пистолеты в музей!

– Вернем, – согласились соперники. – Послезавтра. А завтра поутру – дуэль.

Мальчишки серьезно подготовились, изучили устройство старинных пистолетов. И хотя один пистолет дал во время дуэли осечку, второй выстрелил. Пуля попала в дерево, служившее барьером, пройдя в нескольких сантиметрах от головы одного из дуэлянтов. На следующий день дуэлянтов арестовали за кражу музейных экспонатов. Ребятам грозил тюремный срок. А еще через несколько дней началась Великая Отечественная война. Мальчишкам продиктовали заявления о том, что они хотят пойти на фронт добровольцами, и отправили воевать. Стал один из них пехотинцем, а второй – танкистом.

К сорок второму году на фронт из бывших одноклассников Марии были мобилизованы все мальчишки, призвали в армию и двух девушек – Марию и ее лучшую подругу. Обе они были направлены в школу радистов в Большой Нестолычский Город. Потом судьба разбросала подруг по разным фронтам.

* * *

Война шла уже второй год, немцы успели побывать под Москвой и теперь рвались к Сталинграду. А Иван валил лес, постигая азы лагерного выживания: «Не верь – не бойся – не проси», – и мало что знал о происходящем на свете. Однажды в лагерь приехал какой-то чин. Он объявил построеным заключенным, что Сталин дает им возможность кровью искупить в бою свою вину перед социалистическим Отечеством. Те, кто выбирает фронт, должны были сделать шаг вперед, а те, кто выбирает лагерь, – остаться в строю. Иван вышел из строя.

Их везли эшелонам, как он говорил потом, «с милого севера в сторону южную». Везли под конвоем. Были они вроде бы уже не зеки, но еще и не солдаты. Вычисляя маршрут по косвенным приметам, понял Иван, что не минует эшелон его родного города, а там наверняка будет продолжительная остановка. И он задумал предерзкое. По прибытии эшелона в Большой Нестоличный Город совершил Иван побег, непойманным появился дома, обнялся с родителями, которые около двух лет не имели от сына вестей, сказал, что едет на фронт. И, что самое удивительное, непойманным вернулся в вагон и проследовал эшелонам дальше. Как такое могло произойти? Осталось загадкой. Были, вероятно, у него сообщники среди конвоиров.

Иван участвовал в Сталинградской битве. Сначала воевал в штрафном батальоне, потом в обычной воинской части. В звании сержанта командовал стрелковым взводом, затем в звании старшего сержанта исполнял обязанности командира роты. Рота, правда, по численности личного состава на тот момент была уже меньше взвода.

Существенную долю бойцов роты составляла среднеазиатская диаспора. Им воевалось особенно тяжело, не вписывались они со своим особым декханским укладом в реалии происходящего. При тайном ночном продвижении колонны могли вдруг устроить переключку. Могли, загрузившись арбузами, оставить на привале противотанковое ружье – рук на все не хватает! Могли рассуждать о несправедливости: почему большая винтовка дается на одного человека, а маленький котелок – на двоих? Могли сказать: «Ты, командир, у нас совсем дурак! Какая «За Родину»? Какая «Ура»? Обстрел – не видишь? Нога летит, рука летит – не видишь? Прятаться надо».

Так и поднимал Иван эту дремучую частицу советского воинства в атаку: кого матюгом, кого зуботычиной, кого передергиванием затвора.

Бывала и другая крайность: если кого-то подстрелят, то все землячество сбивается в кучу и оплакивает убитого. На обстрел внимания не обращают. Если кучу вовремя не разогнать, то следующий снаряд накроет всех.

Непростые были у командира с бойцами взаимоотношения. Но когда Ивана, раненного осколком в живот, отправляли в медсанбат, вся восточная диаспора вышла проводить и долго шла за носилками.

* * *

В составе отдельной роты связи Мария воевала на Волховском и Ленинградском фронтах. Она дежурила на радиостанции, принимала и отправляла радиogramмы, передавала их шифровальщикам. Это происходило под огнем противника. У нее была опасная работа, но на войне у всех опасная работа. Когда ее труд посчитали подвигом и наградили орденом Красной Звезды, она очень удивилась.

23 февраля 1943 года, в день 25-летия Красной Армии, над позициями в районе поселка Синявино Ленинградской области шел воздушный бой. Бой видели все, но связисты знали, что этот бой особенный – его вел Григорий Пантелеевич Кравченко. Всенародный любимец, летчик-ас, тридцатилетний генерал-лейтенант Кравченко был единственным, вступившим в войну в звании дважды Героя Советского Союза. Это звание, введенное перед самой войной для присвоения за особые заслуги, означало «Герой Героев». В сорок третьем году об этом еще помнили, потом забыли, а если бы помнили, то ощущали бы, что звание «трижды Герой» звучит странно, а обожаемое маршалами и вождями звание «четырежды Герой» звучит несуразно.

Мария, как и многие другие, наблюдала за воздушным боем. Зрелище завораживало, оно напоминало парад в День ВВС. Ей казалось, что она видит лицо Кравченко – знакомое по портретам лицо красавца-героя с белозубой улыбкой. Но это был не парад.

Машина генерала, атакованная двумя мессерами, загорелась и рухнула на землю. Генерал погиб.

* * *

Ранение было тяжелым, но Иван выжил, получил медаль «За отвагу», которой очень гордился, был произведен в младшие лейтенанты, вернулся в строй. Его ждала новая «работа» – перевели Ивана в разведку. И здесь он тоже изрядно отличился. Во время Курско-Орловской операции развернулись тяжелые бои за город К. – мощный железнодорожный узел. Несколько наших стрелковых дивизий бились за него. Разведка (Иван и несколько его товарищей) добыла важные сведения о противнике, позволившие родной дивизии выбрать правильное направление главного удара и овладеть городом. Полковник – командир дивизии доложил о выполнении поставленной задачи и подал представление о награждении наиболее отличившихся бойцов, а разведчиков представил к присвоению звания Героя Советского Союза. Но вдруг выяснилось, что другой полковник – командир соседней дивизии, едва лишь выдвинувшейся в сторону города К., уже отрапортовал о взятии города. И какой этот рапорт имел резонанс! Дивизия стала гвардейской, стала именоваться К-вской, полковника произвели в генералы.

Поехал полковник к генералу отношения выяснять, и закончилось это выяснение тем, что стрелял полковник в генерала из личного оружия. Попасть не дали, скрутили полковника, но переполоху он наделал. Стали разбираться. Полковник в награду за то, что именно он взял город К., остался без наказания, генералу-гвардейцу командующий армией перестал подавать руку. Тому бы и застрелиться от позора, но нет, остался живехонек! Дивизии разбросали по фронту, не могли они больше воевать как соседние. Отличившихся бойцов, упомянутых в наградном списке, отметили менее значимыми орденами и медалями. Герои-разведчики, например, вместо Золотых Звезд получили ордена Отечественной войны второй степени.

Иван же и вовсе считался награжденным посмертно...

* * *

Мария и на фронте участвовала в самодеятельности. Пьеса «Анютины глазки», в которой она исполняла главную роль, пользовалась большой популярностью. Фотография сцены из этого спектакля даже попала во фронтовую газету. Это была комедия про любовь и про войну.

О том, что на фронте вправду бывает любовь и даже разворачиваются военно-полевые романы, Мария узнала позднее из художественной литературы, из лейтенантской прозы, кажется.

Намного позднее узнала она и про многократно воспетые «боевые сто грамм». Никто никогда ей эти граммы не выдавал, и даже не предлагал. Выпивку на фронте она вообще видела лишь дважды: первый раз, когда пришла весть об освобождении Киева – матери городов русских, и второй раз, когда поминали командира роты – пятидесятилетнего капитана, радиста-профессионала, погибшего при артобстреле. Уже после похорон капитана бойцы нашли на месте его гибели вставную челюсть и долго вели бестолковые дебаты: считать ли находку фрагментом тела командира и хоронить ее вдогонку или считать личной вещью и присовокупить ее к вещам, отсылаемым семье погибшего.

* * *

Иван не вернулся из разведки. Вернувшиеся видели, как все остальные разведчики были убиты. Пошли домой похоронки.

Но Иван был только ранен (пуля пробила бок) и попал в плен. Немцы подлечили его и отправили в лагерь. Из-под города К., что в Черноземье, угодил он в Эстонию. И опять школа выживания: «Не верь – не бойся – не проси!»

Однажды немцы отобрали десятка два пленных, велели им раздеться догола и построиться. Идет вдоль строя здоровенный пожилой эстонец, мускулатуру изучает, выявляя телесные изъяны. Прошел строй, потом вернулся и остановился около Ивана. Позвал немца, сказал ему что-то, похоже, товар попросил упаковать. Немец закивал

головой. Потом объяснил Ивану, что это его новый хозяин и что отдан он ему в рабство. Отдан или продан? Этого Иван так и не узнал.

Перевезли Ивана из лагеря на хутор. Милость эстонцу от немцев вышла за то, что его старший сын служил унтер-офицером в эстонском формировании немецкой армии.

Научил эстонец Ивана косить, обрабатывать землю и выпустил на свои поля. Был эстонец прагматиком, знал, что раб его должен быть сыт и здоров. Ел Иван за общим столом, спал в своем чулане, остальное время работал. Впрочем, и господин, и семья его трудились наравне с ним, рабом. Крепкое хозяйство нераскулаченного крестьянина было у эстонца.

Неподалеку, на соседнем хуторе, обосновался русский белоэмигрант, бывший офицер. Заезжал он иногда к эстонцу, а, узнав об Иване, стал заезжать чаще – по-русски поговорить. Была и еще одна причина таких посещений. Следил беляк за обстановкой на фронте, следил профессионально – на картах флажки расставлял, анализировал. Втянул он и Ивана в такой анализ. Радовались они оба успехам Советской Армии, хотя судьба каждого из них после победы была не очень предсказуемой. Эстонец держал нейтралитет.

На выходные приезжал на хутор старший сын хозяина, тоже здоровенный, похожий на отца. Этот унтер не на фронте был, а где-то неподалеку при штабе околачивался.

Приехал он как-то раз с приятелем-немцем. Выпили. Стали в стрельбе состязаться. Ивана в состязание втянули. Понял Иван, что ему нужно промахиваться. Немец первое место занял, эстонец – второе, а Иван – последнее. Немец потешался – плохой русский солдат. Потом взял он прут малиновый, второй эстонцу-сыну дал, и стали они Ивана стегать в наказание за плохую стрельбу.

Когда гости ушли, старший эстонец просил у Ивана прощения за сына, просил войти в положение и не помнить зла. А Иван, когда остался один, вынимал из-под кожи малиновые колючки и плакал от обиды и бессилья.

Однажды приехал эстонец-сын среди ночи, весь дом переполошил. Заперлись они с отцом в горнице, обсуждали что-то, спорили. Прислушался Иван, разговор о нем шел. Жил он на хуторе к тому времени около года, эстонский язык хорошо понимал, и говорить неплохо.

хо научился. Говорил сын о том, что немцы отступают, что он уйдет вместе с ними и что получил приказ застрелить Ивана. Относительно последнего сюжета и шел у них спор: нравственно или безнравственно выполнять такой приказ.

Не стал Иван дожидаться, чем спор закончится, разоружил он унтер-офицера, отконвоировал всех хозяев в подвал, запер их там и ушел в партизаны. Завел он в своем лице партизанский отряд, единственный, наверное, на всю округу. Так и партизанил до прихода своих. А когда пришла Советская Армия, не заспешил Иван с ней воссоединяться, а решил выждать, осмотреться, разведать обстановку.

В городок, самый большой населенный пункт хуторской округи, приехала фронтовая бригада артистов. Дали концерт для солдат и местного населения. Иван, хоть и зарекался не попадаться нашим лишний раз на глаза, пришел на концерт под видом местного жителя. И вдруг его узнала бывшая одноклассница – ассистентка фронтовой бригады. Бросилась на шею – Ивана-то погибшим считали, а тут такое счастье!

Иван по-эстонски лопочет, мол, ошиблась, гражданочка. Та начинает подыгрывать, но поздно. Все увидели те, кому по службе положено все видеть. Задержали Ивана для выяснения личности. Три месяца просидел он под следствием, но потом выпустили, дали довоевать. Звездочки лейтенантские остались, правда, в следственном изоляторе. Отправили Ивана на фронт рядовым бойцом. Дошел он с боями до Восточной Пруссии, там был ранен пулей под коленную чашечку навывлет.

Госпиталь. Демобилизация. Возвращение домой, где его ждало затянувшееся на десятилетие поражение в правах.

* * *

В январе 1944 года, а это было время, когда наши войска перешли в наступление, в ходе которого удалось полностью снять блокаду Ленинграда, Мария была тяжело ранена. Она дежурила на радиостанции, вражеский снаряд разорвался за ее спиной. Четыре ранения: в позвоночник, в шею, дважды – в плечо. Ее положили вниз лицом на

плащ-палатку и понесли в медсанбат. Брезент не пропускал кровь, и Мария захлебывалась ею. Мелькнула мысль: «Неужели так и утону в собственной крови?!» Потом она потеряла сознание. Врачи определили ее состояние как безнадежное. Две раны из четырех несовместимы с жизнью. Положили Марию в палату умирать.

Икона «Воскресение Христово»

В середине тридцатых годов церковь, сооруженную стараниями деда Марии, закрыли, переоборудовав в зернохранилище. Большие иконы селяне поместили в одной теплой кладовой и выносили их при молебнах, например, в засуху. Иконы меньших размеров разобрали по домам. Несколько церковных икон было в доме Марии. Это были и иконы, написанные специально для церкви Иоанна Богослова, и старинные (намоленные) иконы, которые присылали в новый храм из других церквей и монастырей. Когда Мария уходила на фронт, отец и мать благословили ее одной из этих икон. Икона называлась «Воскресение Христово» и изображала Иисуса, восставшего из гроба.

Именно этот сюжет привиделся Марии, лежащей в палате для умирающих. Все было как на иконе, только Христос и ангелы были в человеческий рост. Потом картина ожила. Иисус отделился от ангелов, оставшихся на месте, и направился в сторону Марии, лежащей на кровати. Мария заметила, что он не ступает ногами по полу, а парит на высоте полуметра. Иисус приблизился к кровати, остановился в ногах, протянул руку и жестом заставил Марию подняться. Он не касался ее руки, но к руке Марии была приложена сила, которая тянула ее вперед. Голова Марии приподнялась над подушкой, затем спина приподнялась над кроватью. Медленно тело Марии переходило в сидячее положение. Казалось, еще одно мгновение – и Мария, ведомая Иисусом, сядет на кровати, но вдруг резкая боль

В середине тридцатых годов церковь, сооруженную стараниями деда Марии, закрыли, переоборудовав в зернохранилище. Большие иконы селяне поместили в одной теплой кладовой и выносили их при молебнах, например, в засуху. Иконы меньших размеров разобрали по домам. Несколько церковных икон было в доме Марии. Это были и иконы, написанные специально для церкви Иоанна Богослова, и старинные (намоленные) иконы, которые присылали в новый храм из других церквей и монастырей. Когда Мария уходила на фронт, отец и мать благословили ее одной из этих икон. Икона называлась «Воскресение Христово» и изображала Иисуса, восставшего из гроба.

пронзила все тело. Мария громко вскрикнула и открыла глаза. К ней вернулось сознание.

У ее кровати стояло несколько человек в белых халатах: врач (он делал обход, и внезапный крик Марии, вместо обычного постанывания, привлек его внимание), медсестры, санитары.

– Какое сегодня число? – шепотом спросила Мария.

– Шестое февраля, – ответили ей.

– Мой день рождения. Я родилась сегодня, – прошептала Мария.

– Да, – согласился врач, – похоже, ты действительно сегодня родилась. Родилась во второй раз!

Больше Мария не теряла сознания. Кризис миновал. Мария медленно пошла на поправку.

* * *

Работал Иван истопником, сторожем, а чаще всего грузчиком, сезонным рабочим. Было каждодневное ожидание ареста и твердое убеждение, что арестовать он себя не даст. Хранил Иван на этот случай пистолет и был готов вступить в последний бой. Когда времена изменятся, Иван перестанет ухаживать за оружием, а потом и вовсе забудет о нем.

Пистолет попадется ему на глаза, когда будут ремонтировать подгнивший от старости деревянный частный дом. Подержит он в руках непригодное уже к употреблению, грозное некогда оружие. И с легкой душой бросит его в сливную яму.

* * *

После госпиталя Марии дали инвалидность и демобилизовали. Из воевавших она оказалась единственным членом семьи, вернувшимся с фронта живым. В 1942 году погиб старший брат – тридцатилетний солдат, оставивший без отца трех маленьких дочек; в 1944 году погиб младший брат – девятнадцатилетний лейтенант. Погиб под Сталинградом в 1942 году муж старшей сестры. А еще в боях за город Будапешт погибла лучшая подруга Марии, радистка

танкового корпуса. Девушку нашли на поле боя с расколотой пополам головой и радиограммой в руке. Посмертно ее наградили орденом.

Через много лет о ее гибели однополчане расскажут «Красным следопытам», те проведут митинг, потом будут публикации в газетах, а потом в родном селе лучшей подруге Марии поставят памятник и назовут ее именем сельскую школу.

Младшей сестре Марии вдруг станет обидно за свою старшую сестру:

– Вас было двое. И воевали вы одинаково. А почести ей одной!

– Посмертные почести, – поправит ее Мария. – Разная у нас с подругой доля: я живой осталась, а она погибла. Я радуюсь, что ее помнят.

Мария работала учительницей в своей родной школе. Через год она добилась снятия инвалидности:

– Мне судьбу свою надо устраивать, а кто инвалида замуж возьмет?!

«Железный» аргумент подействовал на врачебную комиссию. Сколько Марии потом в собесе недоплатят рублей, когда проиндексируют пенсии инвалидов и участников Отечественной войны!

Вскоре Мария вышла замуж. В отпуск в родное село приехал ее одноклассник, один из дуэлянтов – танкист (второй дуэлянт, пехотинец, погиб на фронте). Войну он закончил сержантом, получил направление в танковое училище и был теперь курсантом. Молодой человек сделал предложение, девушка ответила согласием. Сыграли свадьбу.

Молодожены сняли комнату в Большом Несталичном Городе. Мария перешла на работу в городскую школу. В съемной квартире жена жила на постоянной основе, а муж приходил по выходным, а еще когда убегал из училища в самоволку. Это продолжалось в течение учебного года, весной муж получил лейтенантские погоны и направление в Германию для прохождения службы в оккупационных войсках.

Мария увольнялась с работы, готовилась к отъезду. Однако в Германию муж поехал один. Внезапно появился приказ министра обороны, временно запрещающий прибытие жен офицеров оккупационных войск к месту прохождения службы мужей. Жены нашего

комсостава, не обученные светским манерам, порою вели себя в Европе диковато, это и раньше приводило к разного рода курьезам. Но непосредственно перед выходом приказа случился скандал: некоторые из вновь прибывших жен, перепутав верхнее с исподним, явились в театр в ночных рубашках.

Мария забрала заявление об уходе. Работала в школе, ждала отмены злополучного приказа. Но отменять приказ руководство вооруженных сил не торопилось. Начальство предпочло запретить, а не организовать какие-нибудь курсы для офицерских жен, отъезжающих в Германию. А зря. Не так уж бестолковы были советские женщины, чтобы не понять и не суметь научиться.

Потом приказ отменили, но Мария узнала, что у мужа, пишущего ей нежные письма, к этому времени образовалась в Германии другая семья, и даже родился ребенок.

Мария написала мужу письмо, пожелала ему успехов в боевой и политической подготовке и счастья в личной жизни. Обратный адрес на конверте она зачеркнула жирным крестом.

Мария перевернула эту страницу своей биографии. Она с головой погрузилась в работу без выходных и отпусков: вела занятия в школе, руководила драматическим кружком (пригодился опыт фронтовой самодеятельности), в летние месяцы работала начальником пионерского лагеря. Каждую весну Мария формировала летнюю бригаду – принимала на работу воспитателей, пионерских вожатых, врачей, медсестер, поваров, посудомоек и других.

В одну из весен в школу к Марии пришел Иван и предложил свои услуги в качестве физрука пионерского лагеря. Для Ивана это была редкая возможность поработать не грузчиком, не сторожем, а тренером.

Они познакомились, поговорили и, как пишут в романах, какая-то искра сверкнула между ними.

Марии казалось, что по вопросам приема на работу в летнюю бригаду она принимает решения. Это оказалось не совсем так. Принять Ивана в качестве физрука ей запретили, сказали, что у него плохая анкета и допускать его к работе с детьми нельзя.

Возвращая Ивану заявление, Мария не скрывала досады.

– Не печальтесь вы так. Дело житейское, – сказал Иван. И вдруг без перехода спросил: – А замуж за меня пойдете?

– Пойду, – ответила Мария. – Разведусь и пойду.

Из съемной квартиры Мария переехала к Ивану в деревянный частный дом. Подала на развод с танкистом, он к тому времени был уже не лейтенантом, а капитаном. Танкист потом и полковником станет, но Марии его дальнейшая карьера будет совсем безразличной – своих забот будет хватать и на работе, и дома.

* * *

После хрущевского разоблачительного доклада Ивана восстановили в правах. Негласно восстановили, как прежде негласно ущемляли. Устроился он на автозавод-гигант. Наверное, рад был бы его отец, узнав об этом, но не было уже отца, умер он в конце сороковых. Работал Иван на кузнечно-прессовом производстве наладчиком оборудования. Закончил вечерний машиностроительный техникум, стал работать мастером, затем – старшим мастером. С годами обнаружилась такая закономерность: молодые специалисты, приходящие после вузов на автозавод и поступающие в качестве мастеров под начало Ивана, очень быстро потом продвигались по служебной лестнице и занимали ключевые посты, кто на заводе, кто и во всей отрасли. Востребованным оказывался производственный опыт Ивана, да и житейский, по-видимому, тоже. Еще закономерность: все заводские кузнецы – Герои Труда, известные на весь Советский Союз передовики производства – оказывались подопечными Ивана.

Не раз просили Ивана корреспонденты поделиться секретом, как ему удастся воспитывать такое количество Героев Труда, как он вдохновляет рабочих на подвиг?

Он всегда отшучивался:

– Вдохновляю на подвиг так же, как вдохновлял нацменов под Сталинградом.

– ??

– Кого – матюгом, кого – зуботычиной, а кого – передергиванием затвора!

Его интервью никогда не печатали в газетах.

Много раз пытались продвинуть Ивана по службе его бывшие стажеры.

– Нет, – отвечал он всякий раз. – Здесь мой окоп. Здесь и воевать буду.

Так и воевал.

* * *

В семье не было детей. Еще при выписке из госпиталя Марию предупредили, что рождение ребенка сопряжено для нее с огромным риском для жизни. Врачи подтверждали это и потом. Иван был в курсе дела и данный вопрос никогда не обсуждался. Мария смирилась с ситуацией, хотя всегда считала, что семья начинается тогда, когда появляются дети, а брак без детей – это не семья, а сожительство двух эгоистов. Но когда Мария узнала, что беременна, она мгновенно приняла решение: буду рожать!

Марья, Иван (1950-е годы) и Владимир

Положенного срока ждали и очень боялись. В роддоме ненасправность многолетних опасений подтвердилась: за жизнь роженицы предстояла борьба. В роддоме собрали лучших специалистов своего дела. Провели несколько совещаний. На одном из совещаний присутствовал Иван, он забрался на нужный этаж роддома по

водосточной трубе и даже умудрился выступить прежде, чем его вывели.

Иван ждал. Вестей не было. Он обдумывал план второго проникновения – забраться по тополию, десантироваться на крышу, потом через чердак пробраться на нужный этаж. Но реализовывать этот план не потребовалось. Пришла благая весть: родился ребенок, вес 3 килограмма 600 граммов, рост 51 сантиметр, мальчик. Все живы!

На календаре было 20 августа 1959 года. Сына назвали Владимиром. С тех пор минуло более шестидесяти лет.

* * *

Иван прожил на свете 63 года. Мария прожила на свете 78 лет. Светлая им память и вечный покой...

Абрашкин А.А.

ЛЮДИ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА

* * *

Не люблю, чтоб было пресно,
И кладу на скуку вето,
Для меня родная песня –
Люди солнечного света.

Усмирив улыбкой вьюгу,
Средь зимы кусочек лета
Дарят дружескому кругу
Люди солнечного света.

Праздники свои включая
В вихрь вселенского банкета,

Смысл жизни излучают
Люди солнечного света.

В философских разговорах
Проясняются ответы.
В них подмога и опора –
Люди солнечного света.

Как добра святые реки,
Как счастливые билеты,
Как спасительные вехи –
Люди солнечного света.

**Усманов Ирек Гамильянович (1936–2020)
и Усманова Нина Ивановна (1937–2021)**

* * *

И.Е. Усманову

О дружбе можно говорить
И нагонять речами вьюгу.
А можно все слова забыть
И посмотреть в глаза друг другу.

Вы так светлы в житейской мгле,
Что недругов берут завидки,
И нету краше на земле
Цветка усмановской улыбки.

Вам душу выковал пророк,
Но русская в ней половина,
И я молю – храни, мой Бог,
Прекрасного России сына!

* * *

Шаг за шагом чрез года
Мы идем осмысленно:
У меня уж седина,
А у Вас вот – лысина.

Я и Вы, да Вы и я –
Братья бледнолицые
И давнишние друзья
Не разлей водицей.

И вином не разольешь,
И пивцом, и бражкой
Тот дуэт, в который вхож
С Усмановым Абрашкин.

* * *

Н.И. Усмановой

Слаще меда только губы,
Выше неба – идеал.
Дорогая, Вы нам любы,
Емельяныч, лей в бокал!

Этот тост великой Няне
Предлагаю посвятить.
Где там Дима? На диване?
Емельяныч, всем налить!

Чтобы душенька взлетала
С брызгами шампанского
И безудержно желала
Счастья великанского!

* * *

И.Е. Усманову

Счастлив тот, кто имеет черту
Создавать голевые моменты,
Обозначить свою высоту
И не претендовать на проценты.

Тайна жизни с годами ясней
И отчетливей смысл прихода:
Уважение близких людей
И гармония с вечной Природой.

Славен дом, где нас любят и ждут,
Святы дружба и сила подмоги!
А года – что? Идут и идут
По сияющей Млечной дороге...

Счастлив тот, кто имеет черту
Создавать голевые моменты,
Обозначить свою высоту
И не претендовать на проценты.

* * *

Н.И. и И.Е. Усмановым

Сретенье. Мороз спадает,
Пышет солнечный пирог.
Счастья много не бывает,
Хочется еще чуток.

Юбилей – никак не точка,
А лишь запятая!
В жизни прописная строчка –
Свадьба золотая.

Наша встреча как награда,
Дружба как подарок,
Все сложилось, как надо,
Складно, без помарок.

Наливаю рюмку с горкой
Из граненой тары.
Тост закончу поговоркой:
Горько, юбиляры!

* * *

Кто жаждою солнца живет,
Тот грезит зимою о лете
И лучше других сознает –
Ничто не случайно на свете.

Мы вольны прийти и уйти,
Но в главном подобны комете:
Прописаны наши пути –
Ничто не случайно на свете.

Как сложится будущий рай?
Есть логика в нашем ответе:
Мы счастья хлебнем через край –
Ничто не случайно на свете!

ПОЭЗИЯ

Ярослав Кауров

ОЖЕРЕЛЬЕ ЗАВОЛЖСКИХ ПЕСЕН И ПОБАСЕНОК

Поэма

Август – месяц ранних вин,
Сон сентиментальный...
Как «Мой милый Августин» –
Сладкий и печальный...

* * *

В родной стране чужими странами,
Невидимые до поры,
Миры мы открываем заново...
Какие разные миры!

Возьмите молочка и булочку
И на прогулку, на простор.
Зайдите в темный переулочек
И загляните за забор.

С какими сказочными красками –
Наброски о чужой судьбе!
Какими красочными сказками
Они расскажут о себе.

И лучше это делать вечером,
Когда туманятся дома,
И женское родное плечико
При этом робко обнимать.

Удивлена душа умытая,
Небес темнеет бирюза...
На новое, давно забытое,
Любовь открыла нам глаза!

* * *

Заволжская идиллия –
Садов благоухание,
Дневное изобилие,
Вечернее стихание.

И в таинстве сплетения,
В азарте сочетания
Придёт пора цветения,
А после – выцветания.

Как сладко в одиночестве,
В таинственной беспечности,
Внимать судьбы пророчествам
И слушать эхо вечности.

Италия – Венеция,
Таланты и овации...
Пленительная Греция,
Где царствуют три грации...

Какая прихоть барская,
Какое наслаждение, –
Не принимать, не царствовать,
Жить в тихом отдалении.

* * *

Киселиха, Киселиха!
Свежий воздух, как кисель.

Даже если встретишь лихо,
Вспомнишь, и на сердце тихо –
Бог качает колыбель...

Киселиха, Киселиха –
Заповедные места!
Там, где плющ и заманиха,
Ходит Вечная лосиха –
Мать России до Христа.

Киселиха, Киселиха!
Сочный воздух, как кисель.
Там в садах пирует шмель,
Вызревают облепиха
И душистый сонный хмель.

Там, у бережков кисельных,
Студена течет река.
Мимо путников бесцельных
И деревьев карамельных,
Та река – из молока.

* * *

Бредя заволжскими лесами,
Престранно, милые друзья,
Из камня, посудите сами,
Тропинку обнаружил я,

Труся дорогой незнакомой –
Чего не встретишь на пути!
Уже давно хотел я к дому
Тропинку плиткой подвести.

Но словно мороку мне мало, –
Такие странные дела! –

Моя тропинка поплутала
И никуда не привела.

Кто в чаще жил? Какие звери
Ходили вечером по ней?
В конце тропы какие двери
Закрывл косматый Берендей?

Снимая вечером ботинки,
Подумал я: «Судьба слепа –
Уж лучше домик без тропинки,
Чем та бездомная тропа».

* * *

В царстве листвы Берендеевом
До неизвестной поры
Дерево, голое дерево,
Прямо стоит, без коры.

Дятлу примета и лешему,
Смотрит в заречную даль
Деревце окаменевшее,
Твёрдое, словно хрусталь.

Пчёлы хлопочут на пасаках –
Трудится племя ростков.
И на малиновых часиках
Двигутся пять лепестков.

Вдумайтесь! Чем не история,
Не соловьиная трель? –
Жёсткие стебли цикория,
Пижма и конский щавель.

* * *

Закат пылал, как будто из пещеры,
Как жерло вулканической беды,
Но миг прошёл, и склон небесной сферы
Возвел на небе райские сады,

Расположил дворцы и башни замков
И притворился берегом морским.
Потом позолотил из сосен рамку
И обратился в серебристый дым.

Зачем тысячелистник здесь посажен?
А здесь кистями пажитник расцвел,
А тут репейник на косую сажень,
А тут могучей ели клейкий ствол?

Вы говорите, всё вокруг случайно.
Вы верите серьёзно в этот бред?
И то, что зарождалось изначально,
И то, чего еще в помине нет!

Для одного мгновенья, блика, ноты,
В которых слился миллиард причин,
Немыслимая сделана работа!
И результат от сна неотличим

И от мечты, которой имя ВЕЧНОСТЬ!
Закат струит расплавленную медь,
И всё вокруг меня так человечно,
Что имени не может не иметь!

* * *

К реке по узкой проберусь тропе,
Накроет с головой трава густая!

От ласк зелёных рук, оторопев, –
Как будто бы русалки не пускают.

Вдоль берегов повисла тишина,
Сюда приходят звуки издалёка.
Подмытая течением сосна,
Кувшинки, ил и острая осока...

Плеснула щука... Побежал малёк...
А птицы шепчут, щёлкают, хохочут!
Глазёнки у малька, как уголёк,
Как искры блеск на фоне чёрной ночи.

Вода, как девушка... Сперва горда
И холодна в нагом прикосновении,
Она полна девчачьего стыда,
Но, ласков будь, повремени мгновенье.

Секунд озноба схлынет череда –
Становится так грешницей святая...
Такой любви бесстыдства никогда
Ни на каких морях не испытаешь!

* * *

Неповторимы наши страсти.
Напоминают лишь отчасти
Они счастливейшие дни –
Не те оттенки у восхода,
Иной узор плетет природа,
Играя бликами в тени.

А я всегда в своих стремленьях
Ловил упорно повторенья,
Чтобы отсрочить стрелок ход,

Чтоб день катился монотонно
И любовались анемоны,
Закат встречая и восход.

И вдруг выходишь к водопаду,
Где те же плещутся наяды,
И радуги над пеной свод...
Остановился дождь мгновений,
И те же мокрые ступени.
Всё так, а ты уже – не тот...

* * *

Тёмным потоком зелёным,
Впитывая вышину,
Американские клёны
Заполонили страну.

Мира иного потомки,
В них не поёт соловей,
Недолговечны и ломки
Слабые кости ветвей.

Там, где белели берёзки
С нежной прозрачной листвой,
Как кукушонок в обносках,
Табор стоит кочевой.

Словно подарок заразный,
Принятый к нам от нужды,
Плотны, густы, непролазны
Заросли этой беды.

Но, словно темные чары,
Нужные в сложные дни,

Наших помоек гектары
Зеленью скрыли они.

Джаза трепещущей нотой
Праздничного воровства
Долларовые банкноты
Напоминает листва.

* * *

Сгнила совдепии общага...
И в светлый праздник Рождества,
Как доходяги из ГУЛАГа,
К нам возвращаются *слова*.

Так возвратились *благородство*.
порядочность, патриотизм.
Материализма блекнет скотство,
Притих на время коммунизм.

Пока не объявил правленье
Англоязычный «ассорти»,
Я предлагаю в обращенье
Приватность скромную ввести.

Приватно стоит делать дело.
Остановить приватно зло.
Не на показ, не оголтело,
Не нужно «шашки наголо!».

Ну, посудите, как приятно,
Не торопясь, не напролом
Творить друзьям добро приватно
За тесным дружеским столом.

И с возрастом тебе понятно,
И этому, представьте, рад –
Приватность, Боже мой, *приватность*
Дороже славы и наград!

* * *

Дожди... И в сером поднебесье
Ни лучика, ни мотылька...
Уж не кормилица полесью
Отяжелевшая река.

Ветла с поникшею листвою...
И, довершая скучный вид,
Непривлекательной вдовою
Скамейка мокрая стоит...

Но это всё в разгаре лета,
Как передышка у жары,
И сочные потоки света
Унынье превратят в пары!

* * *

У осени глаза на мокром месте.
Ей солнце утирает тихо слёзы,
Как потерявшей жениха невесте,
Ранимой, словно листья у мимозы.

У осени особая походка
Подвыпившей хорошенькой кокетки,
Которая мгновенно станет кроткой,
Как только солнце скроется за ветки.

У осени особое дыхание,
Неровное, влюблённое, хмельное.

Расплывчаты, неясны очертания,
И осень уж не может быть иною.

У осени особая одежда.
И осень одинокую люблю я
За вкус неповторимый, робкий, свежий
Воздушного со влагой поцелуя.

Сирень в сентябре

Сирень цветёт и в сентябре!
Но это – чудо, чудо дивное!
Цветы увидеть на заре
Способна лишь душа наивная.

И не дают нам небеса
Предположить хоть на мгновение
Что это все – не чудеса,
Что это только совпадения.

Влекут пророческие сны,
И оживают вновь предания.
Плетут фату голубизны
Невидимые нам создания.

Любовь одна вольна цвести
В любое время и безвременье,
Любовью скрещены пути
И полднем, и ночную теменью.

И указующим перстом
Луна над церковью засветится,
Нахмурясь праведным крестом
И улыбаясь полумесяцем.

Вам иногда покажется пустым,
Но даже в мелочах Господь всесильный
Показывает, что надежды – дым,
Усилья – тлен, хоть был бы ты двужилый!

И главное, что Господа смешит, –
Уверенность, что что-то неизменно.
Вот тут-то Он хохочет от души,
Смакуя все возможности Вселенной!

* * *

В потоке мракобесия
На каторжном пути
Случайно равновесие
Дано мне обрести.

И я прошу у случая,
Чтоб не менялся он
Ни в худшую, ни в лучшую
Из четырех сторон!

Линдовская певчая

Птичка небесная – славная, милая,
Добрая, русская, нежно любимая.
Как в этом образе чувствую силу я,
Необоримую, непобедимую!

Словно возносишься, слабая, кроткая,
В высь небывалую неба жемчужного!
Из вдохновения песенки сотканы
И пируэтов воздушное кружево.

С этих высот что за ширь необъятная
Взору открыта с лесами и рощами!

Землю покорную, речки опрятные
Взором твоим увидеть это проще нам.

Птичка – сестричка души моей странницы.
Плачет она, добрым Богом хранимая.
Так же душа моя певчая мается
И улетает в высоты незримые!

Любовь не слышит голос мира

Любовь не слышит голос мира,
Она слепа, как ворожея.
Войдет на цыпочках в квартиру
И мордочкой прижмется к шее.

Любви нет дела до падений
И взлетов тех, кто ею ранен.
В ней все цепочки совпадений
Внутри её алмазных граней.

Ей хорошо под небом синим,
В лесах, в степях, на глади водной.
Но расцветает и в пустыне,
В разлуке долгой и бесплодной!

Бросает в небо брызги-звёзды,
В ночной реке с луной играя,
И в сене вьёт, как птица, гнёзда
Под крышей старого сарая!

То улыбнётся с мыслью тайной,
То с нежной мукой глянет в очи,
А то обмолвится случайно
И, как безумная, хохочет!

И в час, когда в безделье праздном
Друг к другу головы склоняем,
Мы говорим всегда о разном,
Но всё она объединяет!

* * *

Держаться за руку – как это хорошо!
Держаться за руку – как это ностальгично!..
Как будто летний дождь с утра прошел,
И ты идёшь по улицам столичным.

И если взглянете на деревенский быт,
Держаться за руку – по-детски, по-родному –
Здесь так естественно, как будто ты умыт
Родной рукой из кадки рядом с домом.

Ходить задумчиво по скошенным полям,
Не замечая, где кочуют мысли,
И слушать тишину из хрусталя,
Забыв про сроки, знаки, буквы, числа...

Держаться за руку, рекой перетекать
От сердца к сердцу, от артерий к венам,
Как будто вместе вы одна строка.
Всё это мило, необыкновенно!

Августовская карамельная

Синие грабельки, красная леечка,
Раннее сонное утро...
Девочка в шляпке на старой скамеечке
С полной корзиночкой фруктов.

Самые яркие, самые сладкие
Долго она выбирает.

Непостижимой вселенской загадкой,
Словно под нимбом святая.

Заволжская колыбельная

Ночью взгляни из окошка:
Звёздный мигнул хоровод...
Это Вселенская кошка
По небосводу идёт.

Сдуло созвездья, как крошки,
На небосклоне пустом...
Это Вселенская кошка
Звёзды закрыла хвостом.

Знает Вселенская кошка
Тайные в небе места.
Млечная лунная плошка
Лишь для неё налита.

Входит Вселенская кошка
На Галактический мост,
Слизывает понемножку
Белые капельки звёзд.

Лапки, как стройные ножки.
Мягкий распушенный хвост.
Бродит Вселенская кошка,
Не покидает свой пост!

Предпенсионные грёзы

Мой Бог! Как я люблю лениться!
Не представляете вы, братцы,
Как я хотел бы где-то в Ницце
По набережной прогуляться!

Такой гарцующей походкой
Свободного провинциала,
Что позавидует чечётка,
И чтобы тросточка сверкала!

Ну, Ницца пусть дороговата,
Чванлива необыкновенно,
Туда не пустят меценаты.
Тогда – в Париже, возле Сены!

Ну, не в Париже, в Шепетовке
Пройтись бравурно с форсом, с шиком!
Всем показать свои обновки,
И чтоб скворцы встречали криком!

Хоть на завалинке в деревне
Погреться утром отпустите!!!
Ещё не старикашкой древним
Увидеть солнышко в зените!

Но каждый день всё мимо кассы...
Тошнит, противно, неохота...
Бредёшь уныло возле трассы –
Идёшь с работы на работу...

Странное искусство

Как странно всё... Чуть больше века минуло...
Тогда искусство, а не ремесло
Любви и радости служило стимулом,
Ласкало, исцеляло и звало!

Сейчас нет выраженья неприличнее!
Искусство и Бесстыдство – близнецы!
Открыты напоказ дома публичные,
И в них греху предались «мертвецы».

Забыто слово русское – *кривляние*, –
Оно подходит более всего.
А в школе полагалось наказание –
За непотребство и за шутовство.

А в обществе за фразу неуместную,
Имевшую сомнительную цель, –
Пощёчину давали полновесную,
А после – вызывали на дуэль.

Сознание деградирует стремительно,
И хочется кричать: «Не может быть!»
Искусство ваше просто оскорбительно!
Но вас уже ничем не оскорбить!

* * *

Коль скоро, часиков в двенадцать,
О срочном не болит душа,
То, за какое дело взяться,
Ты выбираешь не спеша.

О пользе рассуждая здраво,
Прикинешь ранее всего:
«Крепка российская Держава,
И устоит и без того...»

«Вот это б непременно нужно,
Но, право, может подождать...
Вот это сделаешь натужно –
Начнутся зависть и вражда...»

И так прикинешь всё на счетах –
И уж подведена черта.
Часам к шести, к концу работы,
Уйдёшь, не сделав ни черта...

Деревенским философам

Я сажу – за всё в ответе –
В деревянном туалете,
А Вселенная, как ветер,
Занимает все вокруг.

Белый карлик в небе светит.
Над планетой этой третьей.
И живём мы здесь, как дети,
Добрый ангел – милый друг!

Муравьиные побасенки

Есть полоса препятствий на учебке,
Забитая вояками всегда:
Народ здесь бегают крутой и крепкий,
Не склонный без приказа рассуждать!

По-своему служба святой Отчизне,
Блюдя расчеты точные свои,
По этой полосе «дорогу жизни»
Упрямо проложили муравьи!

Им не страшны бессмысленные драки,
А то и настоящие бои –
Бегут и дружно прыгают вояки...
Бегут и тащат грузы муравьи...

И командир одной секретной роты
(В чеченском побатрачивший плену),
Сказал: «Малявки тоже ведь пехота!» –
И пива контрабандного плеснул!..

Бабье лето

Ну, что такое «Бабье лето»?
Немного грубовато, право!
Не оскорбительно ли это
Для образованной державы?

Пусть будет «Дамским», «Летом Леди»,
Пусть будет, ну, хотя бы «женским»
То лето, что в оттенках меди
Бредёт проселком деревенским.

То лето, что пронзает душу,
Уже омытую дождями,
Что слёзы осени осушит,
Как будто поцелуя пламя.

Но лишь у нас на всей планете,
Трясаясь в телеге по ухабам,
БОГИНЮ с коромыслом встретив,
Мужик вздохнёт: «Какая БАБА!»

* * *

Шутовство – прекрасная защита –
Иногда бывает нападением.
Дерзкий шут свободен в царской свите,
Но подвластно это только гениям.

Глупость тоже защищает прочно –
Не тревожат страхи и сомнения,
Но победа глупости порочна,
И в финале ждите поражения.

А любовь – защита без изъяна,
Не оставит вас ни на мгновение,

Велика, доступна, словно манна,
Но редка, как Божие знамение!

* * *

Бунтари, бичуя счастье пошлое
(Что за бескорыстный тяжкий труд!),
Настоящее презрев и прошлое,
Вдохновенно будущим живут!

Но поймут калики переходные
После горя, странствий и обид:
Будущее – это царство Божие,
Лишь ему оно принадлежит.

Если приобщитесь к ветру верхнему,
Можете услышать Божий глас:
«Не подвластно будущее смертному!
Будущее – это не про вас!»

В битве, Дьяволом организованной,
Зыбко настоящее, как дым!
Путник, настоящим зачарованный,
Станет наблюдателем пустым...

Если только вы не сумасшедшие –
В том и заключается игра –
Создавать хорошее *Прошедшее* –
То, что невозможно отобрать!

* * *

Воспоминания хранят,
Воспоминания лелеют!
Вдохни любовь бывшего дня –
И станет на душе теплее!

Ты просыпаешься больной,
Устав от тягостных скитаний,
И неожиданно стеной
Поток дождя за дверью станет.

И нужно по нему идти,
Неся обыденности ношу,
По бесполезному пути,
Что под ноги этапом брошен.

Но вдруг глаза наполня свет
И летнее дыханье страсти.
И ничего на свете нет
Сильнее прожитого счастья!

Воспоминания хранят,
Воспоминания лелеют!
Вдохни любовь бывшего дня –
И станет на душе теплее!

Нижегородская древлеправославная Поэма

Предисловие

Воспоминания о детстве...
Насколько много их у вас –
О списке радостей и бедствий,
Не выставленных напоказ?

Не взяли в гости – вот обида,
Разбилась чашка – вот беда!

А где событий пирамиды? –
Они исчезли навсегда...

И если о себе – о главном –
Стирает память бытиё,
Как быть с историей державной,
Как быть с трагедией её?

Теперь спросите у солдата
О подвиге, что на века.
Он вспомнит и места, и даты,
И номер части и полка.

Но как на танки шла пехота,
Как шли за Сталина полки –
Три однотипных анекдота,
Четыре блёклые строки...

Зачем усилия пустые?
Зачем история земли,
Когда обычные простые
Воспоминания ушли?

А кто писал в Джунгарском царстве
Слова о трепетной любви,
О злой измене, о коварстве?
Одно лишь имя назови!

Вы говорите: «Рим и греки!»
Вы это, право, не всерьёз!
Неужто майя и ацтеки
Не знали ни любви, ни грёз?

Всё как в песок, всё как в болоте
Осокой острой зарастёт.
Ни слова не дойдёт, ни ноты
От горя, счастья и забот!

Зачем же мучается рифмой
Ещё не признанный поэт?
Зачем его тревожат ритмы,
Что источает горний свет?

Поэт в мечту о небывалом
Навек мучительно влюблен,
Захлебываясь кровью алой,
Лишь для неё сгорает он!

Кантаурово

Небо свинцовое, хмурое,
Серый мерцающий свет...
Срок у села Кантаурово –
Жизни полтысячи лет.

В чаще селились раскольники,
Беглый замученный люд,
Рядом лихие разбойники
Тут находили приют.

Ели – не лапы, а лапищи!
Там, в вековой старине,
Храм возводили на капище –
Чудью намоленном пне.

Холм над холодной Линдою
Вечность отдельно стоял –
Богу святилище видное
И от захватчиков вал.

Храму-то лет под четыреста,
Стройна его красота!
Сколько народу он вырастил
В истинной вере Христа!

Люди характера мрачного
Эти обжили леса,
Что родниками прозрачными
Видели все чудеса.
Тут не прощали предателей –
В омут, хоть плачь, хоть не плачь.
Были у них воспитатели
Кнут, да стрелец, да палач.

Чтоб неповадно выслеживать
Истинной веры оплот,
Спросишь дорогу проезжую –
Выведут в сердце болот.

И на порог ночью чёрною
Люди не пустят вас тут,
Выбросят чашку узорную,
Если напиток дадут.

Первыми дюжие бортники
В эти ухозя пришли,
Да на медведя охотники,
Чаще всего бобыли.

Чаши точили и утицы,
Липовой плоти бельё
Да веретёна, что крутятся
В час, когда ночь настаёт.

Шапки валяли и валенки,
Зная своё ремесло,
Чтоб на широкой завалинке
Вечером было тепло.

Многие жили зажиточно,
Водку не пили зазря,

Помня раскол многопыточный,
Не уважали царя.

И комиссары, затейники,
Тут понаделали дел!
Взяли Смирноват-священника
И увели на расстрел.

С тракта до города Кирова
Мы подъезжали к селу.
Фермы колхозные сирые
Частью сгорели в золу.

Словно оболганной верою
Поле, у Бога в тени,
Борщевика погорелого
К небу тянуло клешни.

Следуя древнему правилу,
Встреченные на пути
К церкви в обход нас направили,
Чтоб не сумели дойти.

Мальчик нашёлся единственный,
Словно «оленьи» глаза,
Что по неведенью истину
Не побоялся сказать.

Мимо избёночек на реку
Он указал поворот,
Словно ослепшего за руку,
Нас проводил до ворот.

Кем станет мальчик доверчивый
Лет через двадцать всего
В мире богов гуттаперчевых,
Где барыша торжество,

Этот потомок ушкуйников
Из старообрядческих лет,
Сирых уверенных путников
К граду, которого нет.

В веке Тельца электронного,
Кибернетических тлей,
В веке оружия нейтронного,
Что уж там будет быстрее?

Пьяницей в городе сереньком,
С омутами вместо глаз?
Или уедет в Америку
И позабудет о нас?..

* * *

Частью небес неотъемлемой
Храм на горе голубел,
Словно за тайными землями
Святости кроткой предел.

Лицами стены украшены
Светятся, как изнутри,
Руки с крестами и чашами,
Девы и богатыри!

Живоначальная Троица
Каждый отмеренный час
Молится, не успокоится
За неприкаянных нас!

Всполохом небо расколото,
И расступается мгла...
Солнцами, солнечным золотом
Ярко горят купола.

Мачтами, стройными мачтами
Небо обняли кресты...
Плыть в тишине предназначены
Парусники высоты!

Церковь прозрачна старинная,
Как Богоматерь в пути.
И загляни в небо синее –
Храм не стоит, а летит!..

В церкви, веками намоленной,
Нынче крестили детей.
Люди спокойные, вольные,
Без новомодных затей.

Крику-то, плачу-то, писку-то –
Радостная суета!
Мы и не знали, что близко так,
Рядом улыбка Христа!

Попово

Раз до Попово доехали.
В воздухе словно разлит
Времени смутного вежами
Строгий раскольничий быт.

Смотрят фасады на старицу.
Солнечный берег высок.
Поле подальше качается –
К колосу льнет колосок.

Для старообрядцев училище,
Чтобы из сотен дворов
Пестовать тайную силищу,
Выстроил мудрый Бугров.

В мире нет места укромнее –
Это Россия сама:
Вдруг в деревеньке огромные
Ты открываешь дома –

Стройны, как замки французские, –
Красный столетний кирпич.
Сеяли истины русские
Царству разврата опричь.

А комиссары-отступники
Сделали в месте святом
Для малолетних преступников
Полутюремный детдом.

Из Ленинграда блокадного
Деток, укрытых в войну,
Жизнь до того безотрадную
Спас этот дом не одну.

А в наше время тревожное,
Полное многих проблем,
Совершено невозможное –
Школу прикрыли совсем!

Деточек мёртвыми душами
Выбросили, как щенят.
Стены одни не разрушены
Сонно величье хранят.

Прямо, напротив училища,
Как пионеры в строю,
Станным советским святилищем –
Памятник павшим в бою.

Кружит над каждой деревнею
Вороном черным война,

Но необычные, древние
Выбиты здесь имена.

Сколько в войну уничтожено
Мальчиков, наших детей,
Что до победы не дожили, –
Фотей, Левонтий, Евсей,

Гурий, Флеган Харитонович,
Зотей, Евлампий, Амос,
Ареф, Терентий Парфенович,
Стахей, Харлампий, Федос...

Малиновский скит

А за деревней Филипповкой –
Спрятанный в кипе раakit,
В рощах осиновых, липовых,
Тайный Малиновский скит.

Светится древнею славою
В небо священный паром –
Церковь-корабль пятиглавая
Да колокольня шатром.

Дивные, нерукотворные,
Празднуя старый обряд,
В стенах «поливы» узорные,
Как самоцветы, горят.

Фрески внутри многоцветные
Яркие, словно огонь,
Клонятся горними ветрами,
Божию грея ладонь.

Множества дел учредители,
Без высочайших чинов,
Мест этих благотворители
Были – Бугров да Блинов.

Богом укрытою старицей
Неуловим, словно дым,
В чашах безвестных скрывается
Волжский Иерусалим!

Городец

Поле Николино, Ступино,
Войлоково да Смольки,
Санниково да Зарубино,
Чуткино да Зиняки.

Вот и открылся затейливый –
Из молодцов молодец –
Памятник русскому терему,
Пряничный наш Городец!

Знали купцы именитые,
Чтили его красоту,
Часто являлись со свитами
И воплощали мечту.

Всё – от узорных наличников
До ладьегового конька –
С лоском, сноровкой столичною
Мастера знала рука.

Вот и Бугров приснопамятный,
Любящий Божий престол,
Как милосердию памятник
Тут богадельню возвёл.

А уж торговому Нижнему
Сколько оставил даров!
Сколько построил для ближнего –
Башенок, лестниц, шатров!

Всё – от роддома до кладбища,
«Думу», «Ночлежку», «Столбы»,
Вдовам, сиротам и страждущим,
Для босяков, голытьбы...

Но прикоснуться к святым местам
И отдохнуть, наконец,
Ездил Бугров по лесным скитам
И в расписной Городец.

Встретит приезжий приметливый
В городе дивный уют,
Всем Городец был приветливый
И хлебосольный приют!

Встарь Долгоруким основанный
Крепостью на берегу,
Тёмной рекой зачарованный,
Он не сдавался врагу.

Долго служил он границею –
Смелый и верный солдат.
Годы прошли – на позицию
Встал его Нижний-собрат.

Волей Святого Георгия
Братьями два городка
Сделались шумными торгами
И содержали войска.

Многие тьмы богомерзкие
Били в назначенный час,

Оба великого Невского
Струги встречали не раз.

Александр Невский

Дерзкой овеванный славою,
Братом любим и отцом,
Был Александр Ярославович
Смолоду сильным бойцом.

С братом Андреем в сражениях
Бурей неслись напролом!
Князю, стерпев унижения,
Рыцари били челом.

Редкое дело свершилось –
Бьющий врага наповал,
Юноша Божею милостью
Мудрым правителем стал.

Волю имел княже крепкую
И выдающийся ум.
Смело к Батью свирепому
Ездил он в Каракарум.

В час, когда волю державную
Гнула «Неврюева рать»,
Бог повелел князю славному
Русь по круплицам собрать.

Нивы горели некошены
В год непомерной беды,
Сколько несчастных и брошенных
Выкупил он у Орды!

Церкви отстраивал заново,
Люд собирал в города,
И над зажившими ранами
Встала надежды звезда!

На год в поездку последнюю
Вниз он поплыл по реке,
Где в вечной ссоре с соседями
Ждал его злобный Берке.

И утомлен тёмной травлею,
С мукой на бледном лице,
Ядом ордынским отравленный,
Умер герой в Городце.

Прожил он честно с молитвою
И, уходя на покой,
Грамоту митрополитову
Взял своей мёртвой рукой!

Вечны над Русью гонения,
И непомерна цена.
С Божьего соизволения
Вновь возрождалась она.

Никола-ключ

Пономарёво, Улыбино –
Лес вырастает стеной,
Строгоново да Ковригино –
В сторону Ковернино.

Возле села Белоглазово,
Как при иконе свеча,
Щедро одарит алмазами
Тайна Никола-ключа.

Церкви душа не разгадана –
Как над рекою звезда,
Дышит божественным ладаном
В ней не огонь, а вода.

Воды в купели прозрачные,
Камушки видны на дне.
Нет для людей предназначенной
В мире воды холодной.

Но окупись в струи чистые,
В мягкий серебряный лёд –
Сразу испарина выступит,
Сердце стремится в полет!

Вот и паломников тысячи
Видели здесь чудеса.
Сколько недугов он вылечил,
Скольких от смерти спасал!

Сколько измученных странников
Бога приводит рука,
Чтоб ощутили избранники
Тут поцелуй ледника!

В мире подземном, таинственном
Жилами струи сплелись,
Путь пробивая единственный
К нам в многотравную высь.

В мареве воздуха сочного,
В дивной лесной красоте
Сходятся воды источников
В солнечной руне-кресте.

Как же немного нам надо-то,
Чтоб отступила тоска!

Сбросить ненужные тяготы –
Воду в лесу отыскать!

Радости все не перебраны!
Ангелы нас привели:
В чаще хранится серебряный
Ключ от Заволжской земли!

* * *

А вечерами над нивами,
Над перелеском густым
Да над приречными ивами
Звёзды встают, словно дым.

Их мириады... В безветрие
Светят они, как костры –
Синие, красные, светлые,
Словно на небе пиры.

Слепят смарагды и яхонты.
К мосту бегут по реке,
Край озаряют непахотный
В тёмном забытом мирке.

Там метеоров сияние
Падает в речку, на дно...
И загадаешь желание –
Сбудется точно оно!

Борис Селезнев**ОСТАТЬСЯ С ГИБНУЩЕЙ СТРАНОЙ**

Ах, юность, юность...
Город Горький –
Газоны, скверы, вкус вина.
Друзья все – Сашки, Вовки, Борьки,
А ненаглядная –
Одна!

И всё – впервые... «Город сладкий,
Совсем не горький», –
Думал я.
Ее увел я с танцплощадки –
Прощайте, верные друзья!

Я был тогда совсем не грубый,
И дружба наша
Шла на лад.
Ее обветренные губы
Мне были – чистый шоколад!

Такая тонкая девчонка!
И все на месте, что должно...
Мы чокались
Так сладко-звонко
И пили юности вино...

Эдемом город мог казаться,
От фонарей –
Небесный свет...
Семнадцать мне,
А ей пятнадцать –
И я на все мог дать ответ!

* * *

...Она мне просто улыбнулась!
И знаешь, друг,
И знаешь, брат,
Какой рассвет, какой накат! –
Как в январе весна проснулась!

Сегодня вовсе не усну –
Ведь на душе играют скрипки.
Да я весь мир переверну
Из-за одной такой улыбки...

* * *

Ах, я дойду с тобой до точки –
Ты радость нежная сама!
Мороз твои украсил щечки,
Весь мир украсила зима.

На елках беленькие шубки,
Сороки прыгают в снегу.
А я тебя целую в губки –
Я удержаться не могу!

А ты смеешься надо мною,
В сугроб толкаешь – не свернуть!
Ах, как нам весело зимою
В снегах нетронутых тонуть!

Твою я шубку отряхаю,
Не удержусь... и обниму.
Откуда ты взялась такая?..
Ах, никогда я не пойму.

Тропинка между елок вьется,
И снова я в сугроб лечу!
Над нами солнышко смеется,
А я в сугробе хохочу!

И не могу уж устоять я...
И снова с горки едем мы.
Давай, любовь, лети в объятия
Такой волшебницы-зимы!

* * *

Десять шпилек на стол не роняла,
Повернулась и просто ушла.
Только звук листового металла
Во дворе. Вот такие дела.

Да в подъезде ругнулся мужчина –
Залихватски, фигурно, со злом...
Без какой-то реальной причины
Убежала – лишь свист за стеклом!

Может быть, и влюбилась в кого-то?
Может, просто пошла погулять?
Эх, пора бы идти на работу,
Да теперь на работу плевать!

Что теперь мне работа-банкнота,
Ничего я теперь не приму...
Может быть, и влюбилась в кого-то,
Вот пойду – и бутылку возьму!

* * *

Не прячь осенние глаза
В окно, где в такт ненастным думам

Высоковольтная слеза
Дрожит на проводе угрюмом.

Не выдавай загадок глаз,
Не дли напрасные мгновенья.
Пусть облака рассудят нас
Последней каплей отчужденья.

Пусть я увижу, уходя,
Как в роковом высоком гуле
Косые линии дождя
Твое лицо перечеркнули...

Другу

Мир в ночи уснул, как идол,
Перепутав все пути...
Если я тебя обидел,
Ты уж, брат, меня прости.

Так бывает, что заносит,
Как машину в гололед,
И душа прощенья просит,
Словно нищий у ворот.

Вот и я, дойдя до точки,
Понесу, бывает, вздор...
...Враг нас бьет поодиночке,
Только вместе мы – Собор!

* * *

Москва. Держава.
Божий страх
И радость в сердце.
Плывет с «мобильником»

Монах
На «мерсе».
Зачем?
Но может быть, не зря
И есть причина?
Вот у ворот монастыря
Встает машина.
Машина – фантик,
Как магнит,
Такую мне бы...
Он по мобильнику звонит
И смотрит в небо...
Секунда-две,
И нет его –
Лишь пыль на трассе.
Обратно еду,
Ничего,
В плацкартном классе.
Ах, чудо-город! Солнца нить
Мне будет сниться.
...А мне еще звонить, звонить –
Не дозвониться...

* * *

Жизнь совсем не неволя
Или замкнутый круг...
Жизнь, как минное поле,
Гром да вспышки вокруг!
Жизнь – великая сила, –
Праславянская кость!
Сколько нас покосило,
Сколько нас родилось...
Сколько гнева и боли!
... Ветер горький на вкус.

Это минное поле
Называется Русь.

* * *

Не бросайся в истерику –
Не ходи по ножу!
Я боюсь за Америку,
За китайцев дрожу!

Я боюсь за Австралию
И за чукчей боюсь,
Но скажу, чтобы знали вы:
Не боюсь лишь за Русь!

Эти ж, как ни стараются,
А провалятся вновь.
Во всем мире останутся
Только Русь да Любовь!

* * *

Я знаю, что, когда умру, –
Жена отпразднует поминки.
И разлетятся по двору
Мои стихи, мои картинки.

Они на миг рассеют мрак,
И вспыхнет на секунду ночка.
Но дворник скажет: «Вот дурак, –
Их собирая по кусочку, –

Вот я живу, курю и пью –
Нет у меня другой заботы.
А он спалил всю жизнь свою,
Чтоб дать мне лишь на день работы».

* * *

Уже ушел последний поезд,
И мы с тобой почти в раю.
И ты меня не беспокоишь,
И я тебя не достаю...
Ушел состав. Что нам осталось?
Достроить. Дописать. Дожить.
Растить внучат, покоить старость,
На печке валенки сушить.
Пусть я не рву судьбу на части,
Пусть жизнь смеется надо мной.
Но я скажу: и это счастье –
Остаться с гибнущей страной.

Николай Чих (Тихонов)

ПУТЬ К СОВЕРШЕНСТВУ ПРОСТ

Новый год в Сталинграде

*Всю ночь русские пели песню,
от которой стыла кровь, а потом
пошли в атаку.*

Из воспоминаний солдата вермахта
о боях за Сталинград

Принесли к нам метели
В блиндажи Новый год –
И раскинул шинели
На полу третий взвод.

За несдавшийся город,
За оставшихся там
Выпьем мы в этот холод
Фронтовые сто грамм.

Пред погибшими вечно
Остаемся в долгу –
И хребет мы, конечно,
Доломаем врагу.

Ждать осталось немножко –
И Мамаев курган
Будет слушать гармошку
И певучий баян!

* * *

Вот и все. Навечно распрощались.
Нам от мамы уходить пора.
Вот и все. С отцом теперь остались...
Нас – четыре брата и сестра.

Что ты там, сестреночка, лепечешь?
Чьим вниманьем ты удивлена
И, как птичка малая, щебечешь?..
А вокруг – глухая тишина...

Скинет дома брат шинель солдата,
Чтоб согреть озябших малышей.
А отец промолвит виновато:
– Похлебай, сынок, горячих щей.

Затянулись мамины поминки,
В дом приходят люди дотемна.
А в лице у тетки ни кровинки,
И она, как полотно, бледна.

Поиграть меня братишка просит,
Доставая детское лото.
А соседка по тропе уносит
Выходное мамино пальто...

Школьный чай

Взял пожелтевшую тетрадь –
И всё в душе перевернулось...
Как будто снова с грустью мать
Из детства провожает в юность...

И время повернулось вспять,
И я вошел все в ту же реку,
Чтобы с волнением вспоминать
Учебы альфу и омегу.

Наш тесный дом друзьям открыт,
В нем слышны звуки радиолы,
А жизнь проста, и скромна быт,
И солнце брызжет в окна школы.

Закончился учебный год,
И мы ватагою, всем классом
Идем на целый день в поход,
Собрав нехитрые припасы.

Костер горит, и звонок смех,
И птицы гимн слагают маю,
И так солидно за успех
С учителями выпить чаю!

Чернила выцвели и тушь.
Бегут года – то взлет, то мука
Но единенье детских душ –
Опора в жизни и порука.

Когда ж, бывает, невзначай
Встречаемся с учителями,
То вспоминаем первый чай,
Что мы заваривали сами!

* * *

Капитаны выходят на сушу,
Хлопья пены стяхнув с кителей.
Океан, взбудораживший душу,
Хоть и близок, но берег родней.

Ляжет якорь на дно океана,
Отойдет катер от корабля.
Ветерок донесет звук баяна,
Устремится навстречу земля.

Не могу ни письма, ни посылки
Переслать с корабля, но знай ты,
Привезу в темно-синей бутылке
Я тебе океанской воды.

Как внимательно и терпеливо
Даришь ты мне тепло и покой –
Только стало во время прилива
Море сниться с крутою волной.

Опасенья и страхи излишни:
В подтвержденье своей правоты
Говорю, что не стал и Всевышний
Отделять берега от воды.

На безбрежном зеленом просторе
Ощущаешь, как дорог нам дом...
Потому и зовет снова море –
Слышишь, чайка в окно бьет крылом!

* * *

Короткая борода,
Вразвалочку походка –
Зашел к нам, словно в рубку капитан.
Как будто бы подлодка
Уверенно и ходко
С ним бороздила Тихий океан.

Прекрасна даль морская,
Ей нет конца и края.
О ней он вдохновенно говорил.
Потом сказал, вздыхая,
Что ром не крепче чая,
Который он вчера на Невском пил.

Как шторм зарокотала
В его руках гитара –
И стол стал представляться кораблем.
От песенного шквала
Нас с палубы смывало,
Аккорды били, как небесный гром.

Он был правдив и честен,
Кипуч и интересен,
И даль морскую словом рисовал.
Он нам внушал, что пресен
Подлунный мир без песен –
И я его с тех пор зауважал.

* * *

В.Г. Бушуеву – первому олимпийскому чемпиону земли Нижегородской

Душу минует старость,
Путь к совершенству прост:
Нужно смахнуть усталость
И полюбить помост.

Штанга натрет мозоли,
Выжмет обильный пот,
С тела сойдет пуд соли,
Но это всё не в счет.

Не удастся сразу
Взять над железом власть –
Силу рождает разум
И укрепляет страсть.

Молодость верит в небыль –
И потому не вдруг
Штанга взлетела в небо
В крепком распятые рук.

Воля, азарт и сила
Были, как правда, с ним –
Над головой застыла
Штанга – и замер Рим.

Выпрямилась осанка,
Тяжко вздохнул металл...
Грянет победно штанга –
И забушует зал!

* * *

Памяти Бориса Штоколова

В светлые дни Рождества
Ветер поземкою мёл...
Вдруг докатилась молва:
Штоколов в вечность ушел.

Солью родимой земли
Песня артиста была...
Всех и вблизи, и вдали
В мир задушевный звала.

Вихри житейских забот
Скорби не выстудят пыл.
В трауре Северный флот:
Юнгою здесь он служил.

Бас колокольный звучит –
Рвется в зенит, к облакам.
Белое море штормит,
Катит валы к Соловкам.

Звон поминальный поплыл
Над куполами церковей...
Что ж ты, ямщик, поспешил
Спьяну стегнуть лошадей?..

Тройка ж умчалась туда,
Где одиноко горит
Песни заветной звезда
И о любви говорит!

* * *

Как русский любит баню,
Я по себе сужу:
Там душу я гурманю
И музу нахожу.

Мне баня – мать родная,
И коль бросает в дрожь,
А сердце замирает,
То значит – пар хорош.

В восторженном лиризме
Стремлюсь душой в зенит,
А друг мой афоризмом
Мой пыл благословит.

Вот здесь за чая чашку
Отдашь за полцены
Последнюю рубашку,
Посконные штаны.

А пивом разомнешься,
Поддашь еще парка
Да веничком пройдешься –
Рождается строка.

Вот лучшее лекарство,
Которым дорожу, –
За баню я полцарства
Хоть черту заложу!

* * *

Потемнели тучи,
Опустились ниже.
Ты себя не мучай,
Будь ко мне поближе.

Иволга заплачет,
Грусть-тоску наводит.
Может, неудача
С нами хороводит?

Ты глядишь сердито,
Прям мороз по коже,
Всё, что пережито,
Стало мне дороже.

В этот час прощальный
В слякотную осень
Говоришь печально:
– Ты совсем несносен.

Сердце закроочет,
Ритм сменив невольно,
Может, просто хочет
Сказкой жить раздольной?

Потемнели тучи,
Опустились ниже.
Ты себя не мучай,
Будь ко мне поближе.

* * *

В травах нескошенных,
В избах заброшенных
Ветер гуляет.
Малая родина
За огородами
Сына встречает.

Храмы безглавые
И обветшалые
Старые стены.
Ветра рыдание
Сдавливает дыхание –
Мечутся тени.

С пенсией нищенской
В холод кладбищенский
Путь лежит прямо...
Тлен заустения,
Горечь забвения –
Здесь моя мама.

Тут не дожившие,
Рано почившие,
Спят ветераны.
Плиты могильные,
И звезды пыльные
Давят на раны.

Послевоенные
Вахты бессменные,
Хлеб из половы.
И на прощание,
Как завещание,
Думы отцовы.

В жизни разломанной
И обворованной
Пир бесов громок.
Но время страшное
И бесшабашное
Вспомнит потомок.

Духом усталые
И обнищальные
Падаем с кручи.
А синеокую
Юность далекую
Спрятали тучи.

Мысли высокие,
Чувства глубокие,
Словно зарубы
В душу запавшие,
Сердцу внушавшие:
Мы – однолюбы.

Разве всё ложное,
Вслух невозможное,
Сбросить нет силы?
Не пресмыкаемся
И не сгибаемся –
Верим в Россию!

Животворящее
Солнце всходящее
Светит так ясно.
В наши сомнения
Луч просветления
Бьет не напрасно.

Малая родина –
Запах смородины,
В небе зарницы.
В муках прозрения
Дай мне смирения,
Чтоб возвратиться!

* * *

С закатом путая рассвет,
Встречаешь вечность у порога.
Зачем себя я столько лет
Судил немилосердно строго?

Слепит сияние мечты,
И стала ты ночами сниться,
Спускаясь с горней высоты,
Как будто сказочная птица.

Тебя волшебные крыла
Не унесли в мои владенья –
Ты добровольно в плен пришла
На зов земного притяженья.

СОЮЗ ПОЛУШАРИЙ

В 1959 году британский ученый и писатель Чарльз Сноу (1905–1980) опубликовал статью «Две культуры и научная революция». В ней он описал обозначившийся раскол западной интеллигентной среды на две части: интеллигенцию научную и гуманитарную. Он констатировал, что сферы научно-технического и художественно-гуманитарного знания всё больше превращаются в две изолированные области культуры, и их представители всё в меньшей степени способны понимать друг друга. Разногласия между естественниками и гуманитариями по ряду ключевых вопросов (например, этическим аспектам научного поиска) вызываются тем, что и те и другие, как правило, плохо разбираются в чужой области знания, что в конечном итоге приводит к выдвиганию неоправданных претензий на монопольное обладание истиной.

Позицию Сноу ярко отражает традиционно цитируемый фрагмент его эссе: «Довольно много раз я присутствовал на собраниях людей, которые, по стандартам традиционной культуры, считаются высокообразованными и которые с большим энтузиазмом выражали свое недоверие по поводу неграмотности ученых. Один или два раза меня спровоцировали, и я спросил компанию, сколько из них могут описать Второй закон термодинамики. Ответ был холодным: тоже отрицательным. И все же я спрашивал кое-что, что является научным эквивалентом Вы читали произведение Шекспира?» Теперь я считаю, что, если бы я задал еще более простой вопрос, например, что вы имеете в виду под массой или же ускорением, что является научным эквивалентом высказывания: «Ты умеешь читать?» – не более одного из десяти высокообразованных людей почувствовали бы, что я говорю на одном языке. Итак, великая постройка современной физики возводится, и большинство самых умных людей в западном мире понимают это так же хорошо, как и их неолитические предки». Британский писатель говорил о западном обществе, которое хорошо представлял, но обозначенная проблема была и остается актуальной и для всего остального мира, в том числе для России. И дело даже не в том, что современные физики в своем большинстве пренебрежительно отзываются о философах и в самом деле не читают Шекспира. Тексты того же Диккенса или Достоевского оказываются сложными для

естественников: они раздражают «непоследовательностью» действий героев и «многословием». **Гуманитарии и естественники стали мыслить по-разному.** Раскол между ними со временем только увеличивается, и это непреложный факт биографии нашей цивилизации.

Биологи указали причину этого явления. В процессе образования и дальнейшей профессиональной деятельности у человека, как правило, получает преимущественное развитие и начинает доминировать одно из полушарий мозга. У гуманитариев это правое полушарие. Оно отвечает за творческую деятельность: воображение, мечты, восприятие образов, интуицию и мистические прозрения, восприятие метафор и параллельную обработку информации. Из числа «правополушарников» выходят писатели, художники, композиторы. Левое полушарие дарит человеку аналитические способности, логику и навыки математического мышления. Оно обеспечивает буквальное понимание слов и последовательность обработки информации. «Левополушарники» – это естественники: научная и техническая интеллигенция. Таким образом, наличие двух групп разномыслящей интеллигенции – естественный процесс, обусловленный разным характером их профессиональных занятий. Совершенство в одной выбранной области неминуемо ведет к однобокому развитию и способствует росту предубеждения физиков к лирикам.

Но есть и исключительные примеры людей, которые успешно проявляют себя и как естественники, и как гуманитарии. Им удается гармонично уравновешивать работу полушарий и преуспевать как в научном, так и в художественном творчестве. О таких людях рассказывает новая рубрика альманаха.

Пирогов Л.Е.

«ХОТЕЛ СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ»

Лев Евгеньевич Пирогов – доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института прикладной физики РАН. Но вместе с тем он уже многие годы занимается живописью. Мы давно знакомы, и я попросил ученого ответить на ряд вопросов.

Л.Е. Пировов на фоне своих картин

А.А. (Анатолий Абрашкин): Как получилось, что ты поступил на радиофизический факультет?

Л.П. (Лев Пировов): Я с детства любил читать книги и даже хотел стать писателем. В школе легко давались многие предметы, особенно математика, физика, литература и английский (школа была с углубленным изучением английского языка). В старших классах увлекся рок-музыкой, начал пробовать сам сочинять (за плечами уже была музыкальная школа по классу фортепиано). Когда после окончания школы встал вопрос, куда поступать, выбор, однако, пал на радиофизический факультет университета. Привлекала слава радиофака как кузницы естественнонаучной элиты, хотелось попробовать себя в этой среде. Еще я чувствовал, что, пойдя в гуманитарии (например, в институт иностранных языков), к естественным наукам уже никогда не вернусь, а этого в жизни будет не хватать. Знание же английского и умение более или менее складно писать по-русски вполне могли пригодиться и в занятиях естественными науками. Что же касается музыки, то ей было решено отвести роль хобби. Так и получилось. Учась на радиофаке, стал играть в ансамбле, потом увлекся импровизацией и до сих пор импровизирую под настроение.

А.А. Когда и почему начал рисовать?

Л.П. Рисование поначалу даже не было хобби. Порой пытался нарисовать лица героев прочитанных книг или выдуманных персонажей, срисовать что-то с обложек музыкальных пластинок, но выходило не очень. И в задумчивости, слушая объяснения учителя на уроке или лектора на лекции, чертил какие-то геометрические фигуры в конце тетради, на полях учебника или на парте. Иногда при этом рождались узоры, орнаменты. Однажды взял и нарисовал странный геометрический узор на стене своей комнаты. В специальных альбомах рисовать, однако, не очень хотелось. Делал наброски в блокнотах, на черновиках, пробовал рисовать на упаковочном картоне гуашью. И так продолжалось довольно долго. И вот как-то раз мне показалось, что в нарисованных фигурах есть какое-то напряжение, эмоция. Как будто бы намек, загадка, привлекающая взгляд, и от этого даже ощущается некоторый внутренний подъем. Заметив это ощущение, я стал работать более целенаправленно. Картины, несущие эмоциональный заряд, развешивал дома, показывал родственникам и друзьям, кое-что дарил. Формально это были простые по форме, абстрактно-декоративные геометрические фигуры и орнаменты, но обладавшие, на мой взгляд, некоторой гармонией. Сделал небольшую выставку у себя на работе, а потом неожиданно мне предложили выставиться в помещении Законодательного собрания Нижегородской области. В основном та выставка состояла из работ, выполненных гуашью по упаковочному картону. Составляя резюме к той выставке, я, чтобы как-то определить стиль, в котором пишу, после некоторых раздумий назвал его «декоративным символизмом».

Картины «Фантазия с триколором» и «Внутренний аквариум»

А.А. Оригинальный стиль потребовал, по-видимому, и новой техники рисования?

Л.П. Поначалу это были просто линии, контуры, образующие абстрактные фигуры, которые иногда переплетались, накладывались друг на друга. Это была в большей степени игра с закругленными и заостренными формами в попытке понять, как они могут сочетаться. Фигуры раскрашивались обычно однородными цветами. Гуашь хорошо подходила для ровного покрытия. Со временем простые фигуры перестали рождать ощущение новизны, появились орнаменты, добавились фоновые элементы. Я стал использовать другие техники и краски, в результате чего в картинах появились экспрессия, символизм и, может быть, космические мотивы. Абстрактно-геометрические фигуры стали походить на насекомых, растения, птиц и даже людей. Появились сюжеты в ироничном ключе, а с недавнего времени намечился некоторый сдвиг к реалистичным образам. Чем закончится такое движение, не знаю. Быть может, я, как писал Пушкин, «Фебовы презрев угрозы, унижусь до смиренной прозы», и приду-таки к более традиционным сюжетам и техникам живописи, так сказать, с другого конца? А может быть, вернусь к абстракции и декоративному символизму или попытаюсь совместить все? Как говорится, время покажет.

Картины «Загадка» и «Встреча»

А.А. Общаешься ли ты с другими художниками? Какими способами находишь своего зрителя?

Л.П. Мне кажется, что художники, в отличие, скажем, от поэтов или музыкантов, меньше обласканы вниманием зрителей. Ведь вряд

ли услышишь на художественной выставке аплодисменты и крики «Браво!». Зрители в лучшем случае ненадолго задержатся у картины и пойдут дальше. Среди художников больше интровертов, как мне кажется. К ним принадлежу и я. Может быть, поэтому постоянного круга общения с художниками или близкими по творческому складу людьми у меня нет. Конечно, такой круг мог бы дать дополнительный стимул к творчеству. Но, по-видимому, он складывается в юности либо на совместных занятиях в художественных студиях. Я же пришел к изобразительному искусству довольно поздно и совершенно самостоятельно. Было несколько попыток брать индивидуальные уроки, но в том, что получалось под чьим-то руководством, я никогда не чувствовал того внутреннего подъема, который ощущаю от своих картин. Конечно, обратной стороной такой изоляции является относительная скудность технических средств, но таков мой выбор, плата за возможность работать, как мне вздумается, и экспериментировать с образами без чьей-либо подсказки. Выставляться удается крайне редко. Однако нынешнее широкое развитие Интернета и социальных сетей позволяет оперативно знакомить друзей и знакомых с фотографиями своих работ и даже иногда получать комментарии к ним, что, безусловно, радует. Еще отмечу, что последние несколько лет участвую в ежегодных выставках самодеятельных художников «Свобода творчества», организуемых в Нижегородском выставочном комплексе. Это замечательный проект!

Картины «Три сестры» и «Жизнь насекомых»

А.А. Есть ли взаимодействие между художественным творчеством и занятиями наукой? Занятия живописью – релакс или сосредоточение для возвращения в науку?

Л.П. В моем случае если и есть, то весьма отдаленное. Пожалуй, некоторая эстетика может проявляться в оформлении научного текста, в придании ему целостности. Но в общем абстрактное мышление, научный синтаксис и даже словесные виды искусства не очень сочетаются с изобразительным искусством. Когда я занимаюсь одним, то зона, ответственная за противоположный вид деятельности, «отдыхает». Можно сказать, что во время занятий наукой мой канал связи с подсознанием, откуда поступают образы и намеки, не выражаемые словами, ограничивает свою «пропускную способность». То, что поступает через этот канал, я могу преобразовать в художественные образы, которые по определению являются недосказанными, многозначными, что недопустимо для научного текста. Хотя, возможно, всё дело в опыте работы с таким каналом. Ведь мы знаем примеры, когда гениальные озарения приходили к ученым в моменты глубокого релакса, то есть непосредственно из подсознания. В каком-то смысле для этих великих ученых научное и художественное постижение мира сливалось в одно целое. Если же отвечать на последний вопрос, то мои опыты в рисовании – это иной вид сосредоточения, и, как любая смена деятельности, они дают отдых от научной деятельности.

А.А. В твоих орнаментах отсутствует симметрия.

Л.П. «Суша теория, мой друг...» Симметрия по сути суха, безжизненна и даже скучна в применении к художественному творчеству. Симметричный рисунок или орнамент хорош как средство украшения, например, бытового предмета, интерьера помещения и т.д. Разглядывать симметричную фигуру бывает полезно, например, при медитациях либо иллюстрируя какие-то абстрактные идеи. Но в такой фигуре нет напряженности, нет вопроса или загадки, она не является проекцией движения эмоций и чувств художника. Чтобы их выразить, нужно пытаться как-то исказить симметричные фигуры, по-другому расположить знакомые символы и знаки, вызвать небольшой сбой в программе устоявшегося восприятия, спровоцировать эмоциональный отклик, прежде всего у самого себя. Такая вот обратная связь получается.

А.А. Властвуют ли над твоим сознанием ассоциации из области физики (фазовые портреты, фракталы и т.д.)?

Л.П. Я понятия не имею, что на самом деле властвует над моим сознанием. Знаю, что идеи, мысли, образы, которые мы нередко считаем своим личным озарением, очень часто оказываются когда-то подслушанными, подсмотренными, а потом благополучно забытыми. А подсознание (правое полушарие, или интуиция) неожиданно нам их подсовывает. Так что возможно, что где-то увиденные фрактальные картины, либо фотографии с телескопа «Хаббл», либо просто переплетение ветвей деревьев отложились в памяти и таким образом «властвуют».

Картины «Осенние всплески» и «Букет»

А.А. В картинах «Осенние всплески» и «Букет» ощущаются сюрреалистические настроения.

Л.П. На мой взгляд, в них нет сюрреализма, но есть символизм (например, что-то похожее на кровь на листьях в «Букете») и декоративность. А вот «Загадку» и «Встречу» можно отнести к сюрреалистическим картинам. Вообще, я сюрреализм люблю. Конечно, все жанры по-своему хороши, но далеко не все мне доступны. Возможно, если бы я умел писать пейзажи или портреты, то работал бы больше в этих жанрах. Хотя для того, чтобы в них преуспеть, нужно долго учиться. А я, можно сказать, пошел по пути наименьшего сопротивления и начал искать что-то свое в стороне от проторенных путей.

А.А. Почему считаешь важным отказ от сюжета в картине?

Л.П. Видимо, имеется в виду реалистичный сюжет. Да, раньше так считал. Тогда я практически ничего не умел и пытался найти свое

«из того, что было» под рукой, вернее, в голове. В последнее время так уже не считаю. Развиваюсь потихоньку.

А.А. А как насчет детской мечты стать писателем?

Л.П. Думаю, что некоторым образом она реализовалась в моей профессиональной деятельности, а именно в написании научных статей. Хотя признаюсь, что в последние годы я начал сочинять четверостишия, в основном в ироническом ключе, и выкладывать их в Сеть. Но это уже совсем другая история.

А.А. Спасибо за интервью!

Беляков Сергей

ТЕКСТЫ ПЕСЕН ИЗ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОЕКТА BELSONG.COM

Радиофак госуниверситета – одна из особых «точек» для Нижнего Новгорода. Это не только кузница будущих ученых и инженеров, но и созвездие талантливых людей, «выстреливающих», в том числе, в весьма далеких от науки направлениях. Сергей Анатольевич Беляков – один из них. Отличник, обладатель красного диплома, младший научный сотрудник НИИ механики ГГУ – стандартное начало карьеры учёного. Беляков в течение двух лет работы подготовил кандидатскую диссертацию и уже готовился ее защищать.

Но время конца 80-х годов было лихое, и молодой ученый, умевший не только хорошо считать, но и чувствовать зигзаги экономики, стал банкиром. Двадцать лет он проработал в должности председателя правления банка. Правда, удел гобсека для русского человека и скучен, и неинтересен. «Делать» деньги – занятие примитивное, и он стал сочинять и записывать песни...

Не поленитесь, наберите в интернетовском поисковике BEL-SONG.COM. Это сайт музыкальных проектов Сергея Анатольевича. Загляните на него, не пожалеете. Вас очарует бас-профундо нашего героя, аранжировки, сделанные профессионалами своего дела – Еленой Ефимовой, Ириной Беляковой, Юрием Зининым и Альбертом Джафаровым, а также тексты историй любви в жанре интимной, интеллектуальной лирики...

Анатолий Абрашкин

Сергей Беляков

Танец

В бриджах и в синей пилотке
Лейтенант ВВС молодой
На танцплощадке к красотке
За пару дней пред войной:

*Позвольте на танец мне вас пригласить,
Поверьте, я вас так смогу закружить,
Судьбою вы посланы мне на пути,
Отбросьте сомненья и сопротивление,
Ведь вам от меня никуда не уйти.*

Война... Возвращаясь с задания,
Столкнулся с немецким звеном.
Один против трех – шансов мало
Ему уклониться, а он:

*Позвольте на танец мне вас пригласить,
Поверьте, я вас так смогу закружить,
Судьбою вы посланы мне на пути,
Отбросьте сомненья и сопротивление,
Ведь вам от меня никуда не уйти.*

Красива мужская отвага,
И чудо случилось опять.
Быстрее его мысль на полшага
И трудно пред ним устоять:

*Позвольте на танец мне вас пригласить,
Поверьте, я вас так смогу закружить,
Судьбою вы посланы мне на пути,
Отбросьте сомненья и сопротивление,
Ведь вам от меня никуда не уйти.*

* * *

Любви веревочки, канаты, ниточки,
И все концы у ней, у шантажисточки.
Я цепью связан с нею неразрывною,
А она со мной паутинкою...

Всё врут: количество рождает качество,
Ой, не выходит чуда из чудачества,
Всё жду, пока сама на шею бросится,
Только что прошло, то не воротится...

Припев:

*А ты внесла свой посильный вклад,
И жизнь моя превратилась в ад,
Хоть денег нет, и в душе разлад,
Но ты была, но ты была, я очень рад.*

Любви превратности, форпостом трусики,
Я ей сердце, она – хочу бусики,
Шубку и авто, раз отдалася,
В бедности росла, в бедности росла,
настрадалася...

Любовь с цветочками дружить пытается,
Того с корнем рвёт, кто не ломается,
Ну и что, что живой, долой веточки,
И веночек готов, и веночек готов,
здрасьте, девочки...

Припев.

* * *

Как много лет ушло на истины простые,
А знаю только, что не знаю ничего.
В одном уверен я, что горы золотые
Не стоят смеха твоего.

Благодарю богов, вы вправду постарались,
Как будто подглядев тайком мою мечту,
Тебя из моих грез, как радугу, создали,
Дав жизни неба красоту.

Припев:

*Ты в моей жизни номер раз,
Все остальное тоже ты,
Не оторвать влюблённых глаз
От воплотившейся мечты.
Я столько времени убил,
Зато я понял, в чем прикол:
Я не свою жизньню жил,
Пока тебя я не нашёл.*

Привыкнуть не могу,
Что это мне не снится,
Но я с тобой, как в сказке,
Летаю вновь и вновь,
Вот взмах твоих ресниц –
И новая страница
Нескромной сказки про любовь.

Припев.

* * *

А на улице дождь,
Добивает дождь снег,
Снег давно обречен,
Дождь великий стратег,
Так бывает весной,
И так будет со мной,
Ты – как дождь, я – как снег,
Меня в будущем нет.

Припев:

*А дождь идёт, а дождь идёт,
А сердце всё чего-то ждёт,
А сердце глупое моё
Все чуда ждёт,
Но нет его...*

Не привыкну никак,
Что теперь ты мой враг,
Но любовью плачу
Своему палачу,
Разоренной страной
Я склонен пред тобой,
И удушьем тоска
Непривычна пока.

Припев.

Ох, не зря, ох, не зря
Снег боялся огня.
Красотою своей
Ты согрела меня.

Припев.

* * *

Женщина – не вовремя, женщина – проблема,
Кабала, несчастье, всех богов замена,
Женщина – напасть, беда, бедствие, разлука,
Женщина – любить нельзя, сладостная мука.

Припев:

*И снова осень на дворе ломает пальцы лета,
А у меня душа болит, ей не хватает света,
Твоих лучистых, нежных глаз, любви твоей огня,
И тонких рук, и сладких губ, целующих меня.*

Женщина – наоборот, пагуба, бездолье,
Приговор – ни дать ни взять, свечка в изголовье,
Наказание, болезнь, крест мой, злоключенье,
Горе горькое навек, всех надежд крушенье...

Припев.

* * *

Казалось мне, в любви всегда
Играют люди в поддавки.
Моя задача уступить тебе,
Чтоб ты могла набрать очки.

Но оказалось всё не так,
И в голове моей бардак,
Та, за кого я жизнь легко отдам,
Прикиньте-ка, теперь мой враг.

Припев:

*Иду в ломбард, сдаю глаза,
Любовь на деньги покупаю,*

*О, лучше бы я память сдал,
Но память там не принимают...
Всех сравниваю я с тобой,
А что мне делать остается,
Дурак без сердца и без глаз
К нормальной жизни не вернётся...*

*Желанья исполняя смело,
ты всё решила за двоих,
но я хочу, чтоб ты жалела
о тех решениях своих...*

*Да, мы с тобою не друзья,
у нас другой тип отношений,
И я, отнюдь, не обещал тебе
быть жертвою твоих решений.*

Припев.

* * *

*На асфальте я несмело
Нарисую воздух мелом,
Он сотрется, но он был.
Я дышал, любил.
Я тебя везде рисую,
Потому что я тоскую,
Океан из пустоты
В моей жизни ты.*

Припев:

*Мне тебя не удастся забыть никогда,
Ни за что никогда не забыть,
День за днем превращая мгновенья в года,
Я тебя продолжаю любить.*

Грусть и боль – дитя разлуки,
Поднимаю к небу руки,
Не подумай, что молюсь,
Просто я сдаюсь.
Без тебя мне жизнь постыла,
Слишком серо и уныло,
Всё, что знаю о себе:
я хочу к тебе.

Привев.

Молитва

Не дай мне Бог опять влюбиться,
Убереги от доли злой,
Дозволь мне жизнью наслаждаться
С моей красавицей-женой.

Неспешно сердце заживает,
Вновь к жизни возвращаюсь я,
Мне снова радость доставляют
Семья, работа и друзья.

Клянусь, я общества прелестниц,
Как рыба сети, избегать,
При виде женщины красивой
Глаза до полу опускать.

Но если раб твой неразумный
Начнет по глупости блудить,
То накажи меня, как хочешь,
Но смилуйся, не дай любить.

Не дай мне Бог опять влюбиться,
Убереги от доли злой,

Дозволь мне жизнью насладиться,
Пусть будет мир в душе, покой:
Забыть ее хочу, Бог мой...

А.А. Абрашкин

У ЛЮБВИ НЕТ ЗЕМНЫХ КОРНЕЙ

* * *

Изысканный тургеневский язык,
Изящества такого мы не знали,
Но разум наш мятежный не привык
Любви осколки разбирать в финале.

Как дети совершенства и добра,
Мы всюду ждем счастливые развязки,
Но повести житейского пера
Сюжетами не повторяют сказки.

Изведав все превратности любви,
Их омуты вниманьем удостоив,
Писатель, как галантный визави,
Смирненно выбрал путь своих героев...

Сергей Есенин

Женщина в жизни
каждого мужчины всего лишь одна.
Коко Шанель

Страны березового ситца
Неподражаемый певец.

Сама Небесная Царица
Сплела избраннику венец.

На полотне просторов Млечных
Искать её следы любил,
Но среди сонма женщин встречных
Единственной не находил...

* * *

В ином стихе живёт мечта
И светит откровение,
А рифм удачных красота
Влечёт, как сновидение.

О Незнакомке грезил Блок,
Слепив фантазий детище...
Но ожиданья – это рок:
Садись и пей, Поэтище...

Ведь та желанная, дыша
Духами и метелями,
Уж удалилась не спеша
С другими менестрелями...

* * *

Я всё думаю
о Маяковском,
Как безумствуют соловьи?..
И по нервам
дробят
отголоском
Его строфы про сущность любви.

У любви
нет земных корней,
Бродит она
космически,
И не властен
никто над ней –
Ни морально,
ни юридически.
Кто-то скажет с презреньем в упрёк,
Мол, супружество,
узы,
Но какой от поэта прок,
Если не слышать Музы!?
– Вышло так, –
и это ответ,
Злопыхателей к чёрту рвение!
Звезд упавших нетленный свет
Зажигает в нас ослепление.

Красное и чёрное

Я дверь ума сорвал с петель,
Гадал и не угадывал,
Как дьявольски Жюльен Сорель
На чувства грим накладывал.

Не прилагая сил, пленял
Томящуюся душу
И отстранённо наблюдал,
Как рвется страсть наружу...

А женщина цвела стократ
От томных глаз красавца,
Не замечая маскарад
И деспотизм лукавца.

Но жизнь не льется через край,
Венец любви – минорное:
Он в ад попал, отведав рай,
Из красного да в черное...

* * *

В жизнь господина Бовари
Вникал до проблесков зари,
Гадал, какая сила
Его вконец сгубила?

Не лицемер, не пустозвон,
Жене послушно вторил он,
Капризы жен, как сома,
Их мненье – аксиома.

Мишень Амура-лучника,
Чтил кодекс подкаблучника
И потакал романам,
Потворствуя обманам...

Его любовь безмерная,
Неброская, но верная,
Снесла победно муки...
Он умер от разлуки.

* * *

У короля Артура
Красавица-жена,
Роскошная фигура,
Приветлива, нежна.

Кто раз ее приметил,
Тому уж не забыть

Заманчивые сети,
В какие не заплывать.

Но страсти нет закона,
Любовь – желанный плод!
Презрев запрет канона,
Влюбился Ланселот...

Что дальше приключилось?
Как рыцарь дожил век?
Ах, что бы ни случилось,
Был счастлив человек!..

* * *

Вот уж Святки половину
Время съело без следа,
Только солнца нет в помине,
Утро мрачно, как беда.

Затуманилась округа,
И пропали небеса.
Будни жизненного круга,
Как мельканье колеса.

Чтобы вырваться из ленты
Одноцветного кино
И включить её фрагменты
В красочное полотно,

Все дела свои отброшу,
Наварю кастрюлю щей,
На тарелку припорошу
Натюрморт из овощей.

Позову жену-подругу,
Выпьем самое чуть-чуть,
Под мятущуюся шугу
Хорошо тогда вздремнуть!

Ох, Обломов, русский гений!
Счастье жизни ты познал:
Радость солнца появлений
Ты в могучих снах искал!

*Счастье жизни ты познал:
Радость солнца появлений
Ты в могучих снах искал!*

С.Б. Шустов

Отрывки из книги

«ПРОГУЛКИ С ОБЛАКАМИ»

(миниатюры о русской природе; рисунки автора)

ЛЕТУЧАЯ КОШКА

За нелетучими мышами охотятся нелетучие кошки – это ясно всем. Но за летучими мышами, в таком случае, должны хотя бы пытаться охотиться летучие кошки. Я в душе всегда полагал, что так должно быть устроено в природе. И вот вчера мне вроде бы удалось найти этому подтверждение.

Дело было на взгорке, среди больших, еще по-майски полупустых лугов и травянистых болотин. Я гулял по этому любимому мною взгорку: с поросших молодыми сосенками и буйным люпином высоток далеко было видно во все стороны – и как садится кровавый диск за далекие леса, и как густеет синева в прямо противоположной от посадки светила стороне. Усилился комариный гуд. В складках люпиновых листьев появились первые алмазы вечерней росы.

Далеко за рекой было слышно, как гремит подойник и мычит корова. Зажглась первая звезда. С болотистых низин потянуло свежестью и ароматом новой сырой травы. Шурша люпином, раздвигая соновые лапы, я бродил по взгорку, отмечая события угасающего дня и стараясь запомнить их последовательность.

Вот пронеслась зигзагами и первая летучая мышь. И тут же в небе мякнула кошка! Это было настолько неожиданно, что я забыл обо всем, и так, вцепившись в колючий загривок сосенки, простоял минут десять, вертя лишь головой.

Мышь пролетела вновь. И вскоре снова замяучила надо мной кошка. Вопль этот был, честно говоря, не совсем кошачий – какой-то очень уж слабый и жалобный. «Несолидная какая-то кошка, – подумал я, – но зато – летучая !»

И тут наконец я ее увидел: серебристая сова, подкрашенная к тому же садящимся светилом каким-то дивным розовым цветом, летала надо мной и жалобно мяукала. Она летала совершенно бесшумно, как, собственно, и полагается передвигаться кошкам, и было такое впечатление, что я потерял разом слух, так как сова четко и равномерно совершала взмахи розово-серебристыми крыльями, а звука не было!

Пока я бродил по взгорку, сова кружила надо мной, беспокоясь за гнездо, спрятанное где-то здесь, в гуще люпина. Теперь она мяукала чаще и настойчивее, а вскоре поодаль с теми же причитаниями залетала и вторая. Я поспешил ретироваться из их вотчины, как бы ни было приятно мне слышать этот удивительный кошачий звук с небес.

Совы осмелели и подлетали близко. Было заметно (точнее, чувствовалось), какие они пушистые и мягкие. Я видел их загадочные кошачьи глаза, и даже маленькие ушки на тупых «котеночьих» физиономиях мне удалось разглядеть. Да, это были настоящие летучие кошки – с коготками, с ушками, с громадными глазищами, с мягким пухом и бесшумными повадками. Кроме того, они прекрасно умели мяукать!

Уже подходя в густых сумерках к деревне и продолжая сравнительный анализ сов и кошек, я обнаружил главное отличие, которое несколько поколебало всю замечательно сложенную мной цепь аналогий и заключений. Ведь летучие кошки не ловят летучих мышей!

Но я оставил, однако, для себя допущение, что где-то, когда-то, может быть, летучая кошка (если будет у нее подобающее настроение!) поиграет в вечерющем небе с летучей мышью в догонялки!

УРОЖАЙ ВИШНИ

Случающийся, как правило, каждый третий год небывалый урожай вишни в нашем саду влечет за собой множество последствий. Мне совершенно не хочется говорить о ценах на сахарный песок, несколько стесняющих процесс заготовки компотов и варений; о лестницах, которые, несмотря на все мои ухищрения, никак не могут достать до вишневых макушек, отягощенных плодами; о царапинах, о перепачканной одежде, а также о прелестях консервирования.

Гораздо интереснее просто войти в сад и, затаившись в траве, понаблюдать за его обитателями.

Уже одного дня бывает достаточно, чтобы установить следующее: вишню в основном собираем не мы. Факт этот, быть может, печален для нашей семьи, но когда я вижу, как ватага шустрых воробьев налетает на спелый куст и устраивает там пиршество с лихим ухарством и перебранкой – я не могу удержаться от смеха. Впрочем, в соседнем саду воробьев шугают владельцы вишни, – и там эти широкие натуры ведут себя скромно и застенчиво. Вполне вероятно, что наш

вишенник эта братия считает своим законным, а уж в соседские пределы они летают в гости. В гостях же, как известно, дебош неуместен.

Вторая категория ворюшек представлена дроздами-рябинниками. Если воробьи шумят и игнорируют в нашем лице подлинных хозяев сада, то дрозды поступают более расчетливо. Они стремятся залететь в кущи незаметно, а там

скрытно и осторожно трапезничают, лишь изредка сыто квохча, когда, должно быть, попадаетея особо сладкая ягода.

Воробьи напоминают мне чумазых, встрепанных пацанов, гурьбой ввалившихся в чужой огород, и наспех, без разбору, с визгом и суетой похватавших, что под руку попадет. Они надеются на свою прыть – «убегем, дескать... не догонят!» И, когда я приближаюсь к их крикливой стайке подозрительно близко, один, наверное, самый бойкий и смысленый, дает сигнал – и вся толпа, чирикавая, суматошно летит на дальний забор. Там они сидят на штакетнике (на каждой штакетинке – по одному бойцу) и минут 10 или 20 (в зависимости от того, насколько далеко удалился от их закуской этот нахал в линялой футболке) оживленно обсуждают свое бегство:

« – Как мы здорово ссыпались! Небось, он сам напугался! Вон, уходит, уходит! Ну, мы сейчас опять доберемся!..»

Другое дело – дрозды. Они похожи на уже созревших, желающих казаться степенными, юнцов, которым захотелось вдруг «монастырских яблок». В сад они лезут тихо, на сучочках сидят чуть дыша – и уж тут каждый сам за себя! Одному заблазнилось – сорвался и был таков. А другие затаились и вертят головами. «Что такое?! Что за шум?! Вроде все спокойно...» Иной раз всех уж распугаешь, а потом приглядишься и видишь, как в глубине куста сидит, весь напряженный и словно окаменевший, последний разбойник, надеясь, что не заметят. Лишь бусины глаз неотступно следят за каждым моим движением да в клюве ягода зажата – не успел проглотить.

СОВЫ И ЖАВОРОНКИ

Людей принято делить на «жаворонков» и «сов». С точки зрения последних, такая классификация не совсем отвечает истине. Ранним утром совы бодрствуют. Сумеречной активностью может похвастаться козодой, так что и он, пожалуй, даже более, чем совы, претендует на роль полуночника. Что касается ранних птах, то и здесь жаворонок отнюдь не единственный лидер, и садовая камышовка может дать ему прохладным росным утром солидную фору по времени пробуждения.

Впрочем, садовая камышовка не годится для людской символики, так как вряд ли найдутся люди, вскакивающие с кровати с неистребимым рвением и желанием работать в три часа ночи. Мы, и «жаворонки», и «совы», спим, когда камышовка, облюбовав гибкий пруттик краснотала, уже пробует свой чистый голосок. Буйную импровизацию над дымящимся от тумана лугом, где капли росы отяжелили листья дербенника и мяты, птаха прерывает лишь затем, чтобы закусить дребезжащим над головой комаром. «Ти-вит, ти-вит, ти-вит, чек-чек-чек, ти-вит, чек-чек...» – старательно выводит бесконечную фразу камышовка в клубах тумана, а мы, люди, спим, как спят еще и полевые жаворонки, и уже затаиваются в чащах совы.

В июньских луговых сутках нет «мертвого часа» благодаря стараниям бессонного трио: соловья, речного сверчка и садовой камышовки. К семи часам их сменяют жаворонки и трясогузки, а в полдень, когда высохнет роса на узорчатых листьях ольхи, дикие выюнки вдоль проселков раскроют свои чуткие граммофончики, чтобы послушать стремительное глассандо стрижей и легкое пиццикато ласточек.

Полдень. Знойное марево колыхнется над бурыми «эскимо» розга. Ничто, кажется, не в силах противостоять испепеляющему солнцу – и глаз слепит, и голос сушит. Но помните? У луга нет «мертвого часа»! Пусть ночные песни соловья и камышовки звучнее, зато луговой чекан и дубровник занимают арену в самые трудные, «жаркие» минуты. Если бы чекан мог говорить, он непременно бы удивился людскому чудачеству – прятаться в тень от жгучего солнца!

И уж совсем бы расстроился коростель, узнав, что не его, а бесстыдную кукушку человек избрал прорицателем своей судьбы. В самом деле, как часто испытываем мы разочарование, отсчитав порой

всего пять-десять неутешительных «ку-ку». Само кукование лживо в своей основе: оно ведет к обману. И отлучившийся на минутку от гнезда чекан будет тянуть потом лямку воспитателя прожорливого подкидыша.

Зато коростель – клад для легковверных! Он всегда оптимистичен в своих прогнозах: вы собьетесь со счета, слушая его скрипы в ржаном поле. Он наобещает вам тысячу лет с довеском – пока не высохнет роса. Жаль только, что люди ночами спят.

ЧОМГА

Мы попали на Большое озеро поздней осенью. По утрам лужи закрывало игольчатым льдом, и когда мы шли песчаной лесной дорогой к дальнему озеру, лужи мелодично звенели под ногами. Кроме звонких луж, в лесу еще обитали синицы – шустрые москочки и белоснежные, с черными длинными хвостиками, ополовнички. Они звенели еще мелодичнее, чем ледяные лужицы на песчаной дороге, они перелетали вслед за нами по обочинам, роняя с осинок последние бронзовые листья, и блестящими бусинками глаз удивленно косились на пришельцев. Кроме этих любопытных синиц, в лесах, казалось, не было ни души, и лишь высоко в холодеющем небе черной кляксой маячил одинокий ворон.

Было тихо и как-то торжественно, словно все обитатели, попрятавшиеся сейчас кто куда, ждали только сигнала, чтобы выйти из своих убежищ и оживить песнями и суетой этот тихий и задумчивый лес. Но мы знали, что ничего такого не случится. Разве что надвинется рыхлое облако, запорхают в воздухе белые мухи, засыплют песчаную дорогу, и еще тише и мертвее станет в замерзающем октябрьском лесу.

Над озером стояли те самые рыхлые мрачные облака, которые предвещали снег. Озеро дышало тяжело, как больной в бреду. Вода была холодна и тускла, словно ртуть. На далекой середине этой темной и грозной массы воды белели барашки волн.

Мы скинули рюкзаки, и, стоя на высоком, подточенном волнами лесистом берегу, любовались величественной картиной буйной стихии.

Осеннее озеро это казалось еще безжизненнее, чем лес, из которого мы только что вышли. Ветер крепчал и срывал с волн брызги, бросая их в наши лица. Сосны мерно и гулко шумели по песчаным буграм. «Но рыба здесь есть!» – прокричал мне сквозь гул ветра и шум сосен приятель, словно угадав мои мысли.

К вечеру воды успокоились, и огненно-красный закат тревожно вспыхнул на горизонте. Мы отправились проверять свои донки. Отчужденная тишина владела этим миром сосен, песка и воды. Желтые листья осин и берез лежали в заливах и не тонули. Ни души вокруг. Только сосны, песок и вода.

Неожиданно я увидел, как на волне, недалеко от меня, качается черный предмет. Он двигался и вдруг совершенно внезапно и бесшумно ушел под воду. Через несколько секунд он появился уже ближе, и я разглядел черную рогатую птицу с острым клювом и гибкой шеей. Это была чомга, замечательный ныряльщик и ловец рыбы.

Вскоре появились вездесущие чайки и устроили концерт над остатками рыбы, которые мы выбросили на берег, к воде. Чомга уплыла дальше – крохотной точкой она чернела на середине озера; должно быть, ей не по нраву было соседство крикливых и суетных чаек. А чайки, избалованные легкой наживой, открыто попрошайничали у нашего становища. Целыми днями они дежурили около того места, где мы мыли посуду и чистили рыбу, и по утрам следы их перепончатых лап на холодном песке свидетельствовали, что ни одна крошка с нашего стола не пропала даром.

Чомга тоже появлялась у нашего берега каждое утро. Мы наблюдали за ней прямо из палатки, поставленной высоко над обрывом. Но стоило нам только показаться на берегу и спуститься к отмели,

как осторожная и хитрая птица исчезала, словно подлодка, бесшумно погружаясь в воду. Она, казалось, могла быть под водою целую вечность – и пока мы напряженно ждали, когда же она вынырнет вновь, отважная чомга появлялась черной точкой уже далеко, проплывая под водой громадное расстояние.

Мы полюбили нашу чомгу, которую называли Люлей. Каждый из нас помнил из детства сказку Бианки о Люле-нырце, добывшем для зверей и птиц во время потопа комочек земли со дна моря. Правда, Люля поплатилась за свою дерзость – капельки крови навсегда застыли у нее на остром клюве. Не раз мы пытались рассмотреть нашу соседку поближе, чтобы удостовериться, что сказка права. Но осторожная Люля была начеку и при малейшем подозрении уходила под воду.

Чайки между тем совсем привыкли к нам и визгливыми криками будили нас утром, требуя, очевидно, завтрака. Они разбойничали у забытой на отмели рыбы, путали донки, брошенные на песок, и ожесточенно ругались из-за хлебной корки. Они словно забыли про озеро и даже страшились его. Лишь поднимался ветер и сосны начинали монотонно гудеть по берегам, чайки жались в кучку на песчаных отмелях и жалобно стонали, сетуя на непогоду. Даже мы тогда спешили к своей палатке или отогревались у костра.

Не такова была лишь наша Люля. Среди разбушевавшейся стихии, меж свирепых волн, грозящих захлестнуть с головой, смелая птица плыла себе как ни в чем не бывало, ныряла и вновь появлялась на поверхности, словно бросая вызов ветру и буре. Она не жалась в страхе к спасительному берегу. Наперекор стихии она стремилась в самую гущу водоворотов. Тяжелые облака бешено неслись над озером, клочья пены взлетали над белой волной, а наша Люля преспокойно ловила рыбу, ныряла, вертелась волчком – и столько изящества, и столько ощущения собственной силы было в ее ловких движениях, что мы любовались ею из палатки до тех пор, пока не падали сумерки и дожди не застилали горизонт.

Это был ее мир, в нем она жила, и только в нем она могла жить – мир бешеных волн, необозримой холодной воды, упругого ветра и всплеска рыбы, поднимающейся из глубин. Этот мир был чужд нам, людям. Он страшил нас, был неуютен и мрачен. Чайки тоже покинули его. Они разленились, превратились из вольных охотников в жажду-

щих легкой наживы приживалок. И лишь гордая чомга была единственной владычицей этого яростного мира, одинокой хозяйкой этой безбрежной воды.

Мы хотели подружиться с чомгой. Каждое утро мы бросали в залив мелкую рыбешку, но Люля не обращала на приношения никакого внимания. Она, как истинный рыбак-добытчик, доверяла только себе и, наверное, презирала в душе попрошаек-чаек. Она уже не боялась нас и не уплывала далеко, на середину озера, как прежде, но все же мы чувствовали, что между нами есть невидимая граница, которую птица никогда не пересечет, как бы мы ни старались, – настолько независимой и вольной была наша Люля.

Однажды на озере появился орлан-белохвост. Я проверял щучьи донки, когда услышал истошные вопли чаек, и, обернувшись на крик, увидел над заливом темный силуэт. Должно быть, могучий хищник в последний раз в этом сезоне облетал свои владения. Чайки словно сошли с ума, они металась испуганной стаей у берега, кричали и били крыльями по песку. А где же Люля? Всматриваясь в темные воды озера в бинокль, я заметил чомгу у выхода из залива, на ее излюбленном месте лова. Птица словно не замечала опасности.

Орлан же, однако, заметил Люлю и стал снижаться. Круги его полета становились все уже и уже, и вот он уже устремился вниз, на черное пятнышко, качающееся на волнах. Я затаил дыхание от волнения. Бедная Люля! Она погибла! Она даже не пыталась лететь и все так же качалась на волне, словно не видя ничего вокруг себя. И в тот момент, когда, казалось, ужасные кривые когти орлана железной хваткой должны были неминуемо сжать тельце чомги, Люля бесшумно ушла под воду. Орлан забил крыльями, гася скорость, и долго еще летал в недоумении над водой. Ай да Люля! Не просто обманула могучего хищника, а еще и поддразнила! Орлан был, очевидно, специалистом по уткам и, бросаясь сверху на них, пугал, заставляя их подняться в воздух. А там уж была его стихия. Люля осталась верна воде. И вода спасла ее...

...Весной мы вновь побывали на Большом озере. На воде цвели белые лилии, и багульник одуряюще пах по берегам. Я вспомнил нашу гордую Люлю, и ноги сами привели меня к тому заливу, где осенью, в предзимье, любила нырять и резвиться чомга.

Стояла тишина, и над умиротворенным озером плыл запах белых лилий, багульника и сосен. Я сидел под обрывом, на отмели, и наслаждался этой озерной тишиной. И вдруг из глубины залива появилась какая-то птица. Она плыла медленно и величаво, то влево, то вправо поворачивая свою изящную голову с острым клювом. Черные перья-рожки, белые щечки – все это сразу выдавало в ней чомгу. Да, это была, без сомнения, она, наша славная Люля. Чомга плыла мимо, и мне показалось, что она заметила меня, но не испугалась, словно узнав во мне старого друга.

Она плыла как-то особенно плавно и бережно, словно боясь потерять тот кусочек земли, который в бианковской сказке она достала со дна моря на счастье бездомным зверям и птицам. И тут я заметил сам, что на черной спине нашей гордой и смелой Люли сидят четверо пушистых полосатых птенцов и, как малые дети в лодке, вертят, любопытствуя, своими головками во все стороны.

Какое-то странное теплое и щемящее чувство охватило меня, и стало так хорошо и светло на душе. Мира и удачи тебе и твоим детям, смелая Люля! Удачи и мира!

ПОСЕЩЕНИЕ

В сумерках на Черное озеро опускаются два лебедя-кликуна. Они отбились от стаи, летящей уже который день с теплых прибрежных лагун Северной Африки. Лебединый путь лежит в Тиманскую тундру, туда, куда сейчас, преодолевая усталость в крыльях, летят сотни и тысячи их собратьев, перезимовавших в Англии и Дании, Малой Азии и низовьях южноевропейских рек, подхлестывая себя трубными криками.

Уже звезды высypали на холодном небе, когда под двумя могучими птицами матово сверкнула вода. Лебеди делают полукруг над озером и шумно опускаются на поверхность, поломав нежную корочку льда.

Из года в год над этими местами держали перелет на родину их далекие предки, следуя поворотам Вяшеры, а далее больших северных рек, проплывающих синими лентами под крылом. Вырубались и

редели леса, реки меняли русла, рождались новые цепочки озер и исчезали старые, а птицы следовали изменениям на лице беспокойной, переменной Земли, запоминая все то, что помогало им в Великом пути к дому.

Черное озеро лежит все же в стороне от проторенной поколениями дороги. Западный циклон внес свои коррективы в навигационный маршрут отставшей пары, а усталость и голод заставили птиц сесть на незнакомый водоем. Никто не видел, как два прекрасных лебедя плыли по черной воде и как дробилось лунное отражение под мощными гребками их пупырчатых лап.

Старый самец плыл впереди и слева, изредка окуная голову в студеную воду, словно охлаждая свою неукротимую энергию. Усталая самочка отставала, больше отдыхала, набираясь сил перед новым долгим испытанием. Черное озеро молчало, луна совершала неспешно свой обход небосвода – и терялась в тумане, поднимающемся из заливов, с воды.

Когда звезды стали тускнеть, а клубы тумана скрыли береговой лес и тростники, лебеди с шумом снялись, долго хлопая по воде крыльями, и в туче брызг, в разбеге, набрали скорость для взлета. Громкий трубный крик прокатился в дальний залив, ударил в заросли тростника и запутался меж стеблей. Словно прощаясь с гостеприимным озером, лебеди сделали круг над водой и полетели неспешно на фоне сереющих, неясных в свете тусклого утра сосен, а затем поднялись выше – и нарождающийся юго-восточный ветер стал им верным попутчиком.

Это было посещение. Незримыми инопланетянами, невиданными чужаками вторглись в этот спящий мир могучие птицы, всколыхнув волну. Что чувствовали они, мерными взмахами полуметровых крыл осеняя необозримые синие дали под собой внизу? Зов ли древних плейстоценовых братьев? Дыхание ли северного холода впереди? Или, быть может, они внимали инструкциям вечных звезд Большой Медведицы?

...Лесничий идет посмотреть уровень Черного озера: не затопило ли осинник в Щучьем заливе? Прошлогодний прелый лист шуршит под сапогами на оттаявших местах. Приземистая карельская лайка Буян носится между деревьев, радуясь прогулке и морозности утра. Гнусаво «тэкают» синицы-московки в молчаливом ельнике.

Ранняя торопливая весна прибавит дел. Ждут рубки ухода 34-й и 36-й кварталы, раньше начнется подсочка сосняков на Западном мысу, а многое еще не готово. Пользуясь большой водой, понаедут на Пестовы озера браконьеры...

...На берегу Щучьего залива лесник поднимет прибитое к кочкарнику волной широкое белое перо, отряхнет от сырости, огладит, расправит на пожелтевшей от табака ладони. «Не иначе лебеди посетили нас», – взволнованно подумает человек и, цикнув на любопытного Буяна, спрячет перо в карман тужурки. «Однако, брат, добрая примета!»

ПРОЛЕТ КУЛИКОВ

Мы с другом кольцевали птиц на песчаной речной косе. В небесах над нами шел великий весенний пролет. Громадные стаи гусей гоготали в солнечной вышине, величаво проплывали лебеди, подбадривая себя трубными возгласами, быстрыми взмахами маленьких острых крыл гнали себя в сторону тундры табунки уток и куликов.

Мы поставили на высокие шести ловчие сеточки. Мы знали, что пролетные стаи держатся русел крупных рек как ориентиров в своем ежегодном движении с юга на север. Мы планировали кольцевать прежде всего куличков. Вряд ли бы громадные гуси и величественные лебеди снизошли до нашего уровня со своих высот. Поэтому мы надеялись прежде всего на летящих ночью мелких птах.

В первую же ночь легкая пелена облачности закрыла от нас звезды. Там, за облаками, летели на север кулики. Мы

слушали их тревожное цвирканье крыл, жгли маленький костер на песчаной речной косе и кипятили чай в жестяной банке из-под зеленого горошка. Два мира существовало в эти часы на земле. В одном мире – верхнем – летели на север кулики, и, возможно, их сопровождали звезды. Мы не видели звезд, но нам почему-то казалось, что кулики увлекли их за собой на север и что, когда раздвинется облачная пелена, мы не увидим знакомых созвездий, а будет лишь пустое черное небо. В другом мире – нижнем – сидели у костерка двое озябших людей и молчали, слушая пролетающих сверху невидимых куликов.

И я подумал тогда, что однажды природа решит и вдруг отделится от изнуряющего ее человека непроницаемой пеленой, и никогда более не соприкоснутся эти два мира – мир звезд и летящих на север куликов и мир озябших и усталых людей. И мне стало жутко.

Однако утром стало вновь тепло, ледок на реке к полудню растаял, и даже бабочка крапивница посетила наше кострище. Мы дали попробовать ей сахарного сиропа. А в сеточку неожиданно попал чудесный кулик веретенник. В ладонях он вел себя смиренно и доверчиво, а мы старались как можно более осторожно и нежно закрепить у него на пупырчатой лапке орнитологическое кольцо. Потом, когда трепетный комочек, расправив крылья, взмыл вверх, нас отпустила мучившая два дня необъяснимая тревога – и в объединившемся мире все стало на свои места. В эту ночь звезды не прятались от нас. И хотя от этой открытости случился крепкий мороз и нам пришлось искать большой выворотень для костра, было радостно видеть на диске луны стаи торопящихся на север и переговаривающихся в полете куликов.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАРЯНКА

День встал передо мной мрачным и промозглым. Не хотелось выбираться из натопленного дачного домика на волю. Иней присыпал крыльцо. Ветра, северный и западный, боролись между собой и спорили в голых ветвях тополей. Чаще побеждал северный. Он гнул нашу ветлу в доказательство своей силы, и ветла противно скрипела, словно жалуясь мне на незадавшийся день.

Но сад не мог больше ждать. Запущенные, брошенные на произвол судьбы прошлыми хозяевами, яблони уже настолько заплелись «сами за себя» в какие-то нелепые косицы, что просто задыхались. Пила и топорик, брусок садового вара поджидали меня. Их я припас с вечера. Металл топора был ледяным. Пила тоненько, как голодный щенок, взвизгивала на морозе. Вар же пришлось заносить обратно в дом и отогревать. Он никак не хотел намазываться на свежие спилы сучьев, коробился и крошился. День не нравился даже неодушевленным предметам.

Когда работаешь пилой, а равно и топориком, рано или поздно становится жарко. С удивлением вдруг обнаруживаешь, что пора вроде бы и куртку сбрасывать. Я опиливал старые сучья, а яблоня полегоньку, потихоньку распрямлялась, выпрастывала, словно руки из связанных рукавов, свои сучья, выпутывалась из чащобы собственных веток. «Вот ведь как все устроено, – думал я, орудуя пилой и отдуваясь от летящих мелких, словно пыльца, опилок, – дикое дерево никогда бы так не «заплелось», не «закрутилось»! Другое дело – яблоня. Избаловал ее человек. Не может она без него. Все ждет какой-то помощи. Как непутевая собачка. Или волнистый попугайчик. А дай ей волю – погибнет. Зачем так?!»

Топор и пила теперь уже пели по-иному. Они тоже разогрелись вместе со мной. Вот только вар все противился и никак не желал замазывать свежие срезы. Приходилось долго разогревать его в руках, мять в ладонях, а затем быстро втирать, словно ревматическую мазь, в болячки старых деревьев. Я чувствовал себя то хирургом, то садистом, то каким-то кулинаром, пытающимся печь пирожки на морозе. То вдруг представлялось, что – зря я все это затеял. И что садовый вар упирается, противится неспроста! Погибнут яблони. Не вынесут «омолаживающей» обрезки. Слишком старые и больные. И сердце тревожно вздрагивало. И я опять обращал внимание на борьбу ветров в верхушках тополей.

Холодно и неприятно выглядел теперь мой сад. Пусто было в нем. Окончательно побежденный западный ветер упал с вершин тополей и теперь крался понизу, внезапно нападавая на меня и ударяя недопиленными ветками по рукам. Он тоже явно считал, что лучше бы мне сидеть дома. И тут я увидел зарянку.

Оранжевогорлая птичка промелькнула, как мышь, в грядке спиленного хвороста. Затем вынырнула оттуда и уселась на черенок воткнутой в замороженную грядку лопаты. Тихое «цы-цы» словно предназначалось мне и служило напоминанием, что предстоит еще и огород вскопать «под снег». Зарянки всегда любопытны, и эта явно решила познакомиться со мной.

Это была последняя осенняя зарянка. Злой ветер ерошил перышки у нее на грудке. И она решила вновь спрятаться в грядке хвороста. Пока я опиливал яблони, передвигаясь со стремянкой от одного дерева к другому, зарянка следовала за мной и проверяла каждую новую кучу удаленных сучьев. Не пропускала она и срезы, сделанные пилой и ножом. Она поклевывала замазку из садового вара, деловито заглядывала в трещинки от содранной коры – перелетала на новый «объект». Птичка словно бы проверяла качество моей работы. Изредка она тихо произносила свое «цы-цы», но мне было неизвестно, что это обозначает – одобрение ли, неудовольствие ли результатами моих трудов... А я все ждал от нее знака похвалы. Верилось, что зарянка лучше меня знает, напрасна моя затея или все-таки не зря затеял я «облагораживать» старый осенний сад...

Мне стало веселее работать. Спиной ли, боковым зрением, но я все время ощущал, как птица следит за мной и шныряет где-то рядом. Сад не казался уже таким пустым и печальным. Иногда зарянка подлетала совсем близко и даже один раз попыталась заглянуть мне в лицо. Но потом, робко «цыкнув», застеснялась чего-то и вновь спряталась в сучья.

Мы трудились вместе с зарядкой полдня. Она сопровождала меня повсюду, подбадривая и себя, и меня своим мелодичным цыканьем. Птичка строго проверяла спилы, обследовала все, что я напил, возвращалась к уже обработанным деревьям и словно что-то подправляла там. «Мне здесь встречать следующую весну, – как бы

говорила всем своим поведением зарянка. – И я должна убедиться, что сад будет в порядке!» И поэтому я старался всюю!

Потом жена позвала меня обедать в теплый дом. Зарянка отказалась идти со мной. Отряхивая рукавицы на крыльце, я наблюдал, как птичка замерла на яблоневои пеньке в ожидании. Ей явно еще хотелось поработать. Она укоризненно смотрела на меня черными бузинами глаз.

«Она должна пообедать тоже», – заявила жена. Что было совершенно справедливо. Мы вынесли работяге хлебных крошек и пакедик старой муки, в которой давно уже поселились личинки мучного хруща. «Сейчас она пирогов напечет!» – смеясь, сказала жена. Ветра вдруг закончили борьбу. За рекой засверкали золотом еще не облетевшие березняки. И уж совсем неожиданно выглянуло солнце.

Обедал я на крыльце, держа тарелку горячего борща в рукавицах, чтобы не обжечься. Зарянка копошилась в рассыпанной муке, и было впрямь похоже, что она затевает пироги. Солнечный день стоял перед нами во всей своей красе. С ветел и яблонь летел лист и, шурша, успокаивался на подмерзшей земле. «До встречи, зарянка! – обращался я к птице. – Прилетай в наш сад весной обязательно – и мы посмотрим, что у нас с тобой получилось!»

СМЕШЕНИЕ ВРЕМЕН

Апрель есть апрель. Смешение времен возможно всегда, но только не в апреле. Внесите сосновые дрова глухой зимой в избу, придвиньте их к уже растопленной печи – и где-то в промежутке времени и пространства между оттаивающим и горящим поленьями вы сможете ощутить весну. Быть может, вы даже ощутите именно апрель. Но в апреле вы не сможете ощущать ничего иного, кроме апреля, ибо дух его силен необычайно. Даже если выпить всего несколько глотков лесного апреля, можно захмелеть и преобразиться в совершенно другого человека.

С этими мыслями я брел по полям, от перелеска к перелеску, продвигаясь к чернеющей на бугре деревеньке. Хлюпала под болотными сапогами грязца, такая милая; и милыми казались грязные мя-

тые облака над головой, и сладко щемило сердце от прелых, отнюдь не изысканных ароматов черной размокшей земли. Кругом был апрель, один апрель, и япил его полной грудью.

Деревня была тоже черная, апрельская. Дерево – и строительное, из которого состояли избы и дворовые постройки, и живое – стоящие за околицей тополя и липы, – было тоже черное, набухшее от влаги. Ветер гнал грязные облака на эти черные деревья, а те, словно пугаясь, отмахивались от него черными руками-сучьями и кидали в облака истошно орущих галок. Галки были, пожалуй, самые черные из всех черных предметов, имевшихся в распоряжении апреля.

У околицы, около старых лип, я услышал иволгу. Несколько мгновений я растерянно и обалдело слушал её флейтовый июньский посвист, медленно осозная, что апреля, оказывается, можно перебрать со всеми вытекающими из хмельного перебора последствиями. Иволга пела истоиво, почти не делая пауз. Голые черные деревья шумели на ветру, орали галки, впервые предоставляя мне возможность слушать иволгу под такой неестественный аккомпанемент.

Под эту флейту перед глазами у меня поплыли картины солнечной листвы, ромашкового луга с сонным бурчанием шмелей, разморенного сияющего полдня с высокими облаками и стрижами, пронзающими их. Произошло смешение времен – в мой апрель властно вдруг вторгся июнь.

Никакой иволги в апреле быть не может! Это абсурд. Это нарушение всех законов природы! Проснувшийся разум вернул меня в реальность. Однако иволга все так же свистела в голых липах. Орали галки. Гудел ветер.

Я, все еще надеясь на чудо, искал солнечный комочек в пустых вершинах лип, однако видел там лишь черноту – черные сучья, грязные облака и черных галок. И тут я заметил наконец виновника сме-

шения времен: то был скворец! Тоже истово черный, маэстро, должно быть, развлекался, вспоминая прошлые дни и подражая попеременно то иволге, то скрипящей деревенской калитке. Его горлышко ходило ходуном, перышки на темени топорщились, а флейта звучала снова и снова. Быть может, иволговыми заклинаниями скворец желал ускорить движение механизма весны?!

Так маленький черный скворец сумел все-таки смешать для меня апрель с июнем, пусть чуть-чуть, на мгновение, но разбавить могучий апрельский дух – и для меня это было столь необыкновенно, что я простоял, слушая апрельскую «иволгу», целый час, заморозил ноги и захмелел от весны окончательно.

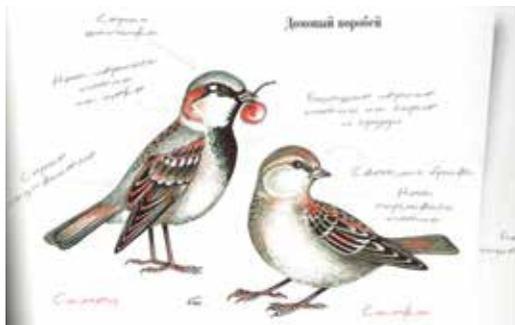

ТРИ ВОЗВЕСТНИКА

Возвестниками весны в лесу является ворон, в городе – воробей. Но где бы то ни было, на опушке ли леса, в запущенном саду, утонувшем в снегу, на проселке ли, в парке на городской площади – везде весну возвещает с восторженным рвением синица.

Ворон, чернея кляксой в ослепительном небесном ультрамари-не, занят собой и своей подругой. Лишь ей он дарит свои гортанные рулады, кувыряясь в упругом зернистом воздухе. Пусть его слышит весь лес, пусть от его крунканья, срывающегося на хрип, осыпается с елей подтаявший снег – ему нет дела до того, что творится внизу.

Чумазные воробьи коллективно обсуждают достоинства яркого солнечного дня, не обращая внимания на гудки машин, скрип трамваев и прочий городской шум. Их суматошный гвалт – тоже свидетель-

ство наступления весны по всем фронтам.

Но лишь синица, звенящая с покрытого взбухшими почками тополя, выступает как подлинный декламатор. Ворон и воробьи тешат свое самолюбие. Они не обращаются ни к кому, хотя

их слышно весьма далеко. Они не претендуют на роль в спектакле весны, их место – в зрительном зале, где, конечно, полагаются аплодисменты, уместны овации и даже свист. Но не более.

Синице же уготована сценическая роль. Именно поэтому ей нет покоя. Она звенит весь день. Меняет места. Слышите: она декламирует вон уже с того клена. Она проверяет, где лучше акустика. Она вступает тогда, когда закончила звенеть другая синица. Она летит туда, где еще от синичьего звона не стал таять снег. Она звенит на лету. Она звенит даже тогда, когда клюв занят и в нем мешает звенеть найденное семечко.

ПЕРЕЛОМНАЯ НОЧЬ

Крыльцо ночью осыпал иней, и столь густо, что крестики от двух ворон, любопытствовавших поутру, чем поживиться, отпечатались ясно и чисто. Ночью иней сел и на крапиву около крыльца, хрускал на комьях почвы и смешался вперемежку с прибрежным песком, так что берег озерный на пляжах и отмелях сделался звонкий и сухой.

В полночь почудились скрип и шорохи за окном. Я вышел на хрустящее крыльцо и высоко-высоко увидел льдистые звезды, пульсирующие в черни над лесом. Кто-то свистел печально и тонко, удаляясь вместе со свистом, затем наступала замерзшая тишина, а следом опять кто-то невидимый свистел и улетал прочь.

В эту ночь впервые исчезли запахи трав и земли, впервые потеряла вкус озерная вода. Я сорвал стебелек крапивы под перилами и не обжегся – крапива была сама обожжена морозцем. Светлый сполох сиял над лесом. В саду мертво стукнуло в траву последнее яблоко. И кто-то тонко и печально просвистывал высоко надо мною.

Это были отставшие птицы, покидающие озеро. Тонко свистели кулички, а утки цвиркали быстрыми крылами, роняя прощальные звуки на остывающую землю и воду. Они снимались в безлунье, поскольку торопились, как торопилась зима, обжигающая морозным дыханием их крылья.

Я слушал с крыльца тихие вскрики улетающих куликов и уток и чувствовал священность этого древнего ритуала – провожать переломной ночью в неведомое последних озерных птиц.

КОРОСТЕЛЬ

Коростеля слышали все. Я могу сделать исключение для горожан-домоседов, родившихся в городе и никуда в сельскую местность не выезжавших. Но таких, к счастью, наберется немного.

Коростеля слышали все. И даже если на вопрос: «Слышали ли вы когда-нибудь коростеля?» – мне в ответ будут истово клясться и божиться, что ничего подобного и слыхом не слыхивали, я позволю себе усомниться. Есть множество людей, просто не подозревающих, что у них в голове, где-то в тайниках и лабиринтах памяти, живут эти волшебные звуки, и надо лишь достучаться до них, извлечь на свет божий и насладиться.

Однажды у меня дома были гости. Мы сидели, как водится, на кухне и громко говорили бог весть о чем, горячо и рьяно. Сигаретный дым плавал под потолком, за окном звенели трамваи, шумел серый дождливый город. В соседней комнате на свой старенький проигры-

ватель я, в общем-то, балуясь и не имея никаких задних мыслей, поставил пластинку с голосами птиц. Первым был там зарегистрирован коростель.

Когда полились, точнее сказать, выкатились из комнаты в кухню эти первые кричающие звуки утренней птицы, которые вряд ли кто все-таки отважился бы назвать восхитительно-музыкальными, на кухне резко и вдруг наступила тишина. Люди, обсуждавшие политику, травившие анекдоты, смаковавшие слухи, застыли, недоговорив, недокулив, не донеся вилку до рта. Несколько минут длилось оцепенение. «Что это?» – стали спрашивать тихо, словно боясь спугнуть эти звуки, гости меня. «Это коростель, дергач по-простому», – отвечал растерянно я, не ожидая такой реакции и никак не уразумев, напугал ли этот крик людей или сделал с ними что-то другое. «Боже ты мой!» – выдохнули гости, и оцепенение продлилось.

Оказалось, что никто (как я выяснил позже) не знал, что такое, кто такой – коростель, но эти звуки знали все. Все знали их очень хорошо. Эти звуки сотворили чудо на моих глазах! Бывалые, потрепаные жизнью мужи сидели, позабыв про всё, про политику, анекдоты, город за окном, и слушали коростеля. «Боже ты мой, это же детство!» – прошептал один. Так я окончательно понял, что коростеля слышали все.

Вот видеть – это другое. Даю руку на отсечение, что коростеля видели единицы. Да, впрочем, это совсем не обидно: ведь главное в коростеле – это крик над росными травами.

Возможно ли представить околицу за селом в июне – вечером ли, утром, когда выплывут из трав туманы и зажгутся (или побледнеют – в зависимости от времени действия) звезды, возможно ли представить деревенскую околицу без этого монотонного и нескончаемого, громкого и сильного «крэкс-крэкс, крэкс-крэкс, крэкс-крэкс»? Словно парными взмахами – слева направо и обратно – прокашивает кто-то неведомый в тумане луговины. Этот звук не прекращается всю ночь, и даже в избе нет от него спасения: через окна, а уж если открыты они, то совсем берегись! – идет и идет густой терпкой струей вместе с запахами ночи, свежескошенного сена, медвяных рос сильный крик небольшой, в общем-то, и совсем невзрачной птицы.

Даже днем, когда наконец коростели замолкают (правда, совсем ненадолго), в ушах звенит их крэкание. А уж косить возьмешься вечером, коса ходит четко по их метроному – «крэкс-крэкс, крэкс-крэкс»...

В детстве я тоже долго не знал настоящего имени этого волшебства.

Я полагал, что это какое-то совершенно неизвестное людям и неуловимое существо, а может быть, даже и неодушевленный механизм прячется в густых зарослях сныти и крапивы, подзывая себе подобных. Иногда коростели кричали вокруг по пять, по десять штук сразу – и всё равно эти звуки казались прелестными.

Прелесть их мы ощущаем всю жизнь, стоит только натолкнуться на эти звуки – случайно ли, преднамеренно. И острой болью отзывается что-то в груди, и сладко становится, и печально, и плывут перед глазами под этот усыпляющий двухтактный метроном картины солнечного детства – молочные туманы над покосами, бледные звезды, травы, отягощенные росой, запах сена, чистый зернистый воздух, охлажденный чуть-чуть тянущим с сырых луговин холодком, мир и покой на отдыхающей земле.

КАМЕНКИ

На этот пустырь между домами на окраине микрорайона завезли щебень. Груды щебня. Быть может, он предназначался для строительства дороги. А может быть, котлован нового дома собирались закладывать. Факт остается фактом – груды серого тоскливого щебня лежали под открытым небом и отнюдь не украшали пустырь. Скорее наоборот. Если раньше по весне пустырь одевался ярким солнечным ковром одуванчиков, то теперь даже этим вездесущим жизнелюбам было нелегко освоить каменистые склоны – и яркий ковер был там и сям обезображен серыми неприступными для жизни пятнами. Проходя мимо, я всякий раз обращал внимание на эти необитаемые острова. Вокруг них селилась нехитрая пустошная жизнь: кудрявились кустики упрямой жесткой пижмы, лезла колючая злая крапива, кое-где пробивался к свету цикорий с бутонами

бледно-голубых цветов, и все это царство стеблей было оплетено цепкими лианами дикого вьюнка.

Конечно, глаз радовали милые одуванчики, но – недолог их век!

В тот день, когда желтизна пустыря сменилась белой воздушной накидкой (а это означало, что отцветшие одуванчики приступили к запуску своих парашютов в майское небо), пустырь совсем, казалось, осиротел и потускнел окончательно. И все так же незыблемыми, непокоренными бастионами возвышались над пижмой и крапивой груды серого мертвого щебня.

Я видел, как одуванчики, эти не терпящие пустоты и серости оптимисты, забрасывали свои парашютные десанты на щебнистые склоны, но терпели поражение. Крапива же с пижмой даже не пыталась штурмовать высоты, и лишь бойкий вьюнок сумел у самых подножий цитаделей сплести свои хитроумные сети.

Именно в этот день, когда одуванчиковый пустырь пускал по ветру целые облака летучих семян, я услышал в открытое окно ликующий крик.

Он долетел ко мне с пустыря и явно означал что-то важное. Я выглянул в окно и успел заметить на вершине ближайшей щебнистой горы что-то живое. Как? Неужели эти серые безжизненные острова наконец-то покорены?

Я пошел на пустырь, чтобы быть ближе к событиям. И прямо с первой же кучи щебня спугнул птичку. Она полетела каким-то суматошным, радостным, и в то же время пугливым полетом, что-то крича, села на вершину другой горы и энергично затрясла хвостом, кланяясь в мою сторону.

Столько грации и столько движения было в этой кремовых тонов птичке! Конечно же, это каменка!

Я приближался к ней, а птица летала от одной горы щебня к другой, кричала, кланялась, вспархивала и опять приседала, трясла хвостом, успевая даже отвлекаться на пролетающих мимо бабочек. В эти минуты птица была похожа на пугливо-радостную мелкую дворняжку, теряющуюся в своих чувствах. Когда каменка совершала очередной перелет, была видна четкая перевернутая буква Т на её черно-белом беспрестанно находящемся в движении хвосте.

Вскоре объявилась и вторая птица – и уже две буквы Т замелькали по пустырю, наполняя его каким-то суматошным оживлением. Это было торжество, это был триумф жизни! Пустырь словно встретился! Каменки сновали по прежде необитаемым островам, радостно возглашая с их вершин о том, как здесь чудесно и что эти кучи камней – просто прелесть! Птицы покорили их с ходу; мало того, они решили здесь выводить птенцов.

Когда в июне я проходил по пустырю, сопровождаемый уже знакомыми бодрими криками, на одной из щебнистых вершин мне были представлены пять таких же шустрых, как и родители, молодых каменок. Завидев меня, они не бросились в полет, а суетливо попрыгали по расщелинам между камней, время от времени высовывая оттуда любопытные головенки.

Весь этот период, пока беспокойные каменки выводили детей, а потом учили тут же их началам жизни, я любовался птичками и совсем забыл про безобразность пустыря. Да, собственно, её и не было – пустырь ведь теперь имел веселых и шумных хозяев и не чувствовал себя обездоленным.

Он словно бы приобрел смысл своего нового существования – пусть взбалмошный и беспокойный, но живой смысл, летающий над солнечными травами.

ПОЛЕТ КОРОСТЕЛЯ

В это утро я всё-таки увидел коростеля. Случилось это при весьма интересных обстоятельствах.

Когда утренняя роса достигла своего апогея, а крики коростелей стали раздаваться прямо за стеной палатки, я решил проснуться и идти проверять донки. Меня ждали голавли на быстрых перекатах и окуни в темных речных ямах.

Утро было восхитительное. Еще холодное, солнце только появлялось над краем дальнего леса. В зернистом воздухе, чистом и целомудренном, было пусто: еще не оттаяли после утреннего холода запахи трав и не выбрались из сомкнутых венчиков цветов насекомые. Лишь вездесущим назойливым комарам морозец был нипочем.

Я шел по берегу, стараясь обходить высокие куртины трав – пижмы и вербейника, однако все равно через десять минут был пропитан насквозь ледяной обильной росой. Из глубин ям ко мне выходили темные окуни и долго били по травам огненными хвостами, когда я снимал их с крючка и выносил на высокий берег. С голавлями было сложнее. На перекатах в неглубокой воде, так, что с высокого берега их было отлично видно, темными громадами лежали давным-давно утонувшие стволы древних деревьев.

Они-то и служили голавлям укрытиями, а мне доставляли удовольствие различными хитроумными способами отцеплять запутавшиеся среди них снасти. Кроме того, на перекатах в светлой воде змеились темные и необыкновенно длинные водоросли. С помощью этих струящихся и извивающихся прядей голавли также пытались – и небезуспешно! – обмануть меня, заставляя либо лезть в обжигающую воду, либо рвать леску.

Всё это время, пока я возился с донками, мокрый от росы с головы до пят, утро раскручивало свою пружину навстречу дню – прибывало птиц и их щебета, проснулись травы, полетели стрекозы и пчелы, и непрерывно, с упорной настойчивостью выползало из-за кромки дальнего леса светило.

Берег реки был весь в травах. Коростели вопили где-то рядом и сопровождали меня от ямы к перекату, от переката к яме, но ни одного я так и не мог увидеть, хотя, казалось, они кричат прямо из-под ног.

И вот тут-то мне помог голавль. Еще издали я увидел, как, под резким углом перечеркивая картину солнечного переката, сверкает в лучах мокрая леска, натянутая до состояния самой звонкой гитарной струны.

Она уходила под противоположный берег, в густой сумрак высоких водных трав под нависшим над речными струями шатром прибрежных кустов. Леска, чудилось мне, звенела и стонала, и сопровождением этого высокого звука появлялся напряженный бой моего сердца. Да, голавль был явно не средних размеров! С гулом в груди и в голове я прямо-таки ссыпался с берега в прибрежные травы и, судорожно раздвигая стебли, стал шарить среди осок и вероники колышек от донки.

И вот тут-то, озадаченный моим внезапным появлением, явно не ожидая такой прыти от мокрого, неуклюжего, увешанного сумками и снастями рыболова, из трав вылетел коростель. Он именно вылетел, так как ему уже было некуда деваться, и оставался лишь один выход – перелетать через реку на противоположный берег.

Коростель порскнул над водой на как-то странно растопыренных, не привыкших к полету крыльях, испуганно, словно маленькая лошадь (мне сразу почему-то вспомнились умные и испуганные лошадиные глаза), косясь на меня. Я не знал, что у птиц могут быть такие выразительные глаза.

Коростель летел над рекой, я стоял истуканом в мокрых травах, на донке ходил толчками громадный голавль, речное утро пылало вокруг меня всеми мыслимыми и немыслимыми красками.

Над серединой реки летун попал из сумрака в солнечный луч и вспыхнул всем своим пестрым оперением, чтобы затем тяжело плюхнуться в мокрые травы на том берегу. С голавлем же я боролся долго, выводя его из лабиринтов водорослей и затопленных стволов. После того как рыбу приняла в свое лоно рыбацкая сума и голавль, не помещаясь в ней целиком, ворочался тяжело, взмахивая торчащим и сверкающим серебром на солнце хвостом, я устало сел под берегом и закурил. Мне хотелось вопить от радости, радости того, что река подарила мне такого голавля и что я справился с ним в честной борьбе, что вокруг столько сверкающей под солнцем росы, что день будет жаркий и можно будет отлично искупаться, а самое главное – что я наконец-то перехитрил, пусть случайно, коростеля и увидел не только его самого, но даже его полет. Однако кричать мне показалось как-то неприлично. Тем более что по противоположному

берегу знакомый пастух уже гнал стадо. Я уверен, что он вряд ли бы разобрался в тонких душевных переживаниях человека, скачущего в пять часов утра в мокрой траве на берегу безлюдной реки и орущего при этом благим матом. Да и сил у меня уже не было на столь бурные душеизлияния.

Слишком много наложилось одно на другое впечатлений, и я сидел, все еще переживая их. Голоавль ворочался в суме, сердце гулко билось и никак не желало успокоиться, а на том берегу в высыхающих от росы травах неистово орал перелетевший реку коростель. Он кричал один – все его собратья как-то разом смолкли. Должно быть, он хвалился своим героическим перелетом. Впрочем, я решил, что он радостно вопит и за меня – ведь у меня это получилось бы явно хуже!

НАУЧНЫЙ НИЖНИЙ

Сергей Михайлович Пономарев

ЗВЕЗДА КЭЦ ВЗОШЛА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

В 1936 году в журнале «Вокруг света» был опубликован научно-фантастический роман «Звезда Кэц». Автором его был известный советский фантаст Александр Романович Беляев (1884–1942). КЭЦ расшифровывается как Константин Эдуардович Циолковский (1857–1935). Именно ему писатель посвятил роман. Беляев был в переписке с Циолковским и восхищался его идеями. В романе он описал деятельность молодого биолога Артемьева на орбитальной станции под названием «Звезда Кэц». В основу произведения легли фантастические рассказы Циолковского. И то и другое было опубликовано задолго до первых полетов в космос.

Научная деятельность нашего выдающегося мыслителя и ученого Константина Эдуардовича Циолковского связана с Калугой, где он прожил с 1892 года до смерти. Почему же в названии статьи утверждается, что звезда Циолковского как ученого и признанного во всем мире основоположника космонавтики взошла именно в Нижнем Новгороде?..

* * *

Дело в том, что во многом К.Э. Циолковский состоялся как ученый благодаря поддержке Нижегородского кружка любителей физики и астрономии (НКЛФА). В 1913 году, поздравляя нижегородских друзей с 25-летием их организации, Константин Эдуардович писал: «Когда-то общество поддержало меня и мои слабые силы. Никогда этого не забуду. <...> Пусть общество процветает еще многие годы

и по-старому своим участием поддерживает достойных ослабевших тружеников».

НКЛФА – второе в мире общественное объединение астрономов. Нижегородцев опередили только французы. А в России первенство принадлежит НКЛФА, который был основан в 1888 г., на год позже французского. Одним из главных направлений деятельности кружка являлось развитие и распространение естественно-научного образования. В настоящее время НКЛФА продолжает своё существование.

С самого начала работы НКЛФА стал публиковать «Краткие астрономические вести» – сначала в местных газетах, а потом в столичных журналах «Наука и жизнь» и «Научное обозрение». Чуть позднее возникла мысль об издании астрономического календаря, который издается вплоть до настоящего времени.

Познакомившись с Сергеем Васильевичем Щербаковым, одним из основателей и председателем кружка (1891–1906 гг.), Циолковский сразу же ощутил дружеское участие нижегородцев к своей судьбе. Дочь Щербакова, Татьяна Сергеевна, вспоминала: «Отец очень внимательно относился ко всем письмам. Особенно мне запомнился отзыв отца о письмах учителя из Калужской губернии, одержимого идеей создания космического корабля, который будет летать в космосе, достигнет Луны и далеких планет. Этот учитель не имеет высшего образования, но упорно занимается самообразованием и, судя по его письмам, он настоящий ученый и со знанием. Его называют фантазером и считают его идеи фантастическими. Я не вижу в его идее корня реальности. Такие люди не останавливаются на полпути, продолжают свой тернистый путь к звездам и заслуживают нижайшего уважения и поддержки» [1].

Рис. 1. Сергей Васильевич Щербаков (1859–1932)

13 декабря 1893 года Сергей Васильевич вносит предложение о приеме в кружок Циолковского, автора уже прочитанной на одном из заседаний работы «Всемирное тяготение». Константин Эдуардович становится членом кружка. Он регулярно сообщал Щербакову о результатах своей научной работы. В письме от 2 августа 1894 года Циолковский писал: «Многоуважаемый Сергей Васильевич, <...> просмотрел я книжки Столетова и Тэта и убедился, что я едва ли скажу что новое о газах <...> неприятно открывать Америку во второй раз: я решил бросить свой труд о газах. Я Вам писал, кажется, что прошлое лето окончил большое полуастрономическое, полуфантастическое сочинение «Эффекты всемирного тяготения» (или «Грезы о Земле и небе»). Глубоковский совсем согласился его печатать, но дело разошлось из-за качества бумаги. <...> Потом я нашел издателя, который уже в Москве с некоторым трудом взял рукопись. <...> Теперь рукопись в Цензурном комитете (в Москве) и вот уже 2 месяца не получает разрешения. Это лето я поработал тоже: отчасти над «Аэростатом», отчасти над другим популярным трудом, еще не вполне законченным, проповедующим те же идеи, как первый, только в другой форме (как «Грезы о Земле и небе»). Дело в том, что у меня есть очень оригинальные астрономические идеи, но их неловко проповедовать серьезно. <...> К Вашему «Научному обозрению» они не подойдут».

Вскоре из Калуги приходит статья «Продолжительность лучеиспускания Солнца». После обсуждения на заседании 11 марта 1896 года она рекомендуется для публикации в журнале «Научное обозрение». Так научное исследование «Продолжительность лучеиспуска-

Рис. 2. Дарственный экземпляр книги К.Э. Циолковского НКЛФА

ния Солнца» тогда еще никому не известного самоучки увидело свет. Публикация была снабжена примечанием «Из протоколов НКЛФА». Впоследствии также по рекомендации кружка публикуется реферат Циолковского «О втором законе механической теории теплоты».

В жизни Циолковского было много тяжелых и трудных периодов. Даже таких, что просто не было денег на уплату членских взносов. «Мое материальное положение ужасное, – пишет он в одном из писем С.В. Щербакову, – и поэтому членского взноса я сделать не могу. Прошу покорнейше, если можно, не исключать меня из числа ваших членов. Как только представится возможность, я не премину сделать взнос». Однако такая возможность упорно не представлялась, и в другом письме можно прочесть слова благодарности «за то, что продолжаю оставаться членом, несмотря на свою финансовую несостоятельность».

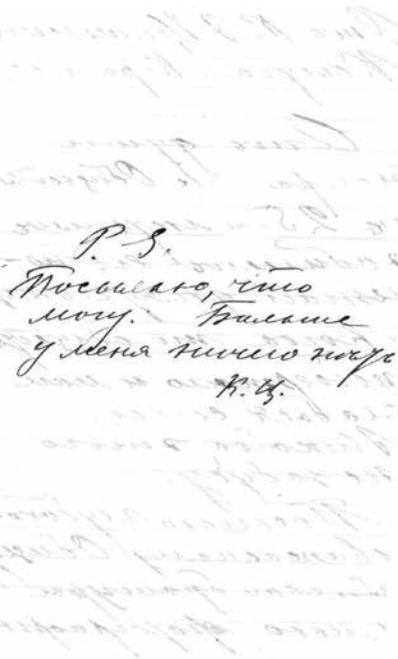

Рис. 3. Фрагмент письма и фотография К.Э. Циолковского, полученные НКЛФА

Нижегородский кружок физики и астрономии всячески поддерживал Циолковского в его научной деятельности, главным образом помогая ему доставать необходимую литературу и печатая его работы. Отношения К.Э. Циолковского и председателя НКЛ-ФА С.В. Щербакова носили дружественный характер. В 1905 году Сергея Васильевича назначают директором калужской гимназии. С этого момента калужане нередко видят вместе двух увлеченных людей, всегда что-то доказывающих друг другу. Марианна Валентиновна Щербакова, внучка Сергея Васильевича, написала: «За столом часто присутствовали мы с братом, тихо прислушиваясь к беседам. Все было интересно, особенно когда дедушка касался астрономии. Нас волновал реально существующий необъятный мир, где наша Земля – как ничтожная песчинка в необъятных просторах Вселенной. С.В. общался с К.Э. Я боюсь сказать «дружил», но они встречались. Я была свидетелем этих встреч и записей бесед в большой тетради: так как у К.Э. было плохо со слухом, разговор был письменным. Конечно, возникали темы, касающиеся космических полетов. Это казалось фантастикой. С.В. относился к идеям Циолковского очень серьезно, но, честно говоря, он не предполагал, что эти полеты могут осуществиться так скоро».

Последнее письмо Циолковский послал Горьковскому кружку любителей физики и астрономии 29 марта 1933 года. В нем ученый выражает благодарность кружку за посылку ежегодного Астрономического календаря: «Какое драгоценное для меня издание! У меня нет сил и времени читать астрономические журналы. Из Вашего же календаря я моментально узнаю все наиважнейшее в данный момент. <...> Спасибо за честь и память, которыми я чрезвычайно дорожу».

В статье, посвященной траурному заседанию памяти Циолковского, также подчеркивается связь гениального ученого и кружка: «Константин Эдуардович до самой смерти живо интересовался деятельностью нижегородских астрономов, аккуратно высылал в кружок... свои вновь выходящие книги и поддерживал письменную связь с обществом и его членами».

* * *

Для гения, опередившего время, очень важны внимание к его трудам и дружеская помощь. И то и другое он нашел у членов Нижегородского кружка любителей физики и астрономии.

Честь и хвала нижегородцам – первооткрывателям звезды КЭЦ!

Список литературы

[1] Щербакова М.В. Воспоминания о С.В. Щербакове // Астрономический календарь на 2009 год (под ред. С.М. Пономарева). Н. Новгород, 2009.

[2] Михайлова Т.М. Циолковский и Нижегородский кружок любителей физики и астрономии // Астрономический календарь на 2010 год (под ред. С.М. Пономарева). Н. Новгород, 2009.

К.Г. Шальнова

НИЖНИЙ НОВГОРОД – МИРОВОЙ ЦЕНТР МЕТАЛЛООРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ

Первым академическим учреждением в Горьком стала Лаборатория стабилизации полимеров АН СССР (ЛСП). Она была создана в 1963 году по инициативе Григория Алексеевича Разуваева при поддержке Академии наук СССР и Минхимпрома. Открытие такого исследовательского центра в нашем городе было неслучайным. Горьковская область с ее мощной производственной базой была подходящим местом для открытия академического учреждения. Но главное, в городе был лидер мирового уровня, способный возглавить новое научное направление и объединить химиков Горьковского государственного университета и специалистов ряда предприятий Дзержинска, проводивших исследования в области полимеров.

В 1950 годы в Дзержинске уже существовало производство синтетических смол и пластмасс для нужд народного хозяйства. Однако получаемые продукты были не очень высокого качества. Поэтому возникла необходимость повысить качество и срок службы пластмасс. Запросы практики требовали проведения исследований в области старения и стабилизации полимеров, создания теоретических основ их получения, реакционной способности и ингибирования (замедления или предотвращения) процессов распада высокомолекулярных соединений. Эти проблемы и должен был решать коллектив новой лаборатории, директором которой был назначен член-корреспондент АН СССР Г.А. Разуваев. В 1965 году в связи с запросами практики область исследований ЛСП расширилась: возникло новое направление химии высокочистых веществ, которое возглавил доктор химических наук Григорий Григорьевич Девятых.

К тому времени на дзержинском заводе «Капролактам» было налажено производство поливинилхлорида (ПВХ), сополимеров винилхлорида и поливинилацетата. В качестве их стабилизаторов использовались металлоорганические¹ соединения (МОС) бария, кадмия, цинка, олова немецкого производства, что удорожало получаемый материал и изделия из него. Перед сотрудниками ЛСП встала задача создания отечественных стабилизаторов полимеров.

Разумеется, Григорий Алексеевич, будучи единственным на то время в Горьком действительным членом Академии наук СССР, имел огромный административный ресурс как в столице, так и в родном городе. Но крайне важным оказалось и то, что у его научной группы был солидный научный «задел», так что в короткий срок им вместе с группой Б.Б. Троицкого удалось разработать стабилизаторы ПВХ, обладающие нужными свойствами. Они позволяли существенно повысить температуру переработки полимеров, а также создать технологии производства изделий из жесткого (непластифицированного) ПВХ.

Изначально металлоорганическая тематика в ЛСП играла роль прикладного направления, необходимого для разработки стабилизаторов. Но со временем она выросла в отдельную область, включающую синтез новых химических соединений, исследование их молекулярного строения, химических, физических и каталитических свойств.

Конечно, их использование в различных технологических процессах тоже активно обсуждалось, и иногда даже ставилось во главу угла. Но все-таки на первый план стала выходить чисто фундаментальная (академическая) сторона исследований. Конец 50-х – начало 60-х годов прошлого века ознаменовались бурным развитием металлоорганической химии во всем мире, что выражалось в открытии новых кафедр в университетах, новых институтов, новых научных журналов. Причиной тому стали случившиеся в этот период многочисленные открытия новых реакций, новых типов химических связей, новых классов соединений, многие из которых обнаружили неожиданные и уникальные свойства. Создание новых соединений, содержащих в молекуле атомы металлов, химически связанные с органическими группами (лигандами), стало основным направлением в ЛСП.

Уже в 1963 году сотрудниками лаборатории был получен первый представитель нового класса МОС с группировкой Ge-Hg-Ge. В дальнейшем соединения такого типа были получены практически для всех гетероэлементов. Разработанные методы синтеза открыли большие возможности для создания новых соединений и позволили получить широкий круг соединений, включающих до девяти атомов различных металлов, образующих цепочку.

За цикл работ по разработке синтеза полиядерных металлоорганических соединений Г.А. Разуваеву и Н.С. Вязанкину в 1971 году была присуждена Государственная премия СССР.

В июле 1969 года Лаборатория стабилизации полимеров была преобразована в Институт химии АН СССР, который включал три лаборатории:

- лаборатория стабилизации полимеров (зав. лаб. академик Г.А. Разуваев);
- лаборатория летучих соединений металлов и чистых веществ (зав. лаб. чл.-корр. Г.Г. Девятых);
- лаборатория химии металлоорганических соединений (зав. лаб. доктор хим. наук Н.С. Вязанкин).

Директором ИХ АН СССР был Г.А. Разуваев. В 1973 г. институт переехал в новое здание в Щербинках.

С самого начала основания ИХ АН СССР существовал в виде двух отделов: отдела металлоорганической химии (рук. Г.А. Разу-

ваев) и отдела химии высокочистых веществ (рук. Г.Г. Девярых). В 1979 году выездное Бюро Отделения общей и технической химии отметило успешное развитие обоих отделов и указало на целесообразность реорганизации ИХ АН СССР в два самостоятельных института. Но произошло это лишь в 1988 году. Именно с этого года начинается история Института металлоорганической химии. Директором ИМХ АН СССР был назначен член-корреспондент АН СССР Глеб Арсентьевич Абакумов, Г.А. Разуваев стал почетным директором.

В настоящей статье будут кратко перечислены успешно развиваемые в ИМХ РАН научные направления.

1. Исследования в области комплексов металлов со свободно-радикальными лигандами

Под руководством академика РАН Г.А. Абакумова создан и успешно развивается, по существу, новый раздел металлоорганической химии: соединений, в которых атом металла связан со свободно-радикальной частицей – лигандом. Свободно-радикальный лиганд имеет неспаренный электрон и, вследствие этого, обладает высокой реакционной способностью. В качестве таких лигандов были выбраны орто-хиноны и их производные, которые легко меняют свое электронное состояние при комплексообразовании с металлами.

ИМХ является одним из ведущих центров в области синтеза таких лигандов. За последние три десятилетия число их новых представителей составило несколько сотен. На основе этих лигандов о-семихиноновые и родственные им комплексы получены практически для всех переходных и непереходных² металлов Периодической системы элементов Д.И. Менделеева. Новый обширный класс соединений включает самые разные по составу металлокомплексы.

Отличительной чертой этого нового класса соединений является их электронная лабильность.

Присущая о-семихиноновым лигандам редокс-активность, связанная с обратимым внутримолекулярным переносом электрона, позволила обнаружить уникальное явление редокс-изомерии – изомерии, обусловленной сосуществованием изомеров, различающихся центром локализации неспаренного электрона.

Следует отметить, что до этих исследований понятие изомерии органических соединений в основном было связано со структурными изменениями в молекуле. Работы же нижегородских химиков привнесли в химию новое понятие – редокс-изомерия.

Другим значительным открытием в области комплексов со свободно-радикальными лигандами является обнаружение нового физического явления: фото- (термо-) механического эффекта.

При изучении комплекса родия исследователи были поражены, когда увидели, что под действием света нитевидные кристаллы обратимо изгибаются. Такой же эффект наблюдался и под действием тепла. В основе этого явления, открытого Г.А. Абакумовым и В.И. Неводчиковым, лежит внутримолекулярный перенос электрона с металла на лиганд и обратно.

За цикл работ по данной тематике в составе авторского коллектива Г.А. Разуваев, Г.А. Абакумов и В.К. Черкасов в 1985 году были удостоены Государственной премии СССР.

2. Успехи в области химии редкоземельных металлов и полиядерных соединений

Достижения института в этих областях химии неразрывно связаны с именем доктора химических наук, заслуженного деятеля Российской Федерации, лауреата премии А.Н. Несмеянова М.Н. Бочкарева.

В развитие пионерских работ в области полиядерных МОС М.Н. Бочкаревым с сотрудниками были получены металлосодержащие сверхразветвленные полимеры, молекулы которых представляют собой плотные шарики, весь объем которых заполнен многократно разветвляющимися германий-углеродными цепочками. Соединения являются аналогами дендримеров. Они получены практически одновременно американскими химиками, но если американцы получали их сложным многостадийным путем, то горьковчане синтезировали эти сверхразветвленные полимеры в одну стадию простым смешением компонентов.

Одним из наиболее ярких результатов деятельности М.Н. Бочкарева является синтез двухвалентных комплексов неодима, диспрозия и тулия. Эти металлы относятся к группе лантаноидов², которым присуще трехвалентное состояние. Исключение составляют Sm, Eu, Yb, Nd, Dy и Tm. Первые три из них способны образовывать вполне устойчи-

вые неорганические и органические комплексы в двухвалентном состоянии. Таких соединений много, и они хорошо изучены. В отличие от этого комплексы последних трех металлов отличаются очень высокой химической активностью, благодаря чему они крайне неустойчивы, что долгие годы было препятствием для их получения и исследования. Первые соединения удалось получить сотрудникам института по разработанному ими оригинальному методу, который сделал эти вещества доступными для исследователей. Полученный результат вызвал большой резонанс среди химиков, занимающихся изучением лантаноидных соединений, и стал основой для новых научных проектов в университетах Европы и США. Через год соединения двухвалентных Nd, Dy и Tm были включены в коммерческие каталоги ведущих зарубежных фирм.

В последние годы группой Бочкарева получены беспрецедентные результаты по изучению влияния ионизирующего излучения на комплексы лантаноидов. Установлено, что использование МОС может стать основой для разработки приборов контроля, отображения информации, освещения с продолжительным временем функционирования, для использования в космических аппаратах, в активных зонах атомных электростанций, на предприятиях по переработке и обогащению радиоактивных веществ, для работы на территориях, подвергшихся радиоактивному заражению, при работе с радиоактивными материалами и другими источниками излучения в промышленности и медицине. Высокая радиационная устойчивость таких МОС, многие из которых обладают ценными полупроводниковыми и люминесцентными свойствами, дает потенциальную возможность для разработки на их основе установок прямого преобразования ядерной энергии в электрический ток.

Бурное развитие химии органических производных лантаноидов осуществляется и в других лабораториях института. Учеником М.Н. Бочкарева членом-корреспондентом ИМХ РАН А.А. Трифоновым проводятся фундаментальные исследования по синтезу и изучению реакционной способности новых классов соединений f-элементов, созданию эффективных и селективных катализаторов полимеризации диенов.

Значительных успехов в изучении комплексов редкоземельных элементов добился другой ученик М.Н. Бочкарева – член-корреспондент РАН Игорь Леонидович Федюшкин, который в течение семи последних лет руководит ИМХ РАН. Под его руководством получены:

– уникальные соединения редкоземельных³ элементов со связями металл – металл, обнаруживающие обратимый термически индуцированный внутримолекулярный перенос электрона;

– каталитические⁴ системы для получения биосовместимых полимеров;

– новое поколение катализаторов реакций органического синтеза с использованием производных непереходных⁵ металлов.

Известно, что большинство реакций присоединения, замещения и элиминирования, протекающих с участием соединений переходных металлов, реализуются благодаря способности переходного металла изменять свою степень окисления. Такая способность отсутствует у непереходных металлов, однако расширить возможности непереходных металлов помогают редокс-активные лиганды – лиганды, способные изменять свою степень окисления (восстановления) в координационной сфере металла.

3. Получение микротвердых покрытий (рук. – член-корреспондент АН СССР Г.А. Домрачев).

Еще в конце 50-х годов Г.А. Разуваев, Г.Г. Петухов и Ю.А. Со рокин показали, что при распаде бис(арен)хрома в газовой фазе можно получать хромовые и карбидо-хромовые покрытия, обладающие многими полезными свойствами: высокой микротвердостью, износостойкостью, коррозионной стойкостью. Интенсивное развитие это направление получило в работах Г.А. Домрачева и его сотрудников. На заводе «Капролактам» было налажено производство хроморганической жидкости «Бархос», применяемой для получения хромовых покрытий. С использованием «Бархоса» получены карбидохромовые покрытия на керамике и создано производство прецизионных резисторов, отличающихся высокой стабильностью. Систематические исследования процессов термораспада МОС позволили Г.А. Домрачеву разработать новые подходы к получению оксидных, карбидных, нитридных покрытий.

В 1976 году за цикл работ в области изучения теоретических и прикладных аспектов термораспада МОС Г.А. Разуваеву и Г.А. Домрачеву в составе авторского коллектива была присуждена Государственная премия СССР.

4. *Получение пористых нетоксичных полимеров (рук. – док. хим. наук С.А. Чесноков, И.Л. Федюшкин).*

На основе диметакриловых мономеров разработаны композиции, которые под действием видимого света образуют однородные пористые полимерные матрицы, содержащие по всему объему открытые поры и формирующие единую взаимосвязанную структуру. В зависимости от природы мономеров и порообразующих соединений, входящих в состав композиций, размеры пор варьируются от единиц до десятков микрон. Материалы имеют большую поверхность пор, что придает им высокие адсорбционные свойства. Показано отсутствие цитотоксичности (вредного влияния на клетки человека) полученных материалов. При культивировании стволовых клеток из жировой ткани человека на поверхности полимеров наблюдается их хорошая адгезия, сохранение жизнеспособности и поддержание характерной для этого морфологии.

В продолжение этих работ осуществлен фотосинтез пористого полимерного материала для персонифицированных костных имплантатов-скаффолдов⁶. При этом важно отметить, что образующийся пористый фотополимер обладает хорошей биосовместимостью, что делает возможным его использование для изготовления имплантов.

5. *Получение гибридных наноматериалов (рук. – канд. хим. наук А.М. Обьедков)*

Впервые с использованием в качестве прекурсора гексакарбонила молибдена⁷ и технологии осаждения из паровой фазы МОС синтезированы гибридные наноматериалы на основе многостенных углеродных нанотрубок, поверхность которых декорирована наночастицами или сплошными покрытиями оксикарбида молибдена кубической модификации. Такого рода наноматериалы имеют большие перспективы для использования в качестве упрочняющих элементов металлических сплавов и синтетических полимеров.

6. *В последние 10 лет в институте сформировались практически важные направления: создание материалов для медицины и сельского хозяйства.*

Успешно проходят работы (руководитель кандидат химических наук Л.Г. Клапшина) по разработке противораковых препаратов. На

основе доступных порфираразиновых производных получены соединения, приводящие не только к полной регрессии опухолей, но и к полному выздоровлению экспериментальных животных.

Под руководством доктора технических наук Б.И. Петрова созданы микроудобрения на основе хелатных комплексов бора, цинка, меди, которые показали высокую эффективность при внекорневой подкормке растений пшеницы и клевера лугового.

На сегодняшний день благодаря слаженной работе всего коллектива Институт металлоорганической химии им. Г.А. Разуваева Российской академии наук является научной организацией первой категории, успешно решает все поставленные перед ним задачи как в области фундаментальной и прикладной науки, в подготовке высококвалифицированных научных кадров, так и в поддержке высокого имиджа российской науки.

Примечания

¹ Металлоорганические соединения – химические соединения, в которых углеродные атомы или органические группы связаны непосредственно с атомами металлов.

² Лантаноиды (от лантан и греч. *eidos* – образ, вид) – семейство из 14 химических элементов с атомным номером от 58 до 71, расположенных в 6-м периоде системы Менделеева вслед за лантаном.

³ Редкоземельные металлы – лантаноиды и сходные с ними элементы скандий, иттрий и лантан.

⁴ Каталитические системы – системы, в которых используется катализатор.

⁵ Непереходные металлы – это металлы, у которых второй снаружи электронный слой полностью укомплектован электронами (восемью или восемнадцатью).

⁶ Скаффолд-технология – культивирование клеток на трехмерных подложках-носителях с целью пространственного формирования клеточного органа или его фрагмента для трансплантата.

⁷ Гексакарбонил молибдена – химическое соединение $Mo(CO)_6$, бесцветный твердый кристаллический порошок.

Т.А. Дружкова

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ОТРОКОВ И ТЕОРИЯ ПРЕДЕЛЬНЫХ ЦИКЛОВ

К 110-летию ученого

Жизнь и творчество Николая Федоровича Отрокова (20.12.1912 – 29.08.1990) неразрывно связаны с Горьковским государственным университетом (ГГУ), где он состоялся как высококлассный ученый и прекрасный педагог. Вступление будущего профессора в пределы ставшей ему навеки родной *Alma mater* произошло в крайне знаменательный для нижегородских математиков момент.

ГГУ, созданный в 1918 году на базе эвакуированного Варшавского политехнического института, был первым советским университетом. В нем по отдельности существовали математический и механический факультеты. В 1931 году на основе их слияния был образован физико-математический факультет. Основателем и первым деканом физмата стал прибывший в числе преподавателей Варшавского института профессор Иван Романович Брайцев (1870–1947). С его именем связана постановка на физмате классического преподавания математики. Он инициировал организацию на факультете кафедр математического анализа и теории функций, создал мощную научную школу по теории аналитических функций, которая на долгие годы стала одним из фундаментов университетского математического образования в Горьком.

Осенью того же 1931 года из Москвы на постоянное место жительства в наш город переехал вместе с женой молодой доктор физико-математических наук Александр Александрович Андронов (1901–1952). Одной из причин переезда была его глубокая убежденность в важности развития отечественной науки и образования в провинции. Гениальность А.А. Андропова, создавшего впоследствии теорию нелинейных колебаний, состоит в том, что он применил в качестве математического аппарата теории колебаний, наблюдаемых в физике (в частности, в зарождающейся тогда радиофизике), предельные ци-

клы Пуанкаре, известные уже в XIX веке и до тех пор физиками еще не использовавшиеся. Предельные циклы родились в Трудах «последнего энциклопедиста», гениального французского математика Анри Пуанкаре при решении задач небесной механики.

Немного математики. Как известно, математическими моделями многих процессов естествознания служат системы дифференциальных уравнений. Они используются для описания работы часов, музыкальных инструментов, генераторов электромагнитного излучения в приемно-передающих линиях связи, оптических квантовых генераторов (лазеров) и др. Тот же ламповый генератор, который активно использовался в Горьком в 1930-х годах при создании радиопередатчиков, вполне моделируется системой двух автономных дифференциальных уравнений вида

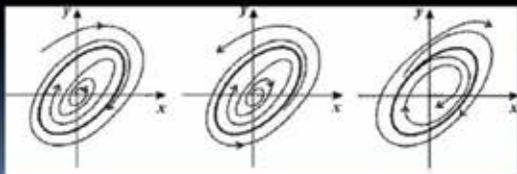
$$\dot{x} = P(x, y); \quad \dot{y} = Q(x, y), \quad (1)$$

здесь x, y – некоторые переменные, P, Q – функции от них, а точка – знак дифференцирования по времени. Решениями системы уравнений (1) являются некоторые функции времени $x(t), y(t)$. При изменении времени t точка с координатами $x(t), y(t)$ движется по плоскости переменных x, y (эта плоскость называется фазовой плоскостью), образуя фазовую траекторию системы (1). Некоторые

системы (1) имеют среди своих фазовых траекторий овалы, простые замкнутые кривые без самопересечений, к которым все окрестные фазовые траектории приближаются, неограниченно накручиваясь на них с ростом или убыванием времени t .

Предельный цикл

- С каждой из сторон предельный цикл является либо отталкивающим, либо притягивающим. Если поведение с обеих сторон одинаково — цикл называется соответственно отталкивающим или притягивающим. Если же с одной стороны происходит притяжение, а с другой отталкивание — говорят о полустойчивом цикле.

Вот эти-то овалы и называются предельными циклами. Они иллюстрируют, визуализируют устойчивые периодические процессы, присущие исследуемым явлениям. Кандидатская диссертация аспиранта Андропова, выполненная в 1928 году еще в Москве под руководством выдающегося физика Леонида Исааковича Мандельштама, так и называлась: «Предельные циклы Пуанкаре и теория колебаний». В ходе радиофизических исследований, развернувшихся в Горьком под руководством А.А. Андропова, стало понятно, что теория систем с предельными циклами – отдельное принципиально важное направление качественной теории дифференциальных уравнений¹. Начало 1930-х годов – время ее зарождения. Двадцатилетнему Николаю Отрокову, приехавшему в 1932 году на учебу в ГГУ, казалось бы, сама судьба открывала ворота математики. В самом деле, новый факультет, перспективная наука и выдающиеся учителя – всё это сложилось вместе и способствовало вхождению молодого человека в науку, в круг ученых, составивших ставшую всемирно известной нижегородскую школу нелинейных колебаний, школу академика Андропова.

Николай Федорович Отроков родился в селе Спасское Нижегородской губернии. Его отец Федор Васильевич был фельдшером в местной больнице, а мать Мария Васильевна – домохозяйкой. По окончании местной школы в 1929 году Николай Федорович стал работать электромонтером, но тяга к знаниям победила, и спустя три года он поступил на физико-математический факультет ГГУ.

Годы учебы прошли под непосредственным влиянием уже известных и признанных ученых. Юноша с интересом впитывал лекции Артемия Григорьевича Майера по математическому анализу и дифференциальным уравнениям, И.Р. Брайцева по теории функций, Габриэля Семеновича Горелика по физике, активно участвовал в заседаниях семинара А.А. Андропова по качественной теории дифференциальных уравнений... По завершении университета он уже не мыслил себя без занятий математикой. Окончив физмат с отличием в 1937 году, он тут же поступил в аспирантуру. Его научным руководителем был А.А. Андронов. Сразу же по окончании аспирантуры в 1940 году Н.Ф. Отроков защитил кандидатскую диссертацию «О числе предельных циклов в окрестности особой точки». Ее название ярко свиде-

тельствует, что Николай Федорович продолжил линию исследований, выбранную его Учителем еще в свою бытность в Москве.

В 1900 году на Международном конгрессе математиков Давид Гильберт (1862–1943) сформулировал 23 математические проблемы, которые, по его мнению, должны были стать приоритетными для математиков в будущем. Изучение поставленных Гильбертом проблем в значительной степени повлияло на развитие математики в XX веке. Некоторые из них волнуют математиков и сегодня. Среди них 16-я проблема, над которой долгие годы размышлял Николай Федорович Отроков.

**Фото семьи Отроковых, сделанное в фото известного нижегородского фотографа М. Дмитриева примерно в 1920 году:
отец Федор Васильевич (1887–1938), мать Мария Васильевна (1887–1975),
старший сын Николай (слева), младший сын Михаил (1914–1985)**

Эта проблема Гильберта имеет две части, которые называются (условно) алгебраическая и дифференциальная. В решение первой из них большой вклад внес коллега Отрокова по университету профессор Дмитрий Андреевич Гудков² (1918–1992). Сам Николай Федорович занимался второй частью 16-й проблемы. Формулируется она так.

Пусть правые части уравнения (1) представляют полиномы степени n . Требуется указать максимальное число предельных циклов $N(n)$ в такой системе в зависимости от числа n .

История дифференциальной части проблемы богата драматическими моментами. Идейные и вычислительные (технические) моменты проблемы настолько сложны, что конкретные доказательства и численные оценки, казавшиеся правильными и неизбежными, спустя какое-то время пересматривались и уточнялись. В настоящее время доказано, что число предельных циклов всегда конечно, но вот указать формулу для этого числа (то есть вид функции $N(n)$) никому до сих пор не удалось. В статье «О числе предельных циклов дифференциального уравнения в окрестности особой точки»³ Николай Федорович получил оценку для $N(n)$ в одном частном случае. Таким образом, он частично решил знаменитую проблему. Этот результат следует признать важнейшим творческим достижением Н.Ф. Отрокова, выдвигающим его в число лучших математиков-нижегородцев.

Подробно о научных результатах Николая Федоровича рассказано в статье⁴ профессора Михаила Васильевича Долова⁵. Эта статья была написана по материалам доклада, сделанного им на Международной конференции «Дифференциальные уравнения и их приложения» (Саранск, 2002 г.) и посвященного 90-летию со дня рождения Н.Ф. Отрокова; там же опубликован полный список научных трудов Н.Ф. Отрокова. Ученик Николая Федоровича М.В. Долов в деталях и с великим уважением разбирает труды Учителя. Загляните при случае в статью. Вы узнаете, что Николай Федорович придумал метод многозначных интегралов и метод циклических кривых, которые можно назвать методами Отрокова. Есть теорема, носящая имя Отрокова. И каждый ученый понимает, что это дорогого стоит...

* * *

В 1938 году аспирант Николай Отроков в областной библиотеке познакомился с выпускницей Горьковского медицинского института Анной. Молодые люди начали встречаться и вскоре поженились. Анна Федоровна (1917–1995) впоследствии стала кандидатом медицинских

Супруги Отроковы

наук, работала на кафедре патологической физиологии медицинского института. Союз их продлился всю жизнь, в семье родилось двое детей: сын Александр в 1942 году и дочь Ирина в 1955-м.

Ирина Николаевна, дочь Н.Ф. Отрокова, вспоминает: «Раньше в учебное заведение можно было поступить, имея рабочую специальность и направление. Поэтому после школы, чтобы поступить в университет, отец пошел на завод и получил специальность электрик, электромонтер. В дальнейшем это умение будет приоритетным во многих его увлечениях и существенно облегчит наш быт.

Любовь к технике и умение работать с ней отец пронес через всю жизнь. В 1949 году родители купили первый автомобиль «Москвич». Тогда еще можно было приобрести машины в свободной продаже. Но ни шиномонтажей, ни автосервисов в то время не было. Приходилось и ремонтировать, и осуществлять техосмотр самостоятельно. Для этих целей папа придумывал технические штуки, которые бы сейчас назвали лайфхаком (мудрые народные придумки): сконструировал ручную фрезу, сверлильный станок, который до сих пор в рабочем состоянии, и многое другое. С одной стороны, это была необходимость в силу отсутствия нужных инструментов, но с другой – увлечение души, проявление незаурядного ума и творческой смекалки. Например, брат Александр помнит, как отец сконструировал ему автомобиль, машину-игрушку, которая имела руль, так что колеса у нее поворачивались, а два щелочных аккумулятора, стоявших на кузове, позволяли машинке двигаться по комнате.

Навыки электрика папа умело применял на практике. Он всю жизнь помнил о своей первой профессии и сохранял в душе юношескую привязанность к ней. Выдающиеся люди интересны не только

вершинными достижениями в основной профессиональной деятельности, но и своими увлечениями и пристрастиями, не связанными непосредственно с ней. К примеру, Дмитрий Иванович Менделеев прославился еще и как мастер по изготовлению чемоданов и дорожных сумок. А вот отец покупал и восстанавливал электромоторы и возился с разнообразной электротехникой. В послевоенное время, примерно в 1948-1949 годах, в селе Дальнее Константиново, где жили родители мамы, не было электричества. Отец с маминым братом решили для этой цели установить ветряк. Внутри сарая они врыли тяжеленный и высокий столб, который вывели через прорубленную крышу, и прикрепили к нему лопасти. К столбу прикрепили электромотор и от него подвели к дому провода. Электричества ветряк давал немного, но четыре горевшие лампочки вполне позволяли читать. Отец представляется мне очень добрым и светлым человеком, желание дарить родным и близким свет, и в прямом, и в переносном смысле, было его внутренней потребностью, смыслом жизни.

Почти каждое лето, самостоятельно подготовив машину к долгой дороге, отец вез семью в путешествие. Мы были в Евпатории, Бахчисарае, Алуште, Гурзуфе и в других городах Крыма, в Сочи, несколько раз в Молдавии, на берегу Азовского моря на Арабатской Стрелке. Причем раньше никаких кемпингов или мотелей, кафе и закусочных вдоль шоссе не было. Приходилось брать с собой палатки и предусматривать все необходимое для долгой дороги и непредвиденных случайностей с машиной. На карте отмечали появляющиеся автозаправки и оборудованные места ночевки. Даже раскладывающиеся сидения в автомобиле и дополнительные канистры с бензином были сконструированы папой самостоятельно. Наградой за эти хлопоты были дикие, пустынные пляжи и отсутствие пробок на дорогах.

Кроме увлечения техникой, была и мощная интеллектуальная составляющая жизни папы, куда он вовлекал и нас (детей) с мамой. В какой-то период отец увлекся фотографией, экспериментировал, проявлял, печатал. Осталось много альбомов и разрозненных черно-белых фотографий того периода. Дома очень любили классиков, родители приобретали подписные издания и много читали. Любовь к чтению и музыке они привили и детям. Отец очень неплохо рисовал, от него желание рисовать передалось детям. Музыке он учился

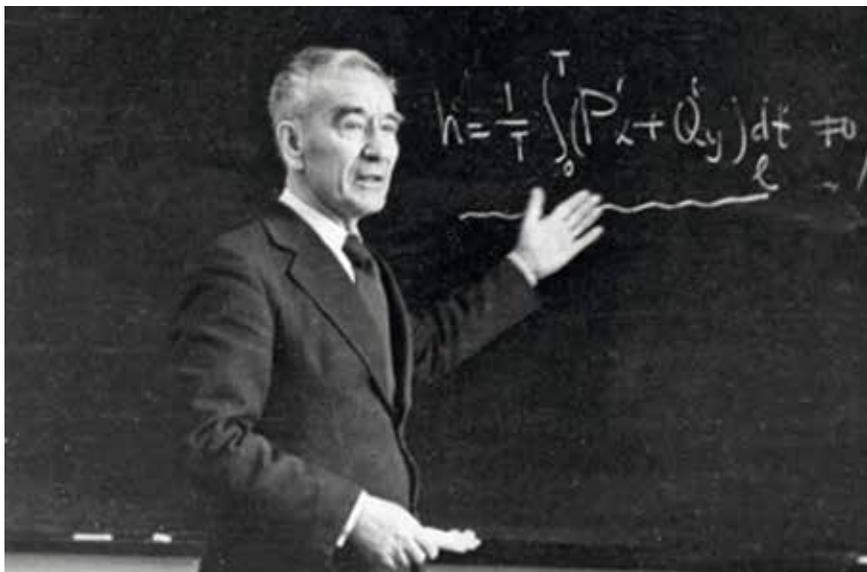
самостоятельно. На баяне, балалайке (она до сих пор в доме), гитаре учился играть на слух, на фортепиано – по нотам. Исполнял как классику, так и народную музыку. Пел на стихи Некрасова «Меж высоких хлебов затерялось...», «Коробочка», любил петь и слушать романсы «Ты стоишь у камина...», Галину Кареву, Марка Бернеса и многих других певцов. В семье и в гостях часто звучали песни.

Отец самостоятельно выучил французский язык. Он покупал в киосках и читал L'Humanité, сохранились дома и другие книги на французском. Совместно с Галиной Ивановной Шиловой он перевел с французского мемуар А. Дюлака «О предельных циклах» (М.: Наука, 1980) – книгу, ставшую настольной для математиков, занимавшихся теорией предельных циклов».

* * *

Основные вехи биографии Н.Ф. Отрокова после защиты кандидатской диссертации:

- 1940–1941 гг. – действительная военная служба;
- 1940 г. – вступление в члены ВКПб;
- август 1941 г. август 1942 г. – работа инженером на заводе № 21 имени С.Орджоникидзе над созданием новой оборонной техники;
- октябрь 1942 г. возвращение к педагогической и научной деятельности;
- с 1944 года – доцент кафедры математического анализа;
- 1952–1954 гг. – исполняющий обязанности заведующего кафедрой;
- 1958–1989 гг. – заведующий той же кафедрой (с 1961 года она стала называться кафедрой дифференциальных уравнений и математического анализа);
- с ноября 1963 года по август 1965-го декан механико-математического факультета;
- 1971 г. – защита докторской диссертации;
- 1973 г. – присвоение ученого звания профессора.
- 1976–1990 гг. – ответственный редактор межвузовского сборника «Дифференциальные и интегральные уравнения».

Профессор Н.Ф. Отроков на лекции (1959 год)

Николай Федорович много лет был председателем специализированного совета по присуждению ученой степени кандидата наук в Горьковском университете, а также членом кандидатского совета в Мордовском госуниверситете, руководил Волго-Вятским региональным семинаром по качественной теории дифференциальных уравнений. Под его научным руководством защищено 16 кандидатских диссертаций (Н.И. Авдонин, А.А. Алексеев, М.В. Долов, Т.А. Дружкова, Г.М. Ерахтина, Л.С. Ефремова, А.И. Иламанов, Ю.П. Кириллов, Л.Т. Кутукова, Р.Г.Макеев, Н.С. Постников, З.Г. Рахманкулов, Ф.Ч. Саттаров, А.М. Терентьев, Ю.Д. Тянь, И.С. Шарова). Список трудов Николая Федоровича невелик по нынешним меркам – всего 40 названий. Он не гнался за количеством, и по-особому впечатляет, что он не вписывал свое имя, как это делали и делают сплошь и рядом некоторые руководители, в работы своих учеников: только с пятью из его аспирантов у него совместные работы. Это говорит об огромной деликатности и такте его, как научного наставника, об исключительном уважении к ученикам.

* * *

В юности мы эгоистичны и часто принимаем как должное все то хорошее, что дают нам родители, воспитатели, учителя – люди, помогающие войти нам во взрослую жизнь. И только с годами, с возрастом, осознаем, как много они для нас сделали, понимаем, что именно методично, ненавязчиво внушали они нам годами общения по жизни, по работе, по творчеству. Хочется сказать им огромное спасибо, увы, часто запоздало.

С Николаем Федоровичем я познакомилась 64 года назад, в 1957 году. Он читал нам, небольшой группе студентов, специализирующихся при кафедре, спецкурсы «Введение в качественную теорию дифференциальных уравнений» и «Динамические системы». Его лекции нас просто очаровывали. Он говорил необычайно образно, неспешная речь его изобиловала отвлечениями от математики в другие сферы человеческой жизни, делала и понятными, и запоминающимися утверждения доказываемых им теорем. Николай Федорович влюбил нас в дифференциальные уравнения! Кстати, именно при нём кафедра, которую он возглавлял, получила название – дифференциальных уравнений и математического анализа – название, в котором подчеркивается, что первостепенное внимание сотрудников этой кафедры уделяется именно уравнениям.

Я выбрала Николая Федоровича в руководители своей первой студенческой курсовой работы, и в дальнейшем он стал моим бесшменным научным руководителем: и при написании дипломной работы, и в аспирантуре, и при работе над кандидатской диссертацией. В качестве темы курсовой работы Николай Федорович предложил мне разобрать только что появившуюся, ещё только на китайском языке, статью Цинь Юань-сюня. Эта статья дала начало буму интереса к алгебраическим частным интегралам Дарбу, который вскоре появился и у нас в математической среде, и за рубежом. Как верно он, чуткий математик, уловил будущий интерес к этой проблематике. А я с легкой руки моего Учителя «прикипела» к этой теме на всю свою «математическую жизнь». У Николая Федоровича было много соискателей и аспирантов, большинство из них составили со временем костяк профессорско-преподавательского состава родной кафедры. Каждому из

нас Николай Федорович, не жалея своего времени, уделял огромное внимание. Еженедельные часы встреч с ним за письменным столом в маленькой аудитории № 214 второго корпуса, где многие годы как-то размещалась в жуткой тесноте наша большая кафедра, для меня стали бесценной школой, в которой мой Учитель так умело, настойчиво и терпеливо подводил меня к более глубокому пониманию исследуемых вопросов. А как умел он привить вкус к ясному, четкому, доступному изложению на бумаге уже полученных результатов! Иногда просто казалось, что Николай Федорович филолог: такое большое значение придавал он построению фраз, точности формулировок. Иной раз я восставала, даже дерзила, мне казалось, что и так уже всё хорошо написано, отказывалась делать бесконечные правки. Но, поостыв, понимала, что он прав. Впоследствии я и сама при обсуждении курсовых и дипломных работ своих студентов постоянно подчеркивала необходимость тщательной отработки деталей изложения, всякий раз вспоминая при этом наставления Николая Федоровича.

В 1960–1970-е годы на нашей кафедре было много молодых, а значит, неопытных преподавателей, в числе которых по окончании аспирантуры оказалась и я. Но мы не были предоставлены сами себе. Николай Федорович требовал неустанного повышения качества проведения занятий со студентами. Взаимные посещения практических занятий и лекций с последующими обсуждениями были очень распространены в те годы, они не позволяли проводить занятия кое-как, без тщательной подготовки, не допускали халтуры. И тут я снова благодарна Николаю Федоровичу за то, что он воспитал во мне требовательность к педагогической работе.

Все проходит... Воспоминания о давно минувших временах и людях, окружавших нас тогда, из нашего очень жесткого сегодняшнего дня встают такими светлыми, полными надежд... Да, не прервется связь времен!

Примечания

¹ Качественная теория дифференциальных уравнений – математическая дисциплина, изучающая свойства решений обыкновенных дифференциальных уравнений без нахождения самих решений. Основы теории были заложены в конце XIX века Анри Пуанкаре

(1854–1912) и выдающимся русским математиком и механиком Александром Михайловичем Ляпуновым (1857–1918).

² Гудков Дмитрий Андреевич (1918–1992) – выдающийся российский математик, основные результаты получены в области топологии вещественных алгебраических многообразий. Решил задачу о классификации неособых плоских алгебраических кривых шестой степени (16-ая проблема Д. Гильберта). Организатор и первый заведующий (1961–1978) кафедры математики радиофизического факультета ГГУ. В 1978–1988 гг. заведовал кафедрой геометрии и высшей алгебры механико-математического факультета ГГУ. Внёс важный вклад в изучение нижегородского периода биографии Н.И. Лобачевского.

³ Отроков Н.Ф. Математический сборник. 1954. Т. 34. Вып. 1. С. 127–144.

⁴ Долов М.В. Проблема конечности числа предельных циклов полиномиального векторного поля на плоскости и работы Н.Ф. Отрокова // Вестник ННГУ Сер. Математика. 2003. Вып. 1. С. 146–154.

⁵ Долов Михаил Васильевич (1934–2015) – известный российский математик, специалист в области дифференциальных уравнений и динамических систем (гамильтоновы системы, предельные циклы, интегрируемость систем). Заведовал кафедрами теории функций (1985–1989) и дифференциальных уравнений и математического анализа (1989–2000) механико-математического факультета ГГУ/ННГУ.

Н.С. Беллюстин

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ РАЗИН – ЧЕЛОВЕК СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

«Времена не выбирают», и каждый яркий человек всегда по-своему отражает тот исторический период, в котором ему довелось прожить. Владимир Андреевич Разин был, несомненно, человеком неординарным и талантливым. Один из первых радиоастрономов в

нашей стране и в мире, он 56 лет проработал в первом в СССР Научно-исследовательском радиофизическом институте (НИРФИ), а в 1980–1990 годах был его директором. Высокие научные достижения Разина подтверждают не только кандидатская и докторская ученые степени – атрибуты, привычные для научной среды. Каждый ученый мечтает о том, чтобы на память о его вкладе в науку остался эффект (теорема, уравнение, постоянная и т.д.) его имени. У всех физиков на слуху эффекты Доплера и Вавилова-Черенкова, уравнения Максвелла и Навье–Стокса, постоянная Планка. Именная терминология отражает высокое научное признание ученого и, по существу, выступает стихийным проявлением уважения коллег к результатам его работы. Это инвариант научных заслуг и входной билет в число классиков науки.

Еще в годы учебы в аспирантуре Владимир Андреевич открыл эффект, который получил его имя. Он выражается в подавлении низких частот при синхротронном излучении свободных электронов в горячей газе. Этот эффект иногда называют также эффектом Разина–Цытовича (или эффектом Цытовича–Разина): наличие нескольких вариантов названия здесь свидетельствует о жесткой околонаучной борьбе вокруг термина, но не умаляет заслуги ни одного из авторов. При этом полезно помнить, что имеется большое число вполне заслуженных ученых, среди которых и академики РАН, и нобелевские лауреаты, у которых именного эффекта в науке нет и никогда не будет.

У Владимира Андреевича есть еще одно достижение высшего уровня. В 1955–1956 гг. им была обнаружена частичная линейная поляризация галактического радиоизлучения. Это открытие, зарегистрированное под номером 26 в Реестре открытий советских ученых, явилось решающим доказательством синхротронной природы нетеплового галактического радиоизлучения и, следовательно, прямым свидетельством существования в межзвездном пространстве релятивистских электронов и магнитных полей. Оно положило начало новому направлению в исследованиях ионизированной межзвездной среды и магнитного поля Галактики радиополяризационным методом.

Выдача «Дипломов на открытие» проводилась в СССР Государственным комитетом по науке и технике (ГКНТ). Система таких дипломов расширяла каноны патентного права, которое в условиях социализма имело особую специфику: авторы изобретений получали

от государства «авторское свидетельство на изобретение» и небольшие денежные «отступные» за то, что передавали свои права государству. Такой подход соответствовал принятой в стране идеологии: если патент принесет большие прибыли, то они достанутся государству, а не частным лицам. В силу того, что научные открытия качественно отличаются от технических изобретений, советским ученым с 1955 года отдельно от авторских свидетельств на изобретения стали выдавать дипломы на научные открытия. С 1955 по 1991 год было выдано около 400 таких дипломов, затем с распадом СССР их выдача прекратилась. Сотрудникам НИРФИ дипломы на открытие доставались трижды. Перечислим названия открытий и их авторов:

– Явление линейной поляризации космического радиоизлучения. В.А. Разин. № 26 с приоритетом от 11 июня 1956 г.

– Поток внутреннего тепла Луны. В.С. Троицкий, В.Д. Кротиков. №43 с приоритетом от 19 ноября 1962 г.

– Явление генерации электромагнитных волн ионосферными токами под воздействием на ионосферу модулированного коротковолнового излучения – эффект Гетманцева. Г.Г. Гетманцев, Д.С. Котик, Н.А. Митяков, О.М. Распопов, И.Н. Капустин, В.С. Смирнов, Р.А. Перцовский, А.Н. Васильев. № 231. Регистрация – 22 мая 1980 г.

Как видим, В.А. Разин и в прямом, и в переносном смысле был первооткрывателем среди нирфинцев. Причем в отличие от других обладателей дипломов свою пионерскую работу он вел в одиночку. Восхищает и то, что в столь серьезном вопросе 25-летний Разин обошел своих старших коллег и более маститых ученых.

Далеким от научной работы люди нередко идеализируют представителей ученого мира, а то и вовсе отождествляют их с небожителями. Это весьма далеко от истины, и ошибочность таких идеализированных представлений вдумчивый человек понимает очень быстро даже при поверхностном знакомстве с историей науки. Тем не менее историю научных структур зачастую составляют так, что логику их развития понять крайне непросто. Возьмем, к примеру, последний сборник по истории НИРФИ [1], который подготавливал большой коллектив сотрудников института. В нем собраны краткие биографии ключевых сотрудников и перечислены основные достижения института, однако мотивация участников событий и характер их взаимодей-

ствия практически не раскрываются. Более живое описание истории нижегородской радиофизики с настроением выявить логику развития событий можно найти у более свободных авторов (см. [2]).

Между тем подход к описанию истории развития общественных структур в целом уже хорошо отработан: достаточно посмотреть стандартный учебник по истории. В нем излагают прежде всего историю войн и государственных переворотов т.е. последовательно перечисляют внешние и внутренние конфликты. В связи с этим возникает вопрос, а почему, собственно, при описании менее масштабных человеческих сообществ, таких как НИРФИ, надо руководствоваться какими-то другими принципами? Ведь очевидно, что в любой структуре, связанной с людьми, будут возникать конфликты и наступать периоды, когда личные отношения людей начинают существенно влиять на ход событий. Конфликты способствуют резким революционными переменам в коллективе, в промежутках же между ними дела идут плавно, рутинно и обыденно. В целом описание истории научного коллектива через последовательность ключевых конфликтов не только приемлемо, но и вполне естественно. Поэтому постараемся здесь при характеристике научной деятельности В.А. Разина и связанной с ним части истории НИРФИ пойти по такому же пути.

Известно, что наиболее судьбоносный для НИРФИ конфликт начал развиваться с 1972 года, когда создатель института и его первый директор Мария Тихоновна Грехова оставила свой пост по возрасту. Должность директора предложили сначала ее сыну Андрею Викторовичу Гапонову-Грехову, который к тому времени уже имел звание академика АН СССР. Но он счел, что организационные дела помешают ему вести научную работу, и отказался. Тогда пост директора занял Герман Григорьевич Гетманцев, а А.В. Гапонов-Грехов сохранил за собой должность заместителя директора. В таком распределении ролей, однако, таилось зерно конфликта, причина которого по-своему была проста и логична – распределение финансовых и других ресурсов в условиях, когда научные интересы Гетманцева и Гапонова не совпадали. Гетманцев отвечал в институте за ионосферную тематику и, по мнению Андрея Викторовича, излишне насыщал ее денежными вливаниями в ущерб другим научным направлениям. В результате довольно быстро разгорелся конфликт «Гетманцев-Гапонов», в который были

постепенно вовлечены достаточно высокие представители власти. Среди них был и тогдашний президент АН СССР А.П. Александров, поддержавший в итоге идею создания нового академического института на базе НИРФИ. После многолетней борьбы и болезненного раздела имущества в 1977 году от НИРФИ отделился академический Институт прикладной физики (ИПФАН), который возглавил А.В. Гапонов. Этот конфликт «Гетманцев–Гапонов» был центральным для НИРФИ и решительно повлиял на всю последующую историю института.

По-видимому, второй по значимости нирфинский конфликт (а по времени как раз первый) состоялся с участием другого академика – В.Л. Гинзбурга. Противостоял ему Владимир Андреевич Разин. Конфликт начал развиваться еще в первой половине 1950-х годов, когда Разин был аспирантом Гинзбурга, Виталий Лазаревич – членом-корреспондентом АН СССР, а сам НИРФИ еще только планировался.

* * *

Откроем текст биографии Разина в последнем сборнике НИРФИ и прочтем первую фразу [1, с. 79]: «Владимир Андреевич Разин родился 15 ноября 1930 года в г. Челябинске». Прочитав такое предложение в достаточно серьезной публикации, изданной всего четыре года спустя после смерти В.А. Разина, хочется глубоко выдохнуть и осмотреться по сторонам. Да, сегодня Разина уже нет в живых, но еще вполне можно поговорить со многими здравствующими учеными, работавшими с ним или хорошо знавшими его лично. Живы также

сыновья Владимира Андреевича – Андрей и Сергей. Ни для кого из них не секрет, что в действительности В.А. Разин родился в Ардатове.

Отчего же тогда уже в первой фразе биографии бывшего директора оказалась заведомо неверная информация? В чем дело? Конечно, ошибочное утверждение в самом начале биографии ученого существенно повышает интерес к нему. У филателистов, например, ошибка в тексте старой марки может увеличить ее цену в десятки, а то и в сотни раз. И все из-за того, что она отражает характерные особенности ушедшей эпохи. Может, и замеченный нами ляп таит какую-то важную информацию?.. Хотелось бы сразу понять, кто ответственен за него, но сделать это, анализируя тексты сборника, практически невозможно. За главу, в которую была включена ошибочная информация, отвечали 7 человек: все они с учеными степенями, но большинства из них сегодня уже нет в живых. В сборнике указывается также список редакторов сборника, состоящий из трех человек во главе с тогдашним директором института. Здесь тоже все с учеными степенями, они находятся в здравии, и, казалось бы, надо попросту подойти к кому-то из них и спросить. Но по зрелому размышлению отказываюсь от этого, поскольку ответы начинают вырисовываться сами.

В.А. Разин родился 15 ноября 1930 г. в городе Ардатове Горьковской области. Предшествующий 1929 год, когда был взят курс на форсированную индустриализацию и тотальную коллективизацию, был назван «годом великого перелома». Во что этот перелом вылился, хорошо известно: насильственные хлебозаготовки, сопровождавшиеся массовыми арестами и разорениями хозяйств, привели к мятежам, количество которых к концу 1929 года исчислялось сотнями. В 1930 году обстановка еще более обострилась, и в массовых выступлениях приняли участие тысячи крестьян.

Подробной информации о родителях Владимира Андреевича у нас нет, но мы знаем, что они были крестьянами и до высылки в Челябинск жили в Ардатове. В их семье родились 7 или 8 детей, среди которых Владимир был самым младшим. По всей видимости, семья Разиных попала под «волну раскулачивания», и в 1931 году была насильственно переселена из Ардатова на окраину города Челябинска. Оказавшийся в ссылке в годовалом возрасте Владимир, скорее всего, воспоминаний о своем младенчестве в Ардатове не сохранил. Его

детские и школьные годы прошли в Челябинске, и потому этот город стал «малой родиной» для ученого, родившегося на Нижегородской земле.

Человеку, не пережившему столь суровое детство, нелегко прочувствовать, каково это – начинать свою жизнь в ссылке. Каждый человек воспринимает детство таким, каково оно есть. Но с какого-то возраста он начинает осознавать, что государство издевалось над его семьей. Забыть потом это невозможно, и потому человек начинает воспринимать окружающий мир как внешнюю враждебную структуру, становясь более «закрытым». Психологи подразделяют людей на открытых к общению экстравертов, и закрытых – интровертов. Эпоха социализма, особенно в 1920–1950-е годы, в значительной степени способствовала воспитанию таких закрытых людей. Думается, это в полной мере испытал на себе и Владимир Андреевич.

Мне запомнился один из разговоров с ним, точнее, запомнилась тональность того разговора. По манере вести беседу Разин напоминал министра иностранных дел: тщательный, очень продуманный подбор слов и четкая организация беседы таким образом, чтобы как можно меньше информации выдать и как можно больше получить. Так учат говорить дипломатов и разведчиков. По тому разговору Разин запомнился человеком умным, сдержанным и крайне закрытым. Но вернемся к его биографии.

Владимир с интересом и усердием относился к учебе и с отличием окончил расположенную неподалеку от дома школу-восемилетку. До завершения среднего образования требовалось еще пройти 9-й и 10-й классы, но средняя школа была от дома далеко, и добираться до нее надо было через весь город. И вот здесь юный Владимир проявил незаурядные волю и работоспособность: он закончил два старших класса за один учебный год и получил аттестат средней школы на год раньше положенного срока.

В 1947 году, успешно сдав школьные выпускные экзамены, Владимир отправился на свою историческую родину в город Горький, где недавно в университете открылся первый в стране радиофизический факультет. Город Горький был центром развития радиофизики в СССР. В 1930-х годах из Москвы сюда переехали жить и работать А.А. Андронов, М.Т. Грехова, В.Г. Горелик – талантливые

ученые, сумевшие создать в городе научную школу по изучению колебательных и волновых процессов, а позднее и организовать в Горьковском государственном университете (ГГУ) радиофизический факультет. Среди приглашенных преподавателей был один из наиболее выдающихся физиков-теоретиков нашей страны – Виталий Лазаревич Гинзбург, приехавший в Горький по приглашению А.А. Андропова и в 1945–1961 годах заведовавший кафедрой распространения радиоволн ГГУ.

Поступив на радиофизический факультет, Владимир Андреевич Разин сделал один из самых удачных выборов в своей жизни. Он сразу же окунулся в творческую научную среду, сформированную наиболее яркими учеными страны в области радиофизики. В 1953 году В.А. Разин окончил ГГУ с отличием, получив специальность радиофизика. После окончания вуза он продолжил обучение в аспирантуре В.Л. Гинзбурга, который в тот период, работая в теоретическом отделе ФИАНа (Физического института Академии наук) в Москве, по совместительству преподавал в ГГУ. Возникший в середине 1950-х годов глубокий конфликт «Гинзбург–Разин» стал той движущей силой, которая в значительной степени повлияла на историю НИРФИ в течение последующих десятилетий. Первопричины и истоки этого конфликта нам в полной мере не ясны. Но в надежде продвинуться в понимании попытаемся вновь пройти по известным фактам.

Владимир Андреевич получил основные научные результаты в молодые годы. Так, он теоретически рассчитал и экспериментально проверил эффект, связанный с генерацией синхротронного излучения в разреженной среде. Эффект выражается в подавлении низких частот в синхротронном излучении свободных электронов в горячем газе. Из-за разгоревшегося позднее конфликта с Гинзбургом иногда считают, что именно публикация Разиным статьи по этому вопросу только под своей фамилией и стала первоисточником конфликта. Однако история с этой публикацией не вполне ясна. Возможно и то, что Гинзбург не счел теоретические построения Разина достаточно элегантными и безупречными, чтобы ставить под ними свою фамилию. Позже глянec на этот результат навел другой аспирант Гинзбурга – В.Н. Цытович. Но история распорядилась так, что этот эффект стали называть по имени его первооткрывателя «эффектом Разина».

Практика научной работы такова, что руководитель сам решает, ставить свою подпись под статьей ученика или нет. Он предлагает аспиранту задачу, контролирует полученные результаты и ход выполнения работы, и во всех смыслах имеет право быть соавтором статьи. При этом руководитель может, одобрив статью, отказаться от соавторства. Причины при этом могут быть самыми разными. Автор этих строк в 1972–1978 гг. работал над кандидатской диссертацией под руководством Николая Григорьевича Денисова в том же теоретическом отделе НИРФИ, которым в 1956–1961 гг. заведовал В.Л. Гинзбург. Денисов ставил мне задачу, и когда работа была успешно завершена, я докладывал ему об этом, предлагая написать совместную статью. Николай Григорьевич при этом отвечал: «Пишите – вам это надо, мне нет». В итоге по теме диссертации у меня появилось несколько самостоятельных статей – без соавторов, что для кандидатской диссертации совсем не характерно: гораздо чаще диссертант пишет статьи в соавторстве со своим научным руководителем. Н.Г. Денисов демонстрировал высокую степень уважения к молодым ученикам и способствовал созданию демократической атмосферы в коллективе. Она чрезвычайно важна при обсуждении научных вопросов, но ее не всегда просто сочетать с «вертикалью власти», действующей внутри научной структуры. Известно, например, что Германия не успела создать атомную бомбу в 1940-х годах из-за недостаточно демократичной обстановки в научном коллективе, руководимом А. Гитлером и В. Гейзенбергом: ошибку В. Боте, сделанную в январе 1941 года, никто вовремя не исправил.

Каждый человек индивидуален, и Гинзбург был в вопросах публикаций не столь демократичен, как его бывший аспирант Денисов. Виталий Лазаревич был более авторитарным руководителем, что мне стало понятно, когда, будучи студентом, я познакомился с его классической книгой «Распространение волн в плазме». Книгу по главам писали человек десять из числа учеников академика, однако на ее титульном листе всегда была лишь одна фамилия. Кстати, в такой ситуации нет никаких формальных нарушений, если все соавторы с этим согласны, а руководитель ощущает себя полноценным автором. В ситуации с эффектом Разина, однако, все было наоборот. Именно аспирант ощущал себя полноценным автором.

У Владимира Андреевича было и другое научное достижение высшего уровня, которое было зафиксировано как открытие. ГКНТ ввел для него такое определение: «Открытие – установление неизвестных ранее объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира, вносящих коренные изменения в уровень познания».

Текст диплома № 26, выданного В.А. Разину, имел следующий вид:

«Научное открытие «Явление линейной поляризации космического радиоизлучения».

Формула открытия: обнаружена частичная линейная поляризация распределенного нетеплового космического радиоизлучения, обусловленного движущимися в межзвездных магнитных полях релятивистскими электронами.

Автор: В.А. Разин.

Номер и дата приоритета: № 26, июнь 1956 г.

Описание открытия:

Кандидат физико-математических наук В.А. Разин (Научно-исследовательский радиофизический институт при Горьковском государственном университете имени Н.И. Лобачевского) обнаружил ранее неизвестное явление частичной линейной поляризации распределенного космического радиоизлучения. Впервые получено экспериментальное подтверждение гипотезы о том, что нетепловое космическое радиоизлучение есть излучение релятивистских (т.е. движущихся с огромными скоростями, близкими к скорости света) электронов в межзвездных магнитных полях».

Как свидетельствуют документы, Владимир Андреевич Разин:

– не включил В.Л. Гинзбурга в соавторы статьи, после публикации которой появился термин «эффект Разина»;

– не включил того же В.Л. Гинзбурга в список авторов диплома на открытие № 26.

Если первый из этих шагов мог быть сделан из-за того, что Гинзбург недооценил значимость научной статьи и сформулированного в ней результата, то второго шага было вполне достаточно для полного разрыва отношений, поскольку счесть заявку на открытие незначительным достижением Гинзбург не мог. Поэтому надо исходить из

того, что отношения В.А. Разина со своим руководителем по аспирантуре к тому времени из обычных для такой связки (деловых и доброжелательных) отношений переросли во враждебные. Гинзбург к тому времени уже был членом-корреспондентом АН СССР, и, скорее всего, он мог заблокировать продвижение открытия № 26. Но, работая в нескольких местах и имея много других дел, он упустил момент поставить Разина «на место». По тому, как молодой ученый уверенно взшел на научный Олимп, трудно избавиться от ощущения, что в этот период у него имелась мощная поддержка, и шла она, разумеется, не от его научного руководителя.

Так или иначе, для исследователей истории нижегородской науки и сегодня плохо понятно, какие аргументы заставили В.А. Разина вступить на путь бескомпромиссной войны со своим старшим коллегой. Кажется, что не так много он потерял бы для своего авторитета и репутации в случае, если бы вставил в соавторы Гинзбурга, который в 1966 году стал академиком, а в 2003-м – лауреатом нобелевской премии. Академиком, кстати, в нашей стране не так уж мало, а вот Нобелевских лауреатов – совсем немного. Конечно, история не знает сослагательного наклонения. Но думается, что Разин вполне мог бы остаться в команде Гинзбурга и взойти по ступеням академической «лестницы». С другой стороны, пойдя своим путем, Разин весьма преуспел на научном поприще.

Лично мне кажется, что первопричина конфликта Гинзбург–Разин в том, что не хватило у Владимира Андреевича готовности и склонности к компромиссу. И в целом понятно, почему. Владимир Андреевич вырос в семье, подвергшейся репрессиям. Он прошел жесткую школу выживания, где жизненно необходимо было цепляться за любой успех и развивать его до полной победы над противником. Искать компромисс в такой среде смертельно опасно, и это закрепляется в людях на уровне рефлексов. Нежелание отдавать кому-либо свое кровное выковалось в нем еще в детские годы. И как знать, может, это как раз и был тот наказ, который дали ему обобранные государством родители.

Внешне разрыв с Гинзбургом никак не сказался на карьере молодого ученого. Заглянем в его личное дело. По окончании аспирантуры ГГУ В.А. Разин в 1957 году защитил кандидатскую диссертацию

цию и был направлен на работу в НИРФИ, где с 1958 по 1963 г. был старшим научным сотрудником. В 1963 г. он возглавил созданную им лабораторию, преобразованную в 1968 г. в отдел галактической и внегалактической радиоастрономии. Гинзбург не мог остановить поток карьерных продвижений своего бывшего ученика, он только запомнил обиду и ждал момента, чтобы отомстить. Такая возможность стала реальной, когда дело подошло к защите докторской диссертации Разиным в 1971 году.

Защита докторской диссертации в 99% случаев внешне довольно скучная процедура для непосвященного наблюдателя, хотя закулисные страсти кипят вокруг каждой второй из них. В итоге решение принимают два-три человека (нередко один), отвечающие в ученом совете за данную специальность. Проводится один или несколько открытых семинаров-обсуждений, но смысловая часть интриги по защите диссертации почти всегда остается скрытой от широкой ответственности. Нежелательному соискателю обычно конфиденциально объясняют, что лучше забрать диссертацию или не подавать ее вовсе. Согласно правилам соискатель может снять свою диссертацию с защиты на любом этапе прохождения процесса, а вот диссертационный совет обязан принять диссертацию к защите, если она соответствует специальности, а затем провести защиту с тайным голосованием при любых, в том числе и отрицательных, отзывах на диссертацию. Важно еще иметь в виду, что после того, как совет принял диссертацию к защите, он отвечает за успех всего мероприятия, и отрицательный результат голосования останется темным пятном на его репутации. В случае достаточно острой ситуации очень многое зависит от поведения самого соискателя.

Виталий Лазаревич не отследил заблаговременно процесс подачи В.А. Разиным докторской диссертации в совет НИРФИ и потому действовал в условиях, когда диссертация была уже официально принята. Академик Гинзбург написал тогдашнему директору НИРФИ и председателю совета по защитам М.Т. Греховой письмо, смысл которого заключался в том, что Разин плохой человек и что его не следует пускать в доктора наук. Со своим письмом он просил ознакомить еще пятерых ключевых членов совета – бывших своих аспирантов. Следуя его просьбе, М.Т. Грехова вызвала в свой кабинет В.А. Разина и сооб-

шила ему: «Владимир Андреевич, против защиты Вашей докторской диссертации выступает Виталий Лазаревич Гинзбург, так что заберите свою диссертацию из совета». Возможно, другой, более покладистый соискатель диссертацию и забрал бы, но Разин, прошедший через свое ссыльное челябинское детство, мало чего боялся и был готов идти ва-банк. Профессору Греховой он ответил просто: «Ничего я забирать не буду, а Вы, если имеете на то основания, можете написать мне мотивированный отказ». Такая позиция целиком соответствовала правилам прохождения диссертаций, но также понятно, что отнюдь не каждый соискатель смог бы поступить так же смело. Я думаю, что это наиболее яркий пример того, как В.А. Разин продемонстрировал храбрость и несгибаемый характер.

Автору этих строк на протяжении своей научной жизни довелось наблюдать несколько «разворотов» докторских диссертаций уже после рассылки их авторефератов, и, кроме Разина, все остальные соискатели от страха свои диссертации забрали. После такого события кто-то защитил свою работу через год, кто-то через двадцать лет, кто-то – никогда. Помню, одному из таких соискателей за неделю до защиты отказался оппонировать один из оппонентов, которому пообещали за отказ избрание членом-корреспондентом АН СССР. А соискатель докторской ученой степени, на свое горе, даже не сообразил, что на этой стадии защиты отказ оппонента – это вовсе не проблема диссертанта, а проблема совета, который оппонента назначает.

Так что прямота и смелость В.А. Разина дорогого стоят, и невольно начинаешь думать, а уж не близкий ли он родственник своего однофамильца – Степана Разина, который тоже был смелым и решительным и не выносил несправедливости со стороны власти?

Разговор в директорском кабинете сделал ситуацию простой и внятной. Сам В.Л. Гинзбург на защиту не поехал, надеясь на свое «письмо шестерым». Защита В.А. Разина, однако, успешно состоялась, и соискатель стал доктором наук. Правда, при тайном голосовании были голоса против, но нам неизвестно точно, сколько их было: похоже, что не больше двух. На самой защите против диссертации выступил Г.Г. Гетманцев – бывший аспирант Гинзбурга и будущий директор НИРФИ. Известно также, что Разин потом много лет пытался вычислить тех, кто голосовал против него, и одним из таких

считал Н.Г. Денисова. Но в действительности Николай Григорьевич голосовал «за».

Разумеется, диссертация Разина во всех смыслах была достойной работой, заслуживающей присуждения искомой докторской степени. Но то, что она прошла в совете НИРФИ, стало катастрофой для института. Гинзбург в 1972 году всерьез обиделся на НИРФИ, перестал приезжать в институт и стратегически поддерживать его в академических кругах. Впоследствии это повлияло на ход конфликта Гетманцев–Гапонов, приведшего в 1977 году к уходу из НИРФИ лучших научных сил в ИПФ АН СССР. И совсем необратимым отход Гинзбурга от НИРФИ стал в 1980 году, когда после внезапной кончины Г.Г. Гетманцева пост директора НИРФИ занял В.А. Разин.

* * *

Смелые шаги В.А. Разина привели к усилению его авторитета и способствовали продвижению тех достойных научных результатов, которые были им получены. Поэтому представляется важным отчетливо сформулировать их.

В.А. Разиным в 1950-х годах выполнены первые в радиоастрономической практике измерения плотностей потоков радиоизлучения космических источников Кассиопея А, Лебедь А и Телец А на сантиметровых волнах. Полученные по результатам этих измерений данные о спектральных индексах источников в дальнейшем были подтверждены измерениями других авторов. В последующие годы В.А. Разин с сотрудниками продолжали проводить абсолютные и относительные измерения радиоисточников на сантиметровых, дециметровых и метровых волнах. Были получены данные о вековом уменьшении плотности потока радиоизлучения Кассиопеи А, обнаружено вековое уменьшение плотности потока радиоизлучения Тельца А, выполнены измерения линейной поляризации радиоизлучения ряда галактических и внегалактических источников в сантиметровом и дециметровом диапазоне волн.

В.А. Разиным была разработана статистическая теория линейной поляризации синхротронного радиоизлучения дискретных

космических источников, развита теория их низкочастотных спектров. Выводы теории хорошо согласуются с экспериментальными данными.

В.А. Разин провёл обобщение теории синхротронного излучения в вакууме на случай, когда излучение генерируется в сильно разреженной плазме, и показал, что на низких частотах происходит квазиэкспоненциальный «завал» его спектра. Это явление в зарубежной и отечественной научной литературе называют «эффектом Разина». Там же употребляются такие понятия, как «частота Разина» и «фактор Разина–Лоренца».

В.А. Разин впервые указал на необходимость учета фарадеевского вращения плоскости поляризации линейно поляризованного радиоизлучения при распространении радиоволн внутри космических источников и на пути их распространения в межзвездной среде. Он вывел основные формулы и рассмотрел фарадеевскую деполяризацию в различных условиях. В дальнейшем концепция фарадеевского вращения плоскости поляризации радиоизлучения в космических средах развивалась в большом количестве работ и сейчас считается общепринятой.

Предложенный В.А. Разиным и развитый при участии его сотрудников радиоастрономический поляризационно-фарадеевский метод измерения электронного содержания ионосферы зарегистрирован в качестве изобретения, на которой выдан патент, имеются акты о его использовании в других научных организациях.

На основании теоретических исследований и анализа распределения по небу яркостной температуры радиоизлучения В.А. Разин показал, что ядро Галактики проявляет перманентную активность, и сделал вывод об отсутствии интенсивного радиогало Галактики. Он развил теорию спектра радиоизлучения Галактики с учетом влияния плазмы на излучение космических электронов и их сложного энергетического спектра. Кроме того, ему принадлежит ряд работ по проблемам астрофизики космических лучей и распространению радиоволн, а также разработка ряда новых методов радиоастрономических измерений.

В НИРФИ по инициативе В.А. Разина и под его непосредственным руководством в 1963–1964 гг. была создана радиоастрономи-

ческая обсерватория (РАО) «Старая Пустынь», где по настоящее время ведутся экспериментальные исследования фундаментального и прикладного характера. РАО «Старая Пустынь» в 1995 г. была включена в Список уникальных научных установок России, требующих государственной поддержки. Здесь выполнен большой цикл поляризационных исследований Галактики в широком диапазоне частот (84–1670 МГц). Методом многочастотных поляризационных наблюдений галактического радиоизлучения получены данные о трехмерной структуре галактического магнитного поля в областях Северного полярного выступа, Петли III и Северного полюса мира, свидетельствующие о существовании регулярной крупномасштабной петлевой составляющей межзвездного магнитного поля. Выявлено существование степенных и осциллирующих спектров поляризационной яркостной температуры указанных и других областей Галактики, что находит объяснение в рамках разработанной В.А. Разиным и его сотрудниками модели. Накоплен большой материал о временных вариациях полного электронного содержания ионосферы, их связи с активностью Солнца и её геомагнитными проявлениями.

В 1990 г. Владимиру Андреевичу присвоено звание профессора, в 2002 году звание «Заслуженный деятель науки РФ».

В.А. Разиным опубликовано более 160 научных работ, хорошо известных специалистам как у нас в стране, так и за рубежом.

Кроме того, В.А. Разин проводил большую и интересную организационную работу. С 1960 г. он входил в состав программных комитетов большинства всесоюзных конференций, проводившихся Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «Радиоастрономия». На отечественных и международных научных конференциях В.А. Разиным представлено более 80 докладов.

В.А. Разиным написан первый учебник по радиоастрономии «Введение в радиоастрономию» (соавторы – А.Г. Кисляков, Н.М. Цейтлин). В 1980 г. под его руководством в НИРФИ был создан филиал кафедры радиоастрономии и распространения радиоволн ННГУ, заведующим которой он был до 1990 г. Под руководством В.А. Разина защищены четыре кандидатские диссертации, в двух случаях он консультировал докторские диссертации.

В 1997–2006 гг. В.А. Разин был руководителем ведущей научной школы нижегородских радиоастрономов «Галактическая и внегалактическая радиоастрономия. Межзвездная среда».

За успехи в научной и научно-организационной деятельности В.А. Разин награждён правительственными и другими наградами. Ему вручен орден «Знак почёта».

Литература

[1] Первый в стране радиофизический институт (от создания до наших дней)/ Под ред. С.Д. Снегирева, В.М. Фридмана, О.А. Шейнер; ФГБНУ НИРФИ. – Нижний Новгород, 2016.

[2] Абрашкин А. Горьковская радиофизика: этапы становления // Русское междуречье. Н. Новгород: Дятловы горы, 2020. С. 157–164.

Ю.А. Кузнецов

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ САБАЕВ И ДИНАМИКА ЯДЕРНЫХ РЕАКТОРОВ

Евгений Федорович Сабаев относится к тому поколению талантливых и разносторонних ученых и педагогов, чьими трудами и усилиями определился нынешний стиль классического университетского образования в области механики и математики в Горьковском (Нижегородском) государственном университете им. Н.И. Лобачевского (ГГУ, ныне ННГУ). Он обладал рядом замечательных человеческих качеств, которые объясняют феномен его длительной и плодотворной научной работы в ГИФТИ и НИИ механики ННГУ¹ (см. примечания в конце), а также успешной педагогической деятельности на механико-математическом факультете (ММФ) ННГУ. Системный подход при достижении цели, замечательный талант организатора, умение сплотить и нацелить коллектив на

решение очередной задачи, четко и наглядно сформулировать ее суть, указать основные подходы к решению, выделить важнейшие этапы работы и, что еще более важно, почти всегда почувствовать (угадать) характер результата позволяли ему успешно разрешать сложнейшие математические проблемы. Успеху в работе способствовали и личные качества Евгения Федоровича – доброта, бескорыстность и внимание к людям, обязательность, врожденная порядочность, чувство юмора, самокритичность, умение даже об очень серьезных проблемах говорить просто. Это импонировало окружающим, примиряло и привлекало в его команду самых разных по характеру и амбициям людей. Несмотря на то что в эмоциональном плане Е.Ф. Сабаев был достаточно сдержанным, уравновешенным и «нешумным» (даже замкнутым и в определенной степени скрытным) человеком, он обладал замечательной способностью создавать вокруг себя атмосферу творчества и непринужденных отношений. Всё это приносило большую пользу общему делу.

* * *

Евгений Федорович Сабаев родился 12 февраля 1930 года в деревне Капустиха Воскресенского (ныне Семеновского) района Горьковской области ². В годы коллективизации Сабаевым пришлось оставить родные места, семья переехала сначала в Киров, а затем в Горький. Их было шесть человек: родители – Федор Иванович и Вера Андреевна, Евгений, его младший брат и сестры. Перед войной, когда политические страсти поутихли, все они переехали в поселок Воскресенское, но горе войны не обошло семью. Федор Иванович погиб на фронте, и Вера Андреевна одна поднимала четверых детей в сложное военное и послевоенное время. Тяжелая работа и неустроенность быта выбивали ее из сил. Однако здравый смысл, крепость характера и помощь старшего сына позволили ей преодолеть все невзгоды.

В 1948 году Евгений окончил Воскресенскую среднюю школу, а по ее окончании поступил на радиопизический факультет ГГУ. В годы учебы он получил очень основательную подготовку в области математических и естественных наук, которые были его стихией, стал

сталинским стипендиатом. Правда, четверка на государственном экзамене по курсу «Основы марксизма-ленинизма» не позволила ему получить диплом с отличием.

Уже в студенческие годы Евгения Федоровича отличала оригинальность мышления, что, вероятно, и привлекло к нему внимание Николая Александровича Железцова [1, 2], ставшего его научным руководителем. В декабре 1952 года Е.Ф. Сабаев пришел в только что созданную лабораторию динамики и электронного моделирования ГИФТИ³ (формально – на преддипломную практику и для написания дипломной работы, а фактически – как будущий ее сотрудник). Он включился в работу над задачей об устойчивости каскадов газодиффузионных машин для разделения изотопов урана. Тематика работы лаборатории в тот период была определена академиком А.А. Андроновым и главным конструктором ОКБМ⁴ И.И. Африкантовым⁵. Эта работа была очень актуальной, ею занимались и в ряде других научных коллективов и конструкторских бюро (КБ). Разработка газодиффузионных машин, обогащение урана и разделение его изотопов были одним из важнейших направлений работы в ОКБМ. И хотя в начале 1950-х годов в стране уже работали первые диффузионные обогатительные заводы в Новоуральске и Томске, острота проблемы не снималась в связи с крайне невысокой производительностью оборудования и огромной энергозатратностью процесса. Все это серьезно сдерживало выпуск оружейного урана. Перед лабораторией динамики и электронного моделирования, как и перед отраслью в целом, стояла задача повышения производительности оборудования и снижения энергозатратности процесса. Лаборатория занималась в первую очередь теоретическими, и в частности вычислительными, аспектами этой проблемы. Раньше и в несколько ином аспекте этой задачей занимался академик С.Л. Соболев, чьи работы послужили для лаборатории «стартовой площадкой». Лаборатория внесла весомый вклад в работу ОКБМ. В итоге, по воспоминаниям Ф.М. Митенкова⁶, в ОКБМ «смогли создать компрессор так называемого половинного расхода, который потреблял электроэнергию в разы меньше своего предшественника. Когда мы сдавали эти новые машины заказчикам, они просто пришли в восторг от того, что экономится столько электроэнергии».

Окончив университет в 1953 году, Евгений Федорович начал работать в ГИФТИ инженером. В том же году он был переведен на должность старшего инженера-конструктора, а в 1959 году – главного инженера-конструктора.

Лабораторией динамики и электронного моделирования руководил Н.А. Железцов. Ученик академика А.А. Андропова, последний его аспирант, он был безусловным лидером этого научного коллектива. Основная тематика лаборатории относилась к проблемам динамики и управления ядерными энергетическими установками (ЯЭУ), а также к вопросам их безопасности и надежности. Научная работа Е.Ф. Сабаева лежала в русле этих проблем. Первым серьезным ее итогом стала защита кандидатской диссертации 25 января 1965 года в специализированном диссертационном совете МИФИ⁷. Тема диссертации – «Динамика реактора БН-250», научный руководитель – Н.А. Железцов. В 1965 году Е.Ф. Сабаев был переведен на должность старшего научного сотрудника, а в 1968 году решением ВАК ему было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «Динамика машин, приборов и аппаратуры».

Рост объема теоретических и прикладных работ, расширение научной тематики, контактов с различными научно-исследовательскими институтами (НИИ) и КБ (в их числе – ОКБМ (Нижний Новгород), Институт атомной энергии им. И.В. Курчатова (ИАЭ), НИКИЭТ⁸, ФЭИ⁹, ИТЭФ¹⁰ и др.) потребовали привлечения новых сотрудников. В августе 1970 года лаборатория динамики и электронного моделирования была преобразована в отдел динамики систем ГИФТИ.

Е.Ф. Сабаев
(12.02.1930 – 15.09.2015)

В его составе было образовано четыре лаборатории, которые возглавили кандидаты наук В.Д. Горяченко, Е.Ф. Сабаев, А.В. Сергиевский (позднее этой лабораторией стал заведовать В.В. Знышев) и Л.В. Смирнов. Сам Н.А. Железцов играл роль координирующего центра и защитника отдела «в верхах». Постепенно отдел стал одним из крупнейших научных подразделений ГИФТИ. В 1975 году он вошел в состав НИИ механики при ННГУ.

В 1983 году Е.Ф. Сабаев защитил в специализированном диссертационном совете ИАЭ докторскую диссертацию «Системы сравнения и их приложения в динамике реакторов». В 1986 году ему было присвоено ученое звание профессора по специальности «Теоретическая и математическая физика».

Лаборатория динамики и электронного моделирования (1967 г.).

Стоят (слева направо): И.С. Постников, В.В. Знышев, Е.И. Емельянов, В.И. Будников

Сидят (слева направо): В.Д. Горяченко, Е.Ф. Сабаев, Н.А. Железцов, Л.В. Смирнов, С.Л. Горяченко, А.Л. Пригоровский

1 ноября 1983 года после перенесенного инсульта Н.А. Железцов вышел на пенсию по возрасту, и отдел динамики систем НИИ механики возглавил профессор В.Д. Горяченко, коллега и друг Евгения Федоровича. Однако, к сожалению, 16 декабря 1990 года после

тяжелой операции профессор В.Д. Горяченко ушел из жизни. После его кончины отдел динамики систем возглавил Е.Ф. Сабаев.

* * *

Для научной работы Е.Ф. Сабаева был характерен своеобразный стиль. Зачастую его неожиданные и парадоксальные высказывания, одобренные добрым и тонким юмором, нестандартные подходы к решению возникающих проблем хотя и вызывали поначалу удивление и даже недоверие коллег, но порождали большой интерес к рассматриваемому явлению и побуждали к дальнейшему исследованию вопроса. Под его руководством было защищено 14 кандидатских диссертаций. Он всегда давал возможность своим ученикам проверять их собственные гипотезы, не навязывая своего мнения, совершать свои собственные ошибки. Однако он внимательно следил за их изысканиями и всегда приходил на помощь в критический момент. Его способность оказываться в нужный момент в нужном месте всегда вселяла в людей уверенность, что необходимая помощь будет оказана. Это всегда делалось с большой деликатностью и осторожностью и не вызывало у людей раздражения, напротив, его бережное отношение к ученикам снискало их уважение и любовь.

Роль Евгения Федоровича Сабаева в становлении и развитии теоретических и прикладных исследований в области динамики ядерных энергетических установок (ЯЭУ) весьма значительна. Им получен ряд теоретических результатов, носящих достаточно универсальный характер и применимых в различных областях прикладных исследований, которые относятся к трем направлениям. Рассмотрим их последовательно.

Математическое моделирование динамики ЯЭУ

Теоретическое исследование динамики ЯЭУ может рассматриваться как самостоятельное научное направление. Общий уровень работ в этом направлении в 1950–1960-е годы и последовавшее затем их дальнейшее развитие позволяют отнести Е.Ф. Сабаева и его

учителя Н.А. Железцова к той относительно небольшой группе ученых, которые являются его основателями. Аналогичные исследования проводились, конечно же, и другими, как зарубежными, так и отечественными учеными. Если говорить о вкладе в исследования динамики ЯЭУ отечественных ученых, то, помимо нижегородской школы, следует отметить ещё два коллектива исследователей. Это школа профессора С.Б. Шихова в МИФИ (в просторечии – «мифическая школа»), а также коллектив исследователей, работавший под руководством Я.В. Шевелева в ИАЭ. Характерной чертой работ нижегородских исследователей стали идеи, методы и результаты школы А.А. Андропова.

Теория ядерных реакторов (ЯР) на протяжении нескольких десятков лет является важным источником новых математических задач. Неуклонный рост интереса к нестационарным и нелинейным явлениям в физике ядерных реакторов, расширение представлений о количественных и качественных характеристиках протекающих в них динамических процессов определяют важность теоретических исследований динамики ядерных реакторов, тем более что экспериментальные исследования во многих случаях невозможны. Так, задачи безопасности и надежности, связанные с исследованием аварийных ситуаций, как никакие другие, нуждаются в корректном математическом описании явлений и в теоретическом изучении их качественных особенностей. Общая математическая теория ядерных реакторов начала формироваться на рубеже 1940-х и 1950-х годов. Весомый вклад в нее был внесен нижегородскими учеными. Результатом их разработок являются способы построения моделей нестационарных процессов, исследования устойчивости стационарных режимов работы, автоколебаний, а также изучение зависимости динамических свойств установок от параметров.

К числу важнейших результатов Е.Ф. Сабаева в области математического моделирования динамики ЯЭУ можно отнести следующие результаты (см. [3, 4]):

1. Доказательство справедливости частотных критериев устойчивости для весьма широкого класса распределенных моделей, включающих в себя, в частности, некоторые математические модели динамики ЯЭУ. Вывод и доказательство частотного критерия устойчивости

стационарного режима ядерного энергетического реактора на тепловых нейтронах; исследование устойчивости стационарного режима ядерного энергетического реактора на тепловых нейтронах в рамках нелинейной распределенной модели динамики нейтронного поля с учетом запаздывающих нейтронов и изменения нуклидного состава среды. При этом был использован подход, опирающийся на метод матричных неравенств, развитый в пионерских работах В.А. Якубовича и Р.Е. Калмана при исследовании задачи об абсолютной устойчивости. Условия устойчивости были сформулированы в удобной для приложений форме – в виде свойств частотной характеристики линейной части системы.

2. Исследование проблемы возникновения «ксеноновых колебаний» – колебаний нейтронного поля в ЯР, обусловленных «отравлением» реактора ксеноном. Примененная методика приводила к построению некоторой конечномерной модели для амплитуд «неустойчивых гармоник» нейтронного поля в ЯР и исследованию этой системы традиционными методами теории устойчивости.

В рамках этой задачи была поставлена общая проблема вычисления ляпуновских величин в критических случаях для распределенных систем¹¹. При этом были получены и некоторые важные в практическом плане результаты в вопросе о возникновении «ксеноновых колебаний».

3. Исследование теоретических вопросов динамики двухфазных потоков для одномерных двухфазных потоков с учетом проскальзывания фаз [5, 6]. Применение интегральной модели количества движения для исследования устойчивости кипящих каналов (интенсивных колебаний расхода теплоносителя). Исследование устойчивости и условий существования регулярного режима одноконтурных систем с естественной циркуляцией теплоносителя [6].

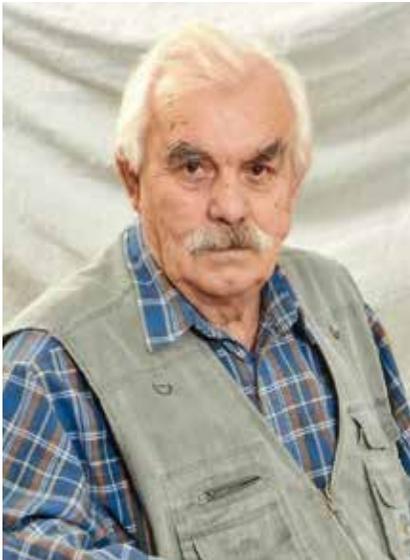
4. Теоретическое и расчетное исследование причин и характера протекания аварий на объектах атомной энергетики (в частности, на Чернобыльской АЭС). В работе [7] было указано на возможность сильной нейтронной вспышки при работе реактора на малой мощности. Полученные Е.Ф. Сабаевым результаты в дальнейшем неоднократно модифицировались и обобщались многими авторами.

Качественная теория дифференциальных уравнений

1. Исследование новых классов систем сравнения для нелинейных дифференциальных уравнений и для динамических систем общего вида (в частности, рассмотрение и исследование свойств матричных систем сравнения¹²). Применение полученных результатов в задачах теории дифференциальных уравнений с отклоняющимся аргументом [3, 4, 8].

2. Обобщение ряда классических «конечномерных» результатов на случай нелинейных дифференциальных уравнений в банаховом пространстве¹³ с неограниченным линейным оператором. Исследование некоторых «критических случаев», получение удобных явных формул для ляпуновских величин и применение последних в ряде прикладных задач [9].

Теория управления и теория автоматического регулирования

Сабаев Е.Ф. в восемьдесят с небольшим лет

К числу важнейших результатов Е.Ф. Сабаева в области теории управления и теории автоматического регулирования можно отнести следующие результаты:

1. Доказательство справедливости частотных критериев устойчивости для широкого класса распределенных моделей [10].

2. Исследование теории систем с переменной структурой (СПС). Вопрос об условиях их устойчивости долгое время оставался открытым. В 1970-е годы Е.Ф. Сабаев предложил использовать для исследования СПС обобщенные функции Ляпунова. Развитие этой идеи дало

возможность получить необходимые и достаточные условия устойчивости в целом СПС с линейным объектом регулирования [10–14]. Данный подход позволил в дальнейшем исследовать системы при наличии неидеальных элементов переключения (т.е. при наличии мертвых зон или гистерезиса в релейных звеньях системы управления). Кроме того, использование обобщенных функций Ляпунова дало возможность получить условия экспоненциальной устойчивости этих систем и исследовать системы СПС с двумя управляющими воздействиями.

* * *

С большим интересом относился Евгений Федорович и к педагогической деятельности. В 1968 году он начал читать спецкурс «Теория устойчивости движения» на радиофизическом факультете ГГУ. Однако в дальнейшем его преподавательская деятельность была связана преимущественно с ММФ.

В 1990–1991 году он – профессор кафедры математической физики ММФ. В 1991 году становится заведующим кафедрой теоретической механики. Её он возглавлял в течение семи лет, а в дальнейшем работал на ней в должности профессора. При этом он некоторое время продолжал работу (по совместительству) в должности заведующего отделом динамики систем в НИИ механики.

В это время в ННГУ началась реализация инновационного образовательного проекта, посвященного развитию методики преподавания социально-экономических дисциплин. На ММФ была сконцентрирована работа по теме «Математические методы в экономике». Е.Ф. Сабаев принял активное участие в выполнении этого проекта и внес весьма значительный вклад в разработку курсов экономико-математической направленности.

Е.Ф. Сабаев очень серьезно относился к проведению учебных занятий. Он является автором ряда учебных и методических пособий для студентов ММФ. Под его руководством было выполнено большое количество выпускных квалификационных работ по специальности «Математические методы в экономике». Столь же серьезно и добро-

совестно Е.Ф. Сабаев относился к проведению зачетов и экзаменов, особенно к работе в государственной экзаменационной комиссии.

Ещё в годы учебы у него проявился интерес к шахматам (первый разряд), не ослабевавший на протяжении всей жизни. Он с удовольствием участвовал в соревнованиях любителей. Евгений Федорович был заядлым грибником и рыболовом (ловил на спиннинг). Он был хорошим сыном и братом и, как старший мужчина в семье, помогал матери в заботе о младших. Во многом благодаря его стараниям обе сестры и брат получили высшее образование и заняли достойное место в обществе.

Шахматы – увлечение всей жизни!

Е.Ф. Сабаев и А.В. Сергиевский

На протяжении всей жизни Евгений Федорович дружил с А.В. Сергиевским. Научное содружество двух талантливых, но несхожих людей – открытого и закрытого, быстрого и спокойного, «пламени и льда» – породило не один научный результат.

На протяжении длительного времени Е.Ф. Сабаев являлся членом специализированных диссертационных советов ННГУ, НГТУ и ИАЭ, был членом редколлегии журнала «Вестник ННГУ» и периодического всесоюзного сборника статей «Вопросы атомной науки и техники. Динамика ядерных энергетических установок». С 1979 года, после реорганизации этого издания, сборники по динамике ЯЭУ стали выходить в качестве ежегодных специализированных выпусков серии «Физика и техника ядерных реакторов». Более десяти лет (до 2000 года) Е.Ф. Сабаев принимал участие в работе Минатома РФ в качестве члена секции Научно-технического совета отрасли

по динамике. Ученый был награжден медалями «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и «Ветеран труда», знаком «Ударник десятой пятилетки», ему было присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

Могу с полной уверенностью сказать, что в молодости мне очень повезло, что одним из моих учителей был Е.Ф. Сабаев. Знакомство с ним, по существу, определило и мою научную судьбу, да и, в определенной мере, всю жизнь. Несмотря на заметную разницу в возрасте, это был надежный и преданный друг, готовый в критический момент протянуть руку помощи, дать толковый совет, подсказать правильное решение. К большому сожалению, его уже нет в живых.

Завершая рассказ о Евгении Федоровиче Сабаеве, скажу только одно: он принадлежит к той плеяде ученых, чье воздействие на умы и память о которых остаются надолго после их ухода.

Примечания

¹ Горьковский исследовательский физико-технический институт при ГГУ (ГИФТИ), ныне Нижегородский исследовательский физико-технический институт при ННГУ (НИФТИ). Был образован 8 августа 1930 г., в составе Нижегородского государственного университета с 1932 г. На базе ГИФТИ: в 1956 г. возник Научно-исследовательский радиофизический институт (НИРФИ), в 1964 г. – Научно-исследовательский институт прикладной математики и кибернетики (НИИ ПМК), а в 1974 г. Научно-исследовательский институт механики (НИИ механики при ННГУ).

² При изложении фактов биографии Е.Ф. Сабаева автор использовал информацию, предоставленную его супругой Татьяной Анатольевной, близкими, друзьями и коллегами. Выражаю всем им глубокую признательность.

³ Лаборатория была создана в 1952 году в ГИФТИ по инициативе академика А.А. Андропова и И.И. Африкантова.

⁴ ОКБМ образовано 1 марта 1947 года на базе КБ Горьковского машиностроительного завода как Особое конструкторское бюро

(ОКБ) по созданию оборудования для атомной промышленности. В 1998 году ОКБМ присвоено имя И.И. Африкантова.

⁵ Африкантов Игорь Иванович (1916–1969) – конструктор, организатор работ по созданию ядерных реакторов и оборудования для атомной промышленности. С 1951 г. начальник и главный конструктор ОКБМ. Лауреат Ленинской (1958) и Государственной (1953) премий СССР, Герой Социалистического Труда (1960).

⁶ Митенков Фёдор Михайлович (1924–2016) – специалист в области атомного энергомашиностроения. В 1969–1997 гг. – директор и генеральный конструктор ОКБМ, с 1997 года до своей кончины – научный руководитель ОКБМ. Член-корреспондент АН СССР (1979 г.), академик АН СССР (1990 г.).

⁷ Московский инженерно-физический институт (МИФИ) был основан в 1942 г. как Московский механический институт боеприпасов (ММИБ). В 1953 г. переименован в МИФИ.

⁹ Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники (НИКИЭТ) был создан 9 сентября 1952 г. НИКИЭТ должен был разработать ядерную энергетическую установку для первой советской атомной подводной лодки.

¹⁰ Физико-энергетический институт, в настоящее время Государственный научный центр Российской Федерации – Физико-энергетический институт имени А. И. Лейпунского (АО «ГНЦ РФ – ФЭИ»). Основан 31 мая 1946 г. с целью разработки ядерных реакторов. Сотрудниками института была построена первая в мире атомная электростанция в Обнинске (введена в строй 26 июня 1954 г.).

¹¹ Институт теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ), создан 1 декабря 1945 г.

¹² В общей теории устойчивости в качестве одной из важнейших выделена проблема исследования особенных (в современной терминологии – критических) *случаев*. Таким термином Александр Михайлович Ляпунов (1857–1918) обозначил ситуацию, когда об устойчивости состояния равновесия невозможно судить по системе уравнений первого приближения (линеаризованной системе уравнений). В этом случае характеристическое уравнение линеаризованной системы уравнений, не имея корней с положительными вещественными частями, имеет корни, вещественные части которых суть

нули. Как следствие, для решения вопроса об устойчивости состояния равновесия приходится рассматривать существенно более сложные нелинейные соотношения. На их основе вычисляются коэффициенты, именуемые ляпуновскими величинами, по знаку которых можно судить об устойчивости (либо неустойчивости) исследуемого состояния равновесия.

¹³ Очень часто при исследовании проблем устойчивости наряду с исходной системой уравнений в рассмотрение вводится некоторая вспомогательная система, называемая системой сравнения (СС). Характерным примером такого подхода может служить метод вектор-функций Ляпунова. Во многих случаях удается построить СС, обладающие определенными интересными свойствами, которые можно перенести на исходные системы. Обычно (хотя далеко не всегда) СС представляет собой конечномерную систему дифференциальных уравнений, размерность которой меньше, чем размерность исходной системы. Впрочем, иногда удобнее рассматривать СС большей размерности (например, матричные СС). «Принцип сравнения» восходит к работам выдающегося российского механика и математика Сергея Александровича Чаплыгина (1869–1942).

¹⁴ Метрическое векторное пространство, обладающее определенными свойствами (основное понятие функционального анализа).

Список литературы

1. Сергиевский А.В. Николай Александрович Железцов (12.09.1919–4.11.1985) // *Вестник ННГУ. Серия: Математическое моделирование и оптимальное управление*. 1999. № 2 (21). С. 7–21.
2. Личность в науке: Н.П. Власов, Н.А. Железцов. Документы жизни. Каталог выставки. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. – 172 с.
3. Сабаев Е.Ф. Системы сравнения для нелинейных дифференциальных уравнений и их приложения в динамике реакторов. – М.: Атомиздат, 1980. – 192 с.
4. Сабаев Е.Ф. Некоторые вопросы нелинейной динамики реакторов // *Динамика ядерных реакторов* / Под ред. Я.В. Шевелева. – М.: Энергоатомиздат, 1990. С. 122 – 166.

5. Кузнецов Ю.А., Сабаев Е.Ф. Интегральная модель количества движения // *Применение метода функций Ляпунова в энергетике*. – Новосибирск: Наука, 1975. С. 161–166.

6. Кузнецов Ю.А. Сабаев Е.Ф. Интегральная модель количества движения для одномерных двухфазных потоков // *Теплофизика высоких температур*. 1976. Т. 14. № 2. С. 321–327.

7. Сабаев Е.Ф. Переходные процессы в кипящих канальных реакторах при потере управления на малых уровнях мощности // *Вопросы атомной науки и техники. Серия: Физика и техника ядерных реакторов*. 1988. № 1. С. 3–9.

8. Кузнецов Ю.А., Сабаев Е.Ф. Оценки решений в фазовом пространстве и устойчивость инвариантных множеств // *Дифференциальные уравнения*. 1978. Т. 14. № 2. С. 212–222.

9. Кузнецов Ю.А., Сабаев Е.Ф. Вычисление ляпуновских величин для дифференциальных уравнений в банаховом пространстве в некоторых критических случаях // *ДАН СССР*. 1978. Т. 240. № 4. С. 778–781.

10. Постников И.С., Сабаев Е.Ф. Применение метода матричных неравенств Якубовича к исследованию устойчивости некоторых систем с распределенными параметрами // *Известия вузов. Радиофизика*. 1968. Т. 11. № 3. С. 343–352.

11. Безводинская (Сабаева) Т.А., Сабаев Е.Ф. Частотный критерий устойчивости САР с переменной структурой // *Автоматика и телемеханика*. 1972. № 7. С. 79–84.

12. Безводинская (Сабаева) Т.А., Сабаев Е.Ф. Исследование особенностей фазового пространства САР с переменной структурой // *Автоматика и телемеханика*. 1973. № 7. С. 76–79.

13. Безводинская (Сабаева) Т.А., Сабаев Е.Ф. Условия устойчивости в целом систем с переменной структурой // *Автоматика и телемеханика*. 1974. № 10. С. 64–68.

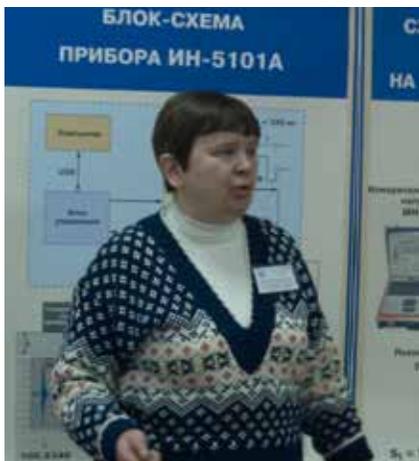
14. Сабаев Е.Ф., Сабаева Т.А. Условия экспоненциальной устойчивости систем с переменной структурой // *Автоматика и телемеханика*. 1976. № 6. С. 180–181.

Владимир Ерофеев

ФЕНОМЕН НАДЕЖДЫ НИКИТИНОЙ

Вот уже пять лет, как нет с нами Надежды Евгеньевны Никитиной – доктора технических наук, главного научного сотрудника Института проблем машиностроения Российской академии наук. Она умерла 8 января 2016 года. Кончина этого яркого, талантливого и жизненнолюбивого человека была скоропостижной и повергла в шок всех, кто ее знал.

В этом году Надежде Евгеньевне исполнилось бы 70 лет.

Надежда Евгеньевна на очередной научной конференции

Надежда Евгеньевна Никитина родилась 4 февраля 1951 года в Сорновском районе г. Горького. Ее мать была учительницей английского языка, отец – журналистом, прошедшим Великую Отечественную войну фронтовым репортером. Дед Надежды Евгеньевны, и этим семья особенно гордилась, был слесарем Сорновского судостроительного завода, Героем Труда (было такое звание в 1920-х годах, предшествующее званию Героя Социалистического Труда).

После окончания в 1973 году радиофизического факультета Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Н.Е. Никитина работала в акустическом отделе Горьковского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института по нормализации в машиностроении Госстандарта СССР (Гф ВНИИНМАШ) младшим научным сотрудником, затем старшим научным сотрудником. С 1989 года работала в Горьковском филиале Института машиноведения им. А.А. Благонравова АН СССР (ныне Институт проблем машиностроения РАН), где прошла путь от научного сотрудника до главного научного сотрудника.

Основные научные достижения Н.Е. Никитиной относятся к развитию методов неразрушающего контроля, решению проблем определения напряженно-деформируемого состояния материалов и конструкций на основе явления акустоупругости.

Физический смысл эффекта акустоупругости, обнаруженного Р. Бенсоном и В. Рилсоном в 1959 году, заключается в зависимости скорости распространения упругих волн от напряжений (деформаций), действующих в твердых телах. Наличие таких зависимостей открывает дорогу к применению акустических измерений для изучения напряженно-деформированного состояния твердых тел. Наиболее простую экспериментальную реализацию указанного эффекта можно осуществить, если создать в изотропном материале одноосное напряженное состояние и обеспечить распространение по нормали к направлению действия нагрузки сдвиговых волн с поляризацией вдоль и поперек этого направления. В этом случае изменения скоростей имеют разные знаки, а их разница пропорциональна действующему в материале напряжению, однако для обычных металлов и сплавов относительная разница скоростей не достигает, а в лучшем случае чуть превосходит 1 процент даже при напряжениях, равных пределу текучести материала. Чтобы оценить напряжения, действующие в конструкционных материалах, с погрешностью 10 и менее процентов от предела текучести, требуется осуществлять прецизионные измерения скоростей волн с относительной погрешностью 0,1–0,01 процента. Тут и неспециалисту ясно, сколько всяких «помех» появится при практическом применении метода для диагностики реальных материалов в реальных условиях.

Экспериментальные будни Надежды Евгеньевны

Прежде чем метод акустоупругости (называемый еще методом акустической тензометрии) стал стабильным и надежным орудием неразрушающего контроля материалов и конструкций, исследователям из разных стран и разных научных школ пришлось изрядно потрудиться.

Обратим внимание на весомость вклада, внесенного Н.Е. Никиотиной в общую копилку акустоупругих достижений. Именно Надежда Евгеньевна определила, как будут влиять двухосные напряжения на акустическую волну, если она не является синусоидальной, а представляет собой сигнал импульсной формы; экспериментально обнаружила эффект, аналогичный акустоупругому, при воздействии на материал гармонического напряжения (динамическая акустоупругость); разработала и экспериментально апробировала способ определения напряженного состояния материалов в режиме безнулевой тензометрии, т.е. когда значение скоростей зондирующих волн до возникновения напряжений («нулевые значения») неизвестно.

Эти результаты легли в основу ее кандидатской диссертации «Акустические методы исследования напряженного состояния структурно неоднородных сред», защищенной в 1991 году по физико-математическим наукам, и ее докторской диссертации «Исследование структурного и напряженного состояний твердых тел с помощью упругих волн», защищенной в 1994 году по техническим наукам.

Под ее научным руководством разработан комплекс национальных стандартов по практическому применению метода акустоупругости для определения механических напряжений, создан прибор ИН-

5101А, серийно выпускаемый инженерной фирмой «ИНКОТЕС» и предназначенный для измерения напряжений, возникающих при монтаже и эксплуатации крупногабаритных изделий и конструкций. Результаты ее исследований внедрены на предприятиях атомной энергетики, авиа- и ракетостроения, машиностроения и судостроения, в трубопроводном транспорте нефти и газа.

Монография Н.Е. Никитиной «Акустоупругость. Опыт практического применения» широко известна и пользуется заслуженным авторитетом у научных работников, аспирантов и инженеров, занятых исследованиями и техническими разработками в области экспериментальной механики, физической акустики, неразрушающего контроля и диагностики материалов и изделий.

Результаты исследований Н.Е. Никитиной включены в семитомный справочник «Неразрушающий контроль», вышедший в 2004 году. При этом в обзорной части справочника можно прочесть: «Следует упомянуть работы Б.А. Колюхова*, Н.Е. Никитиной и др., посвященные использованию нелинейного взаимодействия упругих волн для контроля напряжений в условиях структурной неоднородности материала. Необходимо отметить, что этой группой разработаны несколько вариантов методики диагностирования деталей машин и определения дисперсии внутренних напряжений акустическим методом».

Надежда Евгеньевна не была только кабинетным ученым или только ученым из академической лаборатории. Она объездила всю страну от Владивостока до Калининграда, проведя много времени в цехах, на полигонах и опытных площадках при проведении испытаний высокотехнологичных изделий различного целевого назначения как мирного, так и оборонного характера.

Много внимания уделяла Н.Е. Никитина тем, кто делал первые шаги в профессии. Не так много молодых исследователей, у которых она была официальным научным руководителем, но именно ее заботу, помощь и установку на успех ощущают многие и многие. Приведем воспоминания двух ее учеников.

С.Н. Веричев (к.ф.-м.н., Нидерланды): «Практически все без исключения аспиранты ИМАШа были так называемыми «мальчишами» Надежды Евгеньевны. Причем однажды полученное звание «мальчиша» со всеми вытекающими правами и обязанностями сохра-

нялось пожизненно. Мальчиши были и волосатые, и лысые, и усатые, и седовласые – всякие были мальчиши. Мальчиши Надеждой Евгеньевной опекались и морально поддерживались. Она всегда с охотой рассказывала про успехи своих мальчишей и грустила, когда они, покидая гнездо, общались с ней всё меньше и меньше. Мы уезжали. А она оставалась там, в своей лаборатории, где был обыденный советский интерьер: облупленные стены, старенькие столы и компьютеры, чай и печенье. Это было то место, из которого мальчиши уходили в «большую жизнь». То место, душой которого она являлась. Место, в которое можно было вернуться спустя годы и увидеть всё ту же Надежду Евгеньевну, работающую за своим компьютером. Она, казалось, не менялась, и это место было для мальчишей каким-то якорем, а может, запасным аэродромом, куда можно было всегда вернуться, где тебе всегда были рады».

А.К. Бритенков (к.ф.-м.н., руководитель экспедиции отдела акустики океана Центра гидроакустики ИПФ РАН): «Своих подопечных аспирантов Н.Е. Никитина называла мальчишами.

– От мальчишей для меня может быть не только вред, но и польза, а от меня для мальчишей – не только польза, но и вред, – говорила Надежда Евгеньевна.

В каких-то вопросах (Интернет, настройки компьютера) мы помогали ей и незаметно для нас самих во время чаепития в её лаборатории впитывали идеи, традиции радиофизики, концепции и методологию научной работы. Именно эти качества мягкой силы, глубочайшего обаяния, юмора и научной квалификации неизменно притягивали многих к личности Н.Е. Никитиной и сделали запоминающимися те безвозвратно ушедшие и кажущиеся фантастичными моменты сотрудничества, научной работы, дружбы и совместного творчества с ней».

Надежда Евгеньевна была горнолыжницей, туристом-водником, успешным садоводом. Но главное – она была вдохновенным исследователем-профессионалом. А еще она была поэтом. Ее стихи, и опубликованные («Поезд счастья», 2006), и те, которым еще «настанет свой черед», так же, как и ее научные труды, так же, как и память о ней, переживут ее на многие годы.

Надежда Никитина

СТИХИ

AVANTE!

Мы с тобой не пойдём
за Шенгенскую визой –
Ни в Раю, ни в Европе
не ждут нас с тобой.
Мы потонем в дерьме,
мы пройдем по карнизу,
Но вернемся домой,
мы вернемся домой!

Апельсиновый свет
неминуемо гаснет,
И вовсю разгорается
красный опять,
И уходит в туман,
в темноту, на запасный,
Заполняя пространство
командой «стоять!».

Здесь мы будем стоять
на жаре, на морозе,
Как нас в светлое завтра
зови – не зови,
На крыльце у сельпо,
ожидая завоза
Фонарей, апельсинов,
тепла и любви.

Нам всегда выпадает
орлиная решка.

* * *

Мечты и сны, поклоны издалека
И радостных известий благодать –
Зачем беречь их как зеницу ока,
Кому их красть, да и кому отдать?

Под грузом небольшого капиталца
Легко, на небо глядячи, тонуть.
Приветом, как лоскутным одеяльцем,
Сумев себя по шею завернуть.

Иль, не сумев, ледышкой безымянной
Болтаться на поверхности воды...
О, мой герой! Спасатель мой румяный,
Пинка б тебе по попке за труды!

Англия

У них – всё время дождь.
У нас – всё время ведра,
Пустые ведра с бабою вашей.

О боже, сделай небо им потверже,
А нам – дыру в безвыходность зашей...

Прощай, СССР!

Ноябрь. Достать пен-браш и плакать,
Посконным цветом запасясь,
Как будто в щи макая лапоть,
И салютуя, и крестясь.

При повсеместном вздорожанье,
Охоте к перемене мест

Открыть окошко в мирозданье
И дали оглядеть окрест.

И не стремиться к совершенству
В подборе цвета для небес –
Дорога к райскому блаженству
Уж не наверх теперь, на вост.

В картине этой жизнь былую
Едва ли можно опознать.
Но эту истину простую
Еще возможно осознать.

* * *

И была я мудра,
И простила его –
Фимиама воскурила
Во имя его,
Белену заварила
На горе его,
И стихом говорила
На счастье его.

И неважно мне было,
Вернется ли он,
Я земной – неземной ли –
Творила поклон,
И невидимой пальмы
Рвала лепестки,
И неслышимых птиц
Прогоняла с руки...

А он только прищипывал
Крепче коня,

А он только летел
Среди ночи ли, дня,
А он только силки
Проверял по полям.
Да топор примерял
К своенравным ветвям.

И он был, как всегда,
Оглушающе прав,
У меня эту ночь,
Эту полночь украл.
Ведь разумна бываю я –
Всем на беду –
Разве только лишь день
Или полдня в году!

* * *

Я иду по шумной улице
И несусь в руках аквариум.
Там плавают старые сказки,
Запахи горелой фотопленки
И пятилепестковой сирени.
А в хрустальном гроте
Из невысказанно сверкающих желаний
Живет золотая рыбка
По имени Мечта.

Иногда мне так хочется
Нырнуть в этот аквариум
И поплавать немного
Вместе с золотой рыбкой.
Но он слишком мал для меня.
Да и что тут можно сделать?
Разве что сердце туда положить.

Если когда-нибудь на улице
Вы увидите человека
С большим аквариумом –
Не смейтесь над ним
И не уговаривайте его бросить стекляшку:
Ведь там лежит его сердце.

А может, это буду я.
Мигните, если вы из наших.

* * *

Всё успеть – ты не успеешь,
Всё узнать – ты не узнаешь.
Раньше времени истлеешь,
В синеве, как дым, растаешь.

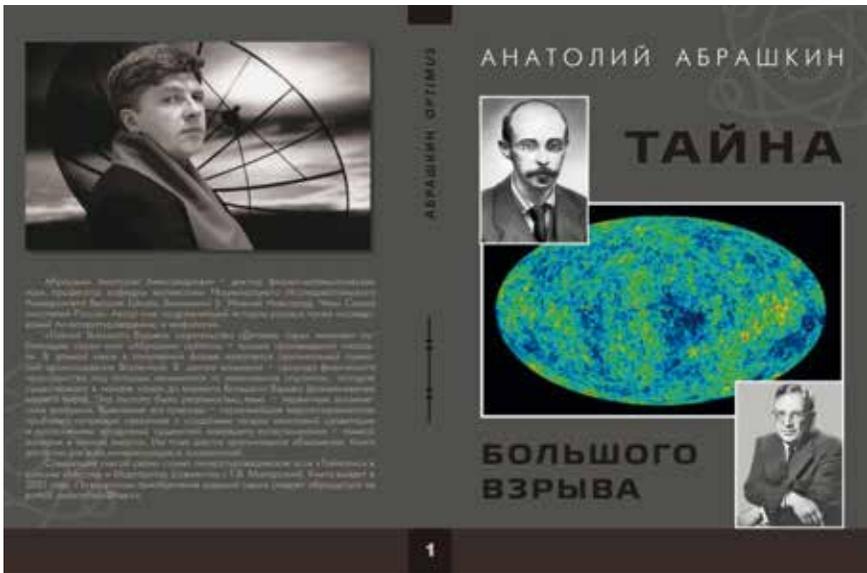
Быть костром – лихое дело.
Рваться ввысь – шальные игры,
Покрываясь пеплом белым,
Рассыпать по небу искры.

В небесах луна в почете.
Кругл и ровен каждый кратер.
Вы потом меня найдете
По широкой звездной карте.

АНОНС КНИГИ

В 2020 году в издательстве «Дятловы горы» (Нижний Новгород) вышла книга Анатолия Абрашкина «Тайна Большого Взрыва». В 2021 году она выйдет также в издательстве URSS (Москва). Книга предлагает оригинальный взгляд на природу изначальной пустоты, механизм действия гравитации и происхождение Вселенной. Она написана в жанре научного детектива и адресована всем, интересующимся проблемами космологии.

Ниже публикуется одна из ее глав. Книгу можно приобрести, послав заявку автору по e-mail или заказав в магазине URSS через Интернет.

САМАЯ ЗНАМЕНИТАЯ ФОРМУЛА ФИЗИКИ

То, что скажу тебе, не блажь, не болтовня,
Внемли моим словам, свою главу склоня.
То, что скажу тебе, не терпит возраженья,
И ты не возражай, не огорчай меня!

Бабур

Жизнь современного человека подобна судьбе элементарной частицы, разгоняемой на ускорителе. Скорость принятия решения, контрольные сроки их документального оформления и, главное, заданные рамки творческих решений заставляют его «кормиться» поверхностной информацией, будь то политика, экономика, искусство или наука. Есть даже детский фокус, когда испытуемому вручается свернутый листок бумаги, а потом в быстром темпе задаются три вопроса, требующие назвать любую птицу, писателя и ученого. Как правило, в ответе фигурируют «курица, Пушкин и Эйнштейн» – как раз те слова, которые записаны на листке. Удивление участника опроса обычно беспредельно, но он попросту попался на провокацию. В большинстве ситуаций нам лень лишний раз напрягать ум, мы настроены на формулировку простейших версий и начинаем вникать по существу только тогда, когда нам скажут, что ответ неверен. То же самое происходит и с решением большинства задач, которые нам предлагают в качестве испытания. Лишний вопрос, лишняя проблема – это обуза, которая займет и время, и силы. Вот поэтому мы очень доверчивы и предпочитаем жизнь в мире мифов и легенд, не вникая по существу в их происхождение и внутреннее содержание. Пишу это совсем не потому, что хочу кого-то обидеть. Как дитя современной цивилизации, автор и сам такой.

Но есть у нас вместе с тем и внутренние, интуитивные предчувствия, которые настраивают на сдержанное отношение к некоторым прописным истинам. Они занозой сидят в мозгу и заставляют его вскипать при подробном обдумывании вопроса. Одна из таких заноз – восприятие формулы Эйнштейна, самой знаменитой формулы

физики. Даже люди, никогда не открывавшие учебник физики, могли видеть ее на футболках, чашках и т. д. Записывается она так:

$$E_0 = mc^2. \quad (4.2)$$

где E_0 – энергия покоя тела, m – его масса, а c – скорость света в вакууме. Масса тела не меняется при его движении и с точностью до постоянного множителя c^2 равна энергии, содержащейся в покоящемся теле. Этот принцип эквивалентности массы и энергии покоя со школьных времен оставался для меня не вполне понятным. Казалось бы, чего проще. Мой нынешний вес – 82 килограмма, скорость света известна, значит, моя энергия покоя равна приблизительно $7,4 \times 10^{18}$ джоулей. Это очень большое число, оно особо впечатляет, если к семидесяти четырем приписать семнадцать нулей справа. Для справки: эта энергия в 100 тысяч раз больше энергии, выделившейся при бомбардировке Хиросимы (к большим величинам легко привыкнуть, придумывая для них сокращенные обозначения вроде «мега», «гига», «тера»).

В формуле Эйнштейна удивляет присутствие скорости света. Почему энергия покоя связана с ней? И почему это скорость света в вакууме, а не в какой-то другой среде? Может, в этом проявляется связь материального мира с его вакуумным прошлым? Энергию покоя следует соотносить с внутренней энергией тела. Но неужели внутри тела запрятаны какие-то микроструктуры, характеристикой которых служит скорость света? Формула (4.2) включает скорость света, она – следствие специальной теории относительности. Но релятивистские эффекты проявляются, когда тело начинает двигаться со скоростью, близкой к скорости света. В нашем же случае оно покоится. Спрашивается, какая субстанция поучаствовала в «закачке» в тела релятивистской энергии?.. Меня всегда удивляло, что нигде на это не обращалось внимания.

Есть в формуле (4.2) и еще одна странность. В классической механике энергия покоящегося тела может быть как положительной, так и отрицательной: она определена с точностью до постоянной величины. Но величина E_0 всегда положительна, и это порождает еще один вопрос: в чем причина ее «неклассичности»?

Формула (4.2) справедлива и для элементарных частиц. Она объект квантового мира, в законах которого царствует постоянная Планка. Но выражение для энергии покоя микрочастиц не содержит этой постоянной. Универсальность принципа эквивалентности массы и энергии воистину впечатляет.

На формулу (4.2) интересно взглянуть также с точки зрения молекулярно-кинетического описания. Представим, что энергия покоя некоторого физического объекта складывается из усредненных энергий составляющих его частиц. Будем считать частицы тождественными и невзаимодействующими между собой. Примером такой системы служит, например, идеальный газ. Молекулы в газе могут двигаться с разными скоростями, но в состоянии равновесия в системе частиц устанавливается вполне определенное распределение по скоростям движения (распределение Максвелла). Формула (4.2) диктует иное (равномерное) распределение. Каждая из гипотетических частиц должна двигаться с постоянной скоростью, равной скорости света. С физической точки зрения, такая система частиц выглядит в высшей степени странной и нереализуемой, поскольку специальная теория относительности запрещает массивной частице разогнаться до скорости света. Но именно таким свойством обладают наши ансамбли эфиронов*. Да, это виртуальные частицы, и время их жизни порядка планковского времени. Но они характеризуют реальное физическое пространство, задавая его квантовые масштабы длины и времени, а также энергию элементарной (планковской) ячейки пространства. Не будем скромничать, у нас появляются очень серьезные основания для объяснения самой красивой формулы физики. Во всяком случае, открывается возможность для наполнения ее новыми образами, диктуемыми логикой нашего исследования.

Будем измерять массу тела в долях планковской массы, то есть поставим величине m в соответствие некоторое безразмерное число

$$N = \frac{m}{m_{pl}}, \quad (4.3)$$

оно определяет, сколько частиц с планковской массой смогут уравновесить данное тело. Поскольку число N определяет долю эфиронов, составляющих данную массу, то его логично назвать эфирон-

ным числом. Планковская масса, разумеется, не является минимально возможной, но почему бы ей не быть квантом массы? Ведь это масса элементарной ячейки пространства, и она должна участвовать в объяснении гравитации. Логика исследования ведет нас к мысли, что планковская масса выступает меркой в мире масс. Эфиронное число при этом может принимать любые положительные значения, не обязательно целые. Для электрона, например, $N_e \approx 4,3 \times 10^{-23}$. Такая «квантизация», стоит признать, выглядит непривычно, но она придает величине массы фундаментальный физический смысл. Масса определяется как произведение планковской массы на эфиронное число, выступающее эквивалентом массы тела. Давая такое определение, мы привязываем массу к одной из фундаментальных мировых постоянных. Если ранее для нее вводились «искусственные» эталонные величины – 1 грамм, 1 килограмм и т. д., то наш подход выявляет истинный, содержательный смысл массы. Каждое материальное тело погружено в гравитационный эфир, состоящий из виртуальных частиц (эфиронов). Масса тела – это масса определенного числа этих первичных частиц (квантов массы). Используя язык квантовой теории поля, можно сказать, что каждое тело одновременно испускает и поглощает N эфиронов (N квантов массы).

Выражение для энергии покоя с учетом соотношения (4.3) переписывается так:

$$E_0 = Nm_{pl}c^2 = NE_{pl}. \quad (4.4)$$

Теперь она выражается через энергию частицы с планковской массой и эфиронное квантовое число, которое можно приписать телу массы m . Энергия покоя тела, как и его масса, определяется некоторой долей энергии эфилона (планковской энергии), опять-таки являющейся комбинацией фундаментальных мировых постоянных. Предложенная интерпретация формулы для энергии покоя представляется крайне важным (пусть косвенным) доводом в пользу существования эфиронов.

Примечание

* Эфирыны – «простейшие» частицы мироздания, существовавшие в начале начал. Это элементы первичной субстанции, из которой впоследствии образовался весь наш мир. Их можно назвать частицами Бога – структурными «кирпичиками», положенными в основание мира. Свойства эфирыона выделяют его из семейства других элементарных частиц: это единственная частица, все параметры которой определяются через величины мировых констант – скорость света, гравитационную постоянную и постоянную Планка.

Об авторах

Абрашкин Анатолий Александрович – докт. физ.-мат. наук, профессор кафедры математики НИУ ВШЭ (Нижний Новгород). Автор книг по древнейшей истории русского народа, исследования «Тайнопись в романе «Мастер и Маргарита» (в соавторстве с Г.В. Макаровой) и трех сборников стихов. Печатался в журналах «Молодая гвардия», «Наш современник», газете «Литературная Россия» и др. Член Союза писателей России.

Федоткин Михаил Андреевич – родился 1.05.1941 в деревне Киселёвке Липецкой области в крестьянской семье. Окончил механико-математический факультет (1963) и аспирантуру ГГУ (1967). В 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Теоретическая кибернетика». В 1984 г. защитил докторскую диссертацию по специальности «Теория вероятностей и математическая статистика» в МГУ им. М.В. Ломо-

носова. Доктор физико-математических наук (1984), профессор (1988). Награжден нагрудными знаками «Ударник десятой пятилетки» (1981), «Почётный работник высшего профессионального образования России» (2000), «Почётный работник ННГУ» (2006). В 1986 году создал кафедру прикладной теории вероятностей ННГУ, по научной тематике которой защищено 6 докторских и 30 кандидатских диссертаций. Опубликовал более 280 научных работ. Автор учебников «Основы прикладной теории вероятностей и статистики» (М.: Высшая школа, 2006), «Модели в теории вероятностей» (М.: Наука–Физматлит, 2012).

Малышев Алексей Владимирович родился 25.02.1971 в селе Саконы Ардатовского района Горьковской области. Учился в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете, строитель, в свободное время – исследователь прошлого родного края. В круг увлечений входят история, ономастика, культура и фольклор народов Среднего Поволжья. Автор научно-популярных книг и научных статей по истории Нижегородского Поволжья, лауреат премии имени П. Еремеева в номинации «Краеведение» (2019).

Ерофеев Владимир Иванович – 1959 года рождения, доктор физико-математических наук, профессор, директор Института проблем машиностроения РАН (Нижний Новгород). Автор монографий, научных статей, изобретений в области нелинейной механики и физической акустики. Опубликовал книгу «Толстой Американец», повести «Иван да Марья. Семейные предания», цикл рассказов «Третий путь».

Кауров Ярослав Валерьевич родился 7.06.1964. Окончил Горьковский медицинский институт. Работал невропатологом, врачом «Скорой помощи», на кафедрах патологической анатомии и токсикологии. Доктор медицинских наук. Автор 32 изобретений, 2 монографий и 1 открытия. Член Союза писателей России, Международного Литературного фонда. Один из создателей «Театра поэтов». Шеф-редактор журнала «Холм поэтов». Автор 13 стихотворных сборников, печатался в журналах «Наш современник», «Москва», «Юность», «Молодая гвардия» и множестве других изданий. E-mail: Jaroslav-kaurov@yandex.ru.

Татьяна Анатольевна Дружкова родилась 20.07.1938. года в селе Решма Ивановской области. Окончила механико-математический факультет ГГУ им. Н.И. Лобачевского (1960), кандидат физико-математических наук (1975). До 2017 года непрерывно работала на родной кафедре дифференциальных уравнений и математического анализа ННГУ. Построила родословное древо, содержащее более 300 лиц в 14 поколениях (вплоть до 1600 г.).

E-mail: <http://kostromka.ru/druzhkova>.

Селезнёв Борис Анатольевич родился 19.10.1953 в Горьком. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал слесарем и механиком на производстве, водителем троллейбуса, литературным сотрудником. Член Союза писателей России. Главный редактор

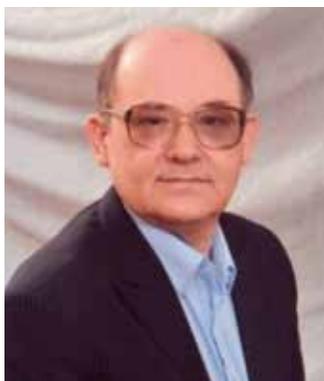

международного литературно-художественного альманаха «Арина» и журнала «Голгофа». Лауреат поэтических конкурсов. Автор 18 книг поэзии и прозы, а также множества публикаций в российской и международной периодике.

Чих Николай Владимирович родился 17.11.1950 в поселке Малое Козино Балахнинского района. До призыва на действительную службу работал слесарем-сборщиком. Службу проходил в специальном батальоне милиции. После демобилизации был принят в органы внутренних дел. В 1977 г. окончил ВЮЗИ, в 1999 г. – Академию управления РФ. В 1996 году перешел на службу в налоговую полицию России. Вышел в отставку в звании генерал-майора налоговой полиции.

Кандидат юридических наук. Автор пяти поэтических сборников.

Кузнецов Юрий Алексеевич родился 21.04.1950 в Курске. Доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой математического моделирования экономических процессов Института экономики и предпринимательства ННГУ. Автор более 100 научных работ и монографии «Математические задачи динамики ядерных реакторов». E-mail: Kuznetsov_YuA@iee.unn.ru.

Шустов Сергей Борисович – родился в 1958 году в г. Яранске Кировской области Закончил ГГУ, работал преподавателем в НГПУ. Доцент, кандидат химических наук. Автор 15 учебников и более 200 научных и научно-методических публикаций в области элементарно-органической химии и экологии, книг «Бах. Эссе о музыке и судьбе»,

«С детьми в лесу. Педагогическая флора с элементами осмоса и космоса» и 3 сборников стихов. Художник-анималист, иллюстратор Красной книги Нижегородской области. Лауреат премии Нижнего Новгорода (1996), национальной премии РГО «Хрустальный компас» за серию из 8 книг о природе России для детей (2014 г.), премии им. В. Найденко в области экологического образования и просвещения (2016). В настоящее время директор учебно-исследовательского полевого стационара «Сереза».

Шальнова Клара Геннадьевна – заместитель директора по научно-организационной работе, ученый секретарь Института металлоорганической химии им. Г.А. Разуваева Российской академии наук. Кандидат химических наук. Автор более 30 научных публикаций, двух авторских свидетельств, соорганизатор 13 международных конференций. Область научных интересов: термораспад металлоорганических соединений, комплексы металлов со свободно-радикальными лигандами.

Беллюстин Николай Сергеевич родился в 1950 г. в Горьком. В 1972 году окончил радиофак ГГУ. В 1972–2018 гг. сотрудник НИРФИ. Доктор физ.-мат наук (2002), профессор кафедры общей и ядерной физики НГТУ (2003–2015), ведущий научный сотрудник музея НРЛ ННГУ (2018–2020). С 2017 г. – председатель правления «Нижегородского кружка любителей физики и астрономии».

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
НАША ИСТОРИЯ	4
А.А. Абрашкин. Откуда есть пошел русский дух?	4
С.Б. Шустов. Дятловы горы и их древнейшие обитатели	26
А.А. Абрашкин. Абрамов городок: опыт исторической реконструкции	33
А.В. Малышев. Восстание разинцев в Нижегородском крае и битва у села Мурашкино	96
А.В. Малышев. Патриарх Никон и восстание Разина	113
ПАМЯТЬ РОДА	123
М.А. Федоткин. Мои корни – в русской деревне	123
(из книги «Траектории судьбы»)	
Владимир Ерофеев. Иван да Марья	132
Абрашкин А.А. Люди солнечного света	150
ПОЭЗИЯ	156
Ярослав Кауров. Ожерелье заволжских песен и побасенок	156
Нижегородская древлеправославная. Поэма	175
Борис Селезнев. Остаться с гибнущей страной	190
Николай Чих (Тихонов). Путь к совершенству прост	196
СОЮЗ ПОЛУШАРИЙ	209
Пирогов Л.Е. «Хотел стать писателем...» 210	
Беляков Сергей. Тексты песен из музыкального проекта BELSONG.COM	217
А.А. Абрашкин. У любви нет земных корней	226
С.Б. Шустов. Отрывки из книги «Прогулки с облаками»	232
НАУЧНЫЙ НИЖНИЙ	259
Сергей Михайлович Пономарев. Звезда КЭЦ взошла в Нижнем Новгороде	59
К.Г. Шальнова. Нижний Новгород – мировой центр металлоорганической химии	264
Т.А. Дружкова. Николай Федорович Отроков и теория предельных циклов	273

Н.С. Беллюстин. Владимир Андреевич Разин – человек советской эпохи	284
Ю.А. Кузнецов. Евгений Федорович Сабаев и динамика ядерных реакторов	300
Владимир Ерофеев. Феномен Надежды Никитиной	315
Надежда Никитина. Стихи	320
АНОНС КНИГИ	326
Абрашкин А.А. Самая знаменитая формула физики	327
Об авторах	331

А. Абрашкин

**РУССКОЕ
МЕЖДУРЕЧЬЕ**

Выпуск 2

Подписано в печать 22.11.2021.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15.81.
Тираж 1000 экз. Заказ № 454.

Отпечатано в типографии «Print-room» ИП Тимков В.С.
603087, г. Нижний Новгород, ул. Верхне-Печёрская, 14 б.
Тел.: +7 (831) 410-40-72, 288-00-72.